

# Аркадий УСЫК

## АРХИТЕКТОР СУДЬБЫ

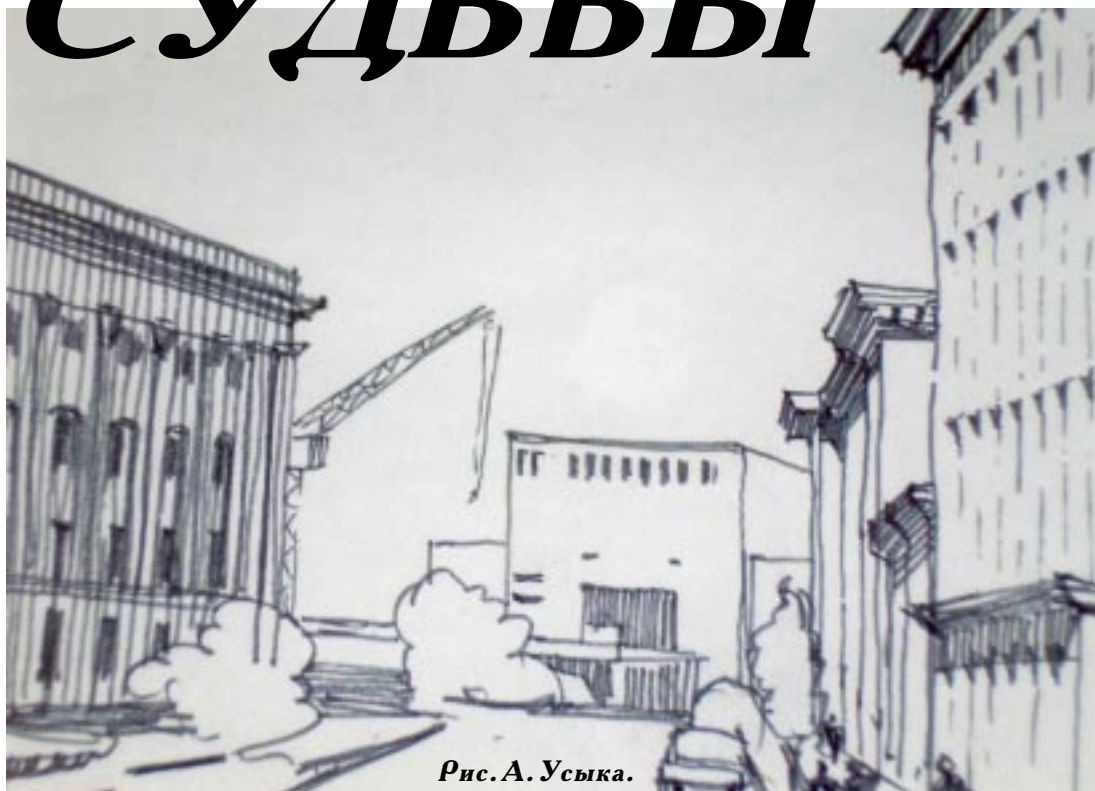


Рис. А. Усыка.



Эту книгу к своему 90-летию патриарх современного крымского зодчества, Заслуженный архитектор Украины Аркадий Михайлович Усык написал, практически, сам, ведь составлена она, в основном, из дневников юбилера, его профессиональных и публицистических статей, рисунков и фотографий, а также публикаций разных лет о самом авторе.

Составителям стало только, действуя по принципу Авиценны - не навредить! - донести до читателя живое и искреннее слово о необыкновенного Человека, Профессионала, Гражданина, чтобы все мы еще раз на примере его удивительной жизни убедились: как много можно создать, построить, воздвигнуть, успеть в этом мире сделать доброго, вечного и полезного людям, если станешь, прежде всего, ответственным и требовательным Архитектором своей Жизни, своей Судьбы...

**«КОЗАЦЬКОМУРОДУ  
НЕМА ПЕРЕВОДУ!»  
(Статья к 85-летию А. М. Усыка)**

2006 год для Аркадия Михайловича Усыка - год юбилейный. В конце мая он, его друзья и коллеги-архитекторы отметят славную, хотя и полукруглую дату - 85 лет со дня рождения. Известно: мужчины рождения 1920, -21, -22 годов прошлого века на Украине - редкостное явление. Именно эти возрастные категории, вошедшие в силу золотого сочного цветения, в военное лихолетье невиданная до тех пор война основательно, почти подчистую, скосила, будто молодую свежезеленую рожь.

Ныне, когда Аркадий Михайлович все чаще перебирает в памяти, будто разноцветные камешки, мозаику своей жизни, он, в прошлом убежденный атеист, склоняется к тому, что в его судьбе не обошлось без вмешательства высшего Мирового Разума. Господь, как теперь ему видится, не зря провел его с таким искусством сквозь все извилистые и опасные лабиринты бытия своего избранника, никого не предавшего и не продавшего для и во имя будущего, где предстояло ему совершить немало доброго и полезного для людей и Отечества. Не слу-



чайно теперь у него на устах, как у доброй христианки, при встрече ли, прощании обязательно благословение: «Дай вам Бог здоровья», «Хай вам Бог поможе. Бог в помощь» и т.д.

Свои корни по матери выводит из старинного рода запорожских казаков Денисенко (девичья фамилия матери), чем раньше втайне, а ныне явно гордится. Запорожские гены, подобно спящим почкам на дереве, сожженном трескучими морозами, проснулись ныне и распустились, и заговорили словами нашего Кобзаря об Украине:

*Я так її, я так люблю  
Мою Україну убогу,  
Що проклену святого бога,  
За неї душу погублю.*

Относительно «душу погублю» не опасайтесь: преувеличение, гипербола. Не погубит.

А вот плюнуть вам в глаза, если будете плохо отзываться об Украине, - вполне реально.

Тут запорожские гены врежут вам в лицо полным зарядом.

Вот вам далеко не полный портрет нынешнего Аркадия Михайловича Усыка, Кади, если по-родственному.

Он родился в с. Канавы Полтавской области, 29 мая 1921 года, в учительской семье. Учился всегда хорошо, прилежно и с удовольствием, летом подолгу живал у бабушки на хуторе, название кото-

рого в памяти не сохранилось. Сохранились лишь многие иные близлежащие селения Полтавщины, связанные с жизнью бабушки: Кобеляки, Козельщина, Билыки, Нехвороща, Маячка, Царичанка, Кишеньки. Потом он напишет для внуков-правнуков историю семьи - для родных и близких.

Его дальнейшая жизнь четко делится на несколько неравных периодов: армия и фронт, учеба, трудовая и общественная деятельность. Полная, хотя и предельно сжатая характеристика его трудовой доблести изложена в двух документах - Наградном листе по случаю присвоения Аркадию Михайловичу почетного звания «Заслуженный архитектор Украины» и представления на соискание премии Совета министров АРК за достижения в труде на благо Крыма. Вот что сообщалось в Наградном листе (приводим в сокращении):

УСЫК Аркадий Михайлович с 1939 по 1945 год служил в рядах Советской Армии. Участвовал в боевых действиях в Великой Отечественной войне, инвалид войны 2 группы. С 1946 по 1950 год - студент архитектурного факультета Харьковского инженерно-строительного института. С 1950 по 1953 год - заместитель главного архитектора г. Керчи. С 1953 по 1957 год избран заместителем председателя Керченского горисполкома. С 1958 по 1962 и в 1966 - 1972 годах работал начальником Управления капитального строительства Крымоблисполкома. В 1972 - 1975 годах был главным архитектором города Симферополя. В 1962 - 1966 и 1975 - 1981 годах работал руководителем мастерской, затем директором Крымского филиала института «УкрНИИгипросельхоз». С 1981 по 1992 год был глав-

ным архитектором Крымского филиала института «Укржилремирокст». С 1992 года 10 лет работает главным архитектором проектов - руководителем творческой бригады малого научно-производственного предприятия «Альт».

Член Союза архитекторов с 1962 года, избирался заместителем председателя правления Крымской организации Союза архитекторов. Является профессионалом высокой квалификации, его отличают организаторские способности, целеустремленность, творческий потенциал, работоспособность и умение работать с людьми. Руководил проектированием и строительством троллейбусной линии Симферополь - Алушта - Ялта, лично участвовал во внедрении рационализаторских предложений и решений, благодаря чему строительство шло с опережением календарных графиков. Под его руководством осуществлялось строительство Счастливенского, Изобильненского и Партизанского водохранилищ, решающих проблему водоснабжения ряда городов Крыма. Руководил разработкой проектов образцово-показательных сел Петровка и Восход Красногвардейского района Крыма. С его участием была разработана прогрессивная технология проектирования, давшая возможность обеспечить техдокументацией массовое строительство в хозяйствах Крыма птицефабрик, холодильников для фруктов и крупных откормочных комплексов. При его авторстве и руководстве разработаны проекты реконструкции многих зданий старой постройки в центре Симферополя, а также школ, детсадов, лечебных учреждений. Им разработаны одобренные Госстроем Украины предложения по реконструкции существующих типовых жилых домов 438 серии, с доведением их парамет-

ров до требований норм. Является автором строящегося в г. Симферополе квартала для депортированных народов, с разработкой индивидуальных проектов жилых домов, учитывающих национальные особенности жилища для многодетной семьи.

Награждался премией Госстроя СССР за лучшее выстроенное здание (детсад винсовхоза «Коктебель» в пос. Щебетовка).

За долголетнюю творческую деятельность награжден Грамотой Союза архитекторов СССР.

Свой опыт и знания передает молодежи - с 1972 года руководит дипломным проектированием в Симферопольском институте природоохранного и курортного строительства.

Неоднократно избирался депутатом городских и районных Советов (г. Керчь, г. Симферополь). Активно и плодотворно трудится в настоящее время и пользуется заслуженным авторитетом и признанием общественности Крыма.

Второй документ более объемист. Потому целесообразно обозначить наиболее ключевые моменты из Представления: Вот они:

Работая по окончании института на восстановительных работах разрушенной военной Керчи заместителем главного архитектора, заместителем председателя горисполкома, председателем Кировского райисполкома Керчи, принимал самое активное участие в восстановлении завода им. Войкова, Камыш-Бурунского железорудного комбината, судостроительного завода «Залив», морского торгового порта, комплексов железнодорожных станций «Керчь 1», «Керчь 2».

Одновременно с этим вел ряд авторских объектов, реализуемых строительством под его надзором: восстановление и благоустройство центральной площади им. Ленина (со сквером и фонтаном), центральная набережная Керчи, школа им. Короленко, гостиница «Керчь», стадион «Пищевик», рыбный магазин «Океан», а также жилые дома, магазины, школы, больницы, детские сады...

С огромным энтузиазмом Аркадий Михайлович трудился на посту начальника Управления капитального строительства Крымоблисполкома. Его возбуждали масштаб и размах строительства тех лет, встречи с интересными творческими людьми. Наиболее известные объекты того периода: здание облисполкома (ныне Совет министров АРК), 6-я горбольница Симферополя, колхозный рынок на площади им. Куйбышева, обустройство магистральных улиц Симферополя (дорожное покрытие, тротуары, озеленение, линии контактной сети городского троллейбуса, инженерные сети, водохранилища: Счастливенское, Изобильненское, Партизанское. А за строительство троллейбусной линии Симферополь-Алушта-Ялта Аркадий Михайлович был удостоен ордена «Знак Почета». В тот же период были построены троллейбусные парки в Симферополе, Алуште, Ялте и жилые дома с полным комплексом торгово-бытового и социально-культурного обслуживания.

Ныне одинокий (часть семьи проживает в Харькове, часть в Германии), придавленный тяжестью восьми с половиной десятков лет, Аркадий Михайлович, привыкший к самодисциплине, аккуратности и постоянной деятельности, все чаще подолгу лежит с открытыми глазами в ожидании ноч-

ного сна, зря выпив сорок капель разведенных водой корвалола: сон не приходит, мешают воспоминания. Лежит до рассвета, пока не побелеет окно - тогда медленно возвращается из далекого путешествия минувшей своей жизни. Какой-то мудрец, помнится, сказал, что драма человека не в том, что с годами дряхлеет тело, а в том, что не стареет душа. Хочется возразить мудрецу: может, не драма, а счастье человека в вечной молодости его души, в ее крылатости и бессмертии. Ах, как радостно, кто бы знал, снова стать маленьким Кадей, пробежаться босиком по холодной росе бабушкиного хуторского подворья! Или позже пройтись по Москве чеканным курсантским шагом в сверкающих, подогнанных по ноге сапогах в литом строю полковой школы, чувствуя в груди трепетную силу молодого искреннего патриотизма, любви и гордости за свою армию и могучую страну, поющую бодрые песни - от Москвы до самых до окраин...

Но вдруг сердце вздрагивает, частит и сбивается с ритма: это в память властно врывается грозный суровый мотив: «Идет война народная ...» Полковая школа преобразована в 1-й батальон полка. Сержант Усык - командир отделения взвода разведки батальона.

Первое сражение полк принял на Березине. Знаменитое Березинское сражение в Белоруссии. Сущий ад. На встречных курсах сшибаются и горят, как факелы, танки. Наша пехота подавлена и истреблена почти полностью. Ураганный огонь минометов, артиллерии и авиации стрижет зеленую белорусскую рожь, точно бритвой, превращая в черное месиво. Остатки полка - десятая часть - спаслась тем, что успела окопаться.

Сержант Аркадий Усык видит себя в одиночном окопчике на опушке леса у дороги. Сжался в комок, душа в пятках. Лупят минометы, режут на бредущем штурмовики... К нему в окоп вваливается танкист в кроваво-красном комбинезоне, будто по нему прополз танк. Руки висят плетями, вместо кистей - бело-розовые обнаженные кости... - «Где, браток, здесь санчасть?» - поражал голос, звучащий неестественно спокойной жутью.

Потом необстрелянного воина крайне удивит еще одно зрелище необычного характера: на лесной опушке, с противоположной стороны шоссе стоит во весь рост, не обращая внимания на Содом и Гоморру от взрывов снарядов и мин, полковник Крейзер с группой командиров. И новичку-окопнику от этого враз полегло: мурашки исчезли, душа вернулась на обычное место. Он расправил плечи, перестав себя чувствовать так тоскливо в своем одиночном окопчике.

Потом было многое: разведка, пленение трех немецких телефонистов в сельском деревянном сарае - передовой пост какой-то наступающей части, тоскливая неразбериха вражеского окружения и длительное, мучительное протискивание смоленскими лесами к своим небольшими группками в обход немецких гарнизонов.

...Аркадий Михайлович подходит к рабочему столу и прежде, чем приняться готовить себе завтрак, подтягивает чистый лист бумаги и поспешно, пока не улетучились ночные мысли, крупным размашистым почерком пишет в левом верхнем углу: «Внуку Диме». А посередине жирными чертежными буквами выводит: «Черная неделя». Ниже, под ней, в скобках, помельче: «Семь дней августа 41-го».

«Дорогой мой Мальчик! - пишет торопливо далее. - Хочу рассказать тебе о темной странице моей биографии - о семи днях пребывания в немецком плену. Об этом знали только моя дорогая Тонечка, твоя бабушка, родители да еще КГБ. Больше никто. Этот «черный ящик» долгие годы лежал на самом доньшке души, будто укрытый илом и тиной, хотя и мешал где-то моей карьере: плен в прошлом считался позором, несмываемым пятном. Казалось, лежал навек запечатанный, как ядовитая мумия, спеленутая ризой забвения. Нет! Не забывалось. Жгло и саднило, как старая рана на погоду. Решил тебе, мой Мальчик, описать все и тем облегчить душу».

Итак, жалкие остатки полка были окружены фашистами. Изголодавшиеся окруженцы приближались к Ельне. Уже по утрам слышна была артиллерийская стрельба. Небо на востоке озарялось вспышками. Цель, казалось, была близка. В один из дней обычное благоразумие изменило их группе. Даже уравновешенный, рассудительный друг-побратим (старше Усыка на десяток лет) Петр Тиньгаев дрогнул, сдавшись на уговоры группы. В полдень группа зашла в какую-то деревню. Хозяйка хаты принимала радушно. На стол поставила тарелку крупно нарезанного сала, несла от печи миску дымящейся картошки. В хату вошел невзрачного вида мужичонка с бегающими глазами, приветливо и вроде бы радостно поздоровался. Тотчас вслед за ним в хату ввалились два немца.

- Хальт! - дула автоматов хищно смотрели поверх стола. Это было начало плена.

Семидневную одиссею плененных, полную тревог и

опасностей, Аркадий Михайлович подробно опишет в истории его семьи. А конец ее был таков. Из всех вариантов спасения в мозгу прочно засел единственный: бежать! Бежать во что бы то ни стало. Даже с пулей в спине.

Их вывели из Оршанской тюрьмы, строя по двадцать человек, собираясь куда-то везти. Лихорадочно работает мозг — улучшить момент для побега. Понятливо переглянулись с Петром Тиньгаевым: ловим момент.

Их двадцатка покидает ворота тюрьмы. Впереди вышагивает долговязый немец, автомат болтается у него на шее. Аркадий предпоследний, Петро - позади него. Впереди на улице - крытые брезентом автомашины, вдоль них теснятся люди, в основном женщины. Высматривают знакомых и близких. Немцы прикладами стараются установить дистанцию. Их подвели к крытому брезентом грузовику. Передних немец уже заталкивает в кузов. Аркадий оглянулся на Петра. Тот понял - пора. До людской толпы было метров десять. Спасение рядом. Собрав волю в кулак, Аркадий двинулся к толпе, Петро - он чувствовал - последовал за ним. Только бы не дрогнуть, не побежать! Больше безразличия и уверенности. О, как нестерпимо жгут руки проклятые консервные банки - атрибуты лагерного быта! Не попали бы в око немцу, иначе - пуля. Попытка к бегству карается смертью. Ноги, став ватными, подкашиваются, но, послушные воле, ковыляют к толпе. Толпа чуть раздвинулась и тотчас сомкнулась, плотно заслонив их. Консервные банки сразу же полетели в кошелку рядом стоявшей женщины. Страшное нервное напряжение сковало движения, требовалась хотя бы мгновенная передышка. Кто-то сунул им кисет с табаком.



Аркадий инстинктивно оглянулся. В памяти отпечатались «их немец», бегущий обратно к воротам тюрьмы и что-то раздраженно кричащий на ходу. Пора немедля «смыть-ся».

Они двинулись вдоль людской толпы, все ускоряя шаг. Толпа начала редеть и они пошли по улицам Орши. Только один раз остановились возле двух немолодых евреек, стоявших у дома. Они показали дорогу на мост через Днепр, дав на прощанье несколько картофельных лепешек. Их темные, полные боли глаза навсегда врежутся в память Аркадия Михайловича.

Несколько минут спустя они стояли на восточном берегу Днепра, жадно вдыхая воздух свободы. Свободы относительной. В мозгу мерцала дата: семнадцатое августа сорок первого. Но росла, ширилась тревога: война набирает силу в пользу врага. Что впереди?

А впереди были ночные блуждания лесными дебрями в поисках своих, проблемы пропитания, встреча с партизанами, два с лишним года в партизанском движении в отряде «Бати», переход линии фронта, длительные и канительные проверки каждого бывшего окруженца спецорганами. Потом служба в действующей армии до демобилизации в 1945-м.

29 мая 2006 года, помолодевший лет на 20, Аркадий Михайлович наденет свой лучший костюм, сверкающий наградами: ордена «Богдана Хмельницкого», «Отечественной войны» 1-й степени, «Отечественной войны» 2-й степени», орден «Знак Почета», медаль «За трудовую доблесть», 15 медалей... А еще перед его глазами замаячат невидимые собравшимся чествовать юбиляра, но знаковые для него, со-

оружения, построенные в городе по его проектам в последние перестроечные годы: шахматный клуб на набережной Салгира, офисное здание фирмы «Лукойл» по улице Кирова, торговые центры по улицам Севастопольской и Маяковского.

Выслушать приветственные речи, телеграммы и здравницы, хотя и волнующее, но не самое трудное дело для юбиляра. Сложнее будет завтра, когда начнется отсчет очередного года бытия. Что готовит грядущий день? Хочется, чтобы



сбылась хотя бы половина пожеланий, где главное: здоровье, ясность ума и творческое долголетие.

**Ефим Крикун.**

## ЧОТИРИЩАСТЯ АРКАДІЯ УСИКА

Аркадій Михайлович Усик - жвава, рухлива людина, з живими промінчиками в очах. Так це йому виповнилося щойно 85 років, чи щось я не зрозуміла? Піду запитам у колег! Але запитала у книги, яку готує Аркадій Михайлович до видання. І одразу ж все стало на свої місця. В свої 75 - 80 він ще активно працював за фахом, хоча сам - інвалід II групи, і зі слухом негаразд, і короткозорість дошкуляє (це з самого юнацтва).

А контузія, а операції, рани (оті, що на серці - у прямому і переносному смислі слова). У прямому - від інфаркту, а в переносному - від тяжких втрат. Бо вже майже тридцять років, як пішла з життя його 32-річна донечка Іра, і нещодавно минуло три, як розлучився він зі своєю Рибонькою (так Аркадій Михайлович називає в записках свою кохану дружину Тоню).

"Я й зараз ще не вірю, що лишився один, ось-ось здається, що вона увійде, наперед знаю, що скаже і як", - це не в книзі, це в розмові з Аркадієм Михайловичем. Адже 58 років прожили душа в душу. Йому і зараз не зрозуміти тих чоловіків, що, прийшовши додому, "прилипають" до комп'ютера чи телевізора, - кожную вільну хвилину Аркадій Михайлович намагався бути з Тонею, яка у всьому його розуміла, робила все, щоб не ускладнювати йому життя марудною домашньою працею. Адже її чоловік - постійно на відповідальних роботах, дбає про добробут родини.



Оце і було воно, чи не найбільше щастя в житті Аркадія Михайловича, бо там, де добра розумна дружина і хороші діти та внуки, вся гілка дерева роду не чахне, а квітне.

Одне лише ображало Антоніну - коли вже в роки Незалежності починав її чоловік роздратовано говорити про росіян, їхні непомірні апетити до чужих земель та шовіністичні замашки. "То, виходить, що я теж така?" - запитувала Антоніна, яка була не меншою патріоткою України, ніж сам Аркадій Михайлович. "Ну, що ти, Рибонько, ти ж у мене поморочка, ніяка ти не росіянка", - заспокоював її чоловік. І прийшло це щастя в його життя без особливих урочистостей.

Аркадій був тоді командиром взводу курсантів, а Тоня - молодий воєнлікар. Загс, вечірка і мамин лист з плямами від сліз - так все сталося для неї несподівано.

А другим щастям Аркадія Михайловича стала його робота. Здобута освіта архітектора. До Харківського інженерно-будівельного інституту він, золотий медаліст, вступив ще в 1939 році, але настав час військової служби, що затяглася на довгі роки війни. Доучувався вже пізніше, з 1946 по 1950 рік. Креслярська дошка для Аркадія Михайловича була не полем боротьби за хліб насущний, а живим екраном, на якому розгорталися захоплюючі події, де актором, режисером і автором сценарію був він сам. Або ж майже сам, бо його творча праця охопила переважно ті часи, коли забудова велася типово і важко було виявити своє бачення та хист, коли потрібні просто грамотні виконавці. Але для Аркадія



Михайловича будь-яка робота і на будь-якому етапі була цікавою, і він не розумів тих архітекторів, що поділяли її на чорнову і гідну справжньої уваги. Ось йому, вже досвідченому майстру, доручили проектувати теплицю. І він із захопленням береться за це. І нарешті остання велика праця майстра (якому на час її завершення виповнився 81 рік!) - проектування магазинів "Фуршет" і "Фокстрот", що по вул. Маяковського. "Сам процесс архитектурного творчества, работа на ватмане доставляют мне истинное удовольствие", - пише він в книзі спогадів, де російськомовні тексти чергуються з україномовними. І це щастя у Аркадія Усика вже не відібрати, воно з ним, поки тримає рука олівець.

Але буває, обдарована людина багато і наполегливо працює, але чомусь виходить так, що на керівні відповідальні посади запрошують інших. Не будемо гратися в піжмурки: окрім простої вдачі, тут ще потрібен особливий хист, що поєднує надзвичайну працездатність і контактний характер. Аби ті, хто тебе висуває, були впевнені, що ти не вчиниш якусь там революцію, котра змете і їх самих.

Першою керівною для А. Усика стала посада заступника головного архітектора м. Керчі (тоді ще йому не виповнилося і тридцяти). Саме в Керчі найяскравіше розташовуються його споруди. В 1953 році Аркадій Михайлович став головним архітектором Керчі, а в 1957 році - обраний мером міста. Але не попрацював на цій посаді і року - в листопаді 1958 року рішенням обкому партії його перевели в Сімферополь на посаду начальника управління капітального будівництва Кримського облвиконкому. В УКСі пропрацював А. Усик близько чотирьох років - ця посада давала йому

надзвичайні можливості, і він поспішав встигнути зробити якомога більше. "Пам'ятниками" того часу стали тролейбусна лінія Сімферополь - Алушта - Ялта, кілька водосховищ і безліч житлових будинків, шкіл, лікарень, адміністративних об'єктів та споруд комунального господарства (те, що тепер продають, ділять і переділюють онуки за віком Аркадія Михайловича). Та після реорганізації, затіяної М. С. Хрущовим, УКС було ліквідовано, і його колишній керівник почав працювати в Кримському філіалі "Гіпрограда" керівником проектної майстерні. Довелось йому побувати і директором Кримського філіалу інституту "Укрнигипросельхоз". А в 1972 році Аркадія Усика призначили головним архітектором Сімферополя, свято якого ми нещодавно відзначили. Знає Аркадій Михайлович з власної практики і що таке праця депутата міськради. Та чи варто перераховувати увесь послужний список цієї людини? Він, м'яко кажучи, змістовний, і внесок А. Усика на цих посадах в підвищення добробуту своєї країни керівництво оцінило гідно. Має Аркадій Михайлович ордени Богдана Хмельницького та "Знак пошани", медаль "За трудову доблесть". Є лауреатом премії Ради міністрів АРК та Заслуженим архітектором України.

Ще 15 медалей та ордени Вітчизняної війни I та II ступенів - це більше стосується тих буреломних літ, коли (і то щастя!) молодий солдат не загинув, а, потрапивши в оточення і полон під Березиною, втік на волю вже на восьмий день. Він сьорбнув і партизанської юшки, і крокував серед відбірних військ найкращої в армії Московської дивізії, бо був відмінником армійської служби, як скрізь і завжди, за що б не брався.

Але те його воєнне щастя було б неповним і взагалі могло б звестися нанівець, якби виявили до його перебування в полоні (цілий тиждень!) "компетентні органи" підвищений інтерес. А вони і цікавилися, але не вчепилися, мов лещатами, як то іноді буває. Проте і спокою не було. Аж до того часу, до якого так прагнув дожити батько Аркадія Михайловича...

Ось один зі щоденникових записів. "14 листопада 2003 р. Сьогодні минає 105 років з дня народження мого батька - Михайла Андрійовича Усика. Від нього до мене перейшла, мабуть, та безмірна любов до батьківщини - рідної України, рідної мови, всього українського. Не дожив він до цих днів..." А син його дожив! І в цьому четверте, чи не позаконкурентне щастя заслуженого архітектора. Він встиг оцінити переваги нової розкріпаченої архітектури і нової розкріпаченої людини.

- І хоч я постійно користувався усіма можливими пільгами і в Радянському Союзі, мав персональну пенсію, я і моя сім'я лікувалися в лікарні, яку не порівняти з іншими, ми регулярно відпочивали в санаторіях, я не знав, що таке черги, - просто брав те, що мені потрібно, але коли постало питання про незалежність України, я з радістю віддав все, одержавши ті ж самі пенсійні копійки, що й інші мої співгромадяни. І був щасливий! Мене вразило тоді, з яким піднесенням і патріотизмом відав свій голос за незалежну Україну й голова облвиконкому Трохим Миколайович Чемодуров. Це була дійсно нова розкріпачена людина.

І за ці роки я в своїй державі не розчарувався. Голосували за Ющенка і його команду. За Ющенка голосував і мій онук Дмитрик, що мешкає тепер в Німеччині.

Що ж до приватної власності, то я завжди розумів, що так воно було і буде, радянський експеримент, що тримався на кістках, провалився.

Але Аркадій Михайлович не намагається плямувати чорною фарбою усе, чим він жив довгі роки і чому сумлінно служив, як-то кажуть, "в межах Конституції". Йому регулярно доводилося входити до оточення перших осіб держави, коли ті приїздили до Криму. Сподобався Микита Хрущов, просто одягнений: "Хрущёв расстегнул свой пиджак, затем джемпер (вот здесь я обратил внимание, во что он был одет: на нем был серый, не новый костюм - на воротничке были видны засаленные места - с двумя дырочками от золотых звезд, которые в повседневной жизни он, видимо, не носил..." І висновок після спостереження поведінки цієї непересічної людини впродовж кількох годин: "Ещё раз хочу подтвердить, что Хрущёв мне понравился. Простой в обращении, не напыщенный, жизнерадостный, непосредственно воспринимающий все происходящее вокруг..."

Аркадій Михайлович пам'ятає репресії 1937 року, те, як вивільнялися квартири батькових друзів і їх обживали сімейства, які працювали на НКВД (не будемо згадувати прізвища нині відомих людей...).

Цікаві спогади А. Усика і про його зустрічі з двічі Героєм Радянського Союзу, заступником Голови Верховної Ради УРСР Сидором Ковпаком. "Простецкий украинский дядько, с бородкой, небольшого роста", який полюбляв грати в дурня і міг сказати комусь з гравців: "Вилазь, ти не вмієш грати. Трошки повчись у мене".

І займав його місце. "Ковпак играл азартно, с присказ-

ками, с подначкой - говорил при этом только на украинском".

Пам'ятає Аркадій Михайлович і оте "горезвісне" приєднання Криму до України, що обросло вже мохом легенд, мовляв, світ не бачив, щоб так позбиткувалися над народом. Зі слів очевидця, приєднання відбулося без щонайменшої примусовості. Росія Криму не надавала жодної практичної допомоги. За увесь післявоєнний час нею споруджено було

лише вісім 12-квартирних будинків. Всі комунікаційні, енергетичні і транспортні зв'язки поєднували з Україною. Тому і народилося відповідне рішення. З 1955 року в школах почали викладати українську мову. З'явилися навіть дві україномовні газети (одна - дублікат "Крымской правды"). Але тривало все це недовго. Петра Юхимовича Шелеста засудили як націоналіста. І неспівим виступам на нарадах українською мовою, навіть у Києві, було покладено край.

Сьогодні батьки Аркадія Михайловича, його сестра Неля, дочка Ірина спочивають на кладовищі в харківській землі. Знайшла собі там останню домівку і "поморочка" Тоня. А місце поруч з нею вже заброньоване...



І Аркадій Михайлович, ще сповнений сил і життєвих інтересів, понад усе хоче для своєї української землі миру і процвітання. Він прагне, щоб ми нарешті відірвалися від Росії, навіть, якщо це боляче, навіть, якщо економічно невигідно. А щоб не було вороття, мусимо утверджуватися в міжнародних організаціях.

В далекому 1962 році Аркадій Михайлович з батьками

та ріднею відвідали землю, де колись народився він сам, його матуся. Щоправда, від маминого хутора лишився лише ледь помітний пагорбок - там була їхня піч. І скільки бачило око колосилася пшениця. Село Канави, що на Полтавщині у Кобеляцькому районі, збереглося. Тут вчителювали колись Аркадієві батьки, тут народився і він сам.

"Кадю!" - так завжди зверталася до Аркадія Михайловича матуся, що з роду Денисенків - запорозьких козаків. Йому і зараз часто здається, нібито чує він її лагідний голос, а ще - дзвін колосків, які теж шепечуть його ім'я. Бо це він, саме він відповідальний за майбутнє своєї держави. Адже з кожного спитається за можливостями його...

**Тамара Соловей.**

*Газета "Кримська світлиця",  
№25 за 16. 06. 2006 р.*

**А. М. УСЫК,  
Заслуженный архитектор Украины**

**Моему Мальчику - любовью...**

## **ВОСПОМИНАНИЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДНЕВНИК**

**ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ**

**(декабрь 1977 г. - сентябрь 2004 г.)**

**8 декабря 1977 года**

Хочу написать историю моей семьи. Начать ее трудно. Как и в какой манере писать? Как соблюсти хронологию, последовательность?

Хочу написать, как сложится. Что вспомнится в ту минуту, когда пишу. Хотя и не будет последовательности во времени.

Что послужило причиной того, что я пишу? Видимо то, что, как мне казалось раньше, жизнь не вечна, все смертно. Умерли мои родители. Сейчас умирают люди, с которыми я работал, дружил. Время, как мне кажется, уходит бесследно. Во всяком случае, так получается и так, видимо, устроен человек, что все быстро забывается (хотя, должен сказать, что мне и сейчас - сегодня, 8 декабря 1977 года - отец и мать очень часто снятся. В самых различных ситуациях).

Трудно сказать, как сложится в дальнейшем история моей семьи (у нас с Тоней нет сына, т. е. фамилия «Усык»



*Отец Михаил Андреевич Усык  
и мама Евдокия Семеновна  
Денисенко.*

кончается, видимо, на мне), но мне хотелось бы, чтобы хоть что-то осталось для моих потомков, именно то, что раньше называлось родословной.

И, кроме того, над нашей родиной за последние десятилетия пронеслось столько бурь и потрясений, что мы почти ничего не знаем о наших предках. Хотелось бы, чтобы последующие поколения были бы хоть немного счастливее в этом отношении нас.

### **Бабушка**

Начал с бабушки - Пелагеи Фоминичны Денисенко - маминой мамы. Начал я с нее только потому, что на ней почти и кончаются мои познания о моих предках. Дедушка умер где-то в годы революции. О нем знаю только то, что



сейчас помню по рассказам бабушки: был он небольшого роста (бабушка была крупная женщина). Когда бывали в гостях и ехали обратно, то любил быструю езду, что, как бабушка говорила, приводило часто к неприятным историям: то «коні понесли», то «чуть не перевернулись». Но бабушка, как мне помнится, умела управлять не только ло-

шадьми, но и дедушкой.

Видимо, дедушка был трудолюбивым человеком, так как, имея двенадцать детей, семья жила неплохо по тем временам и имела все, что положено иметь крестьянским семьям. Это я еще застал, так как детские годы проводил у бабушки на хуторе в Полтавской области (Кобеляцкий район, около села Іванівка (Меркалівка).

Бабушкин отец, тоже по ее рассказам, служил в царской армии 25 лет, поздно женился и жил бедно. Бабушку выдали замуж рано (как я помню, первого ребенка - дядю Ільющу, кажется, - она родила в 16 лет). Попала она в более обеспеченную семью.

А, вообще, мои предки (по дедушке - «Денисенки») - запорожские казаки. До сих пор помню слышанные в детстве, на хуторе, названия населенных мест, связанные с жизнью моей бабушки: Кобеляки, Козельщина, Белики (Білики), Нехвороца, Маячка, Царичанка, Кишеньки.

Бабушка умерла в 1950 г., в год окончания мною ин-

ститута (незадолго до защиты диплома, которая была в июне месяце). На памяти бабушки я все время учился.

- Кадю, - говорила она, - коли ти вже закінчиш вчитися?» Сколько ей было лет тогда? Это можно только подсчитать, так как точного года рождения бабушки никто, и она сама, в том числе, не знал. Бабушка была неграмотна, и я, помню, будучи где то в 6-7 классе пытался научить ее читать, но из этого ничего не вышло. То ли у меня не хватило терпения, то ли уже действительно было поздно.

Так сколько же лет было бабушке? Дядя Гриша умер в 1975 г. в возрасте 82-83 лет. Был он старше мамы года на два - три. Мама рождения 1896, значит, дядя Гриша родился в 1893 г. Мама, как я помню, была предпоследней, одиннадцатой у бабушки. Дядя Гриша - десятым. На десять детей - пятнадцать лет, плюс 16 бабушкиных лет, когда родился дядя Ільюща, - 31 год. То есть, получается, что бабушка родилась где-то в 1862 году. Таким образом, в 1950 году бабушке должно было быть 88 лет. Помню ее в последние годы жизни. Мы с Тоней приехали в Харьков после демобилизации из армии. 1946 год. В феврале я опять поступил в Харьковский инженерно-строительный институт. Условие, которое мне поставил тогда директор - звание ректора еще не было: сдать экзамены за первый семестр, который уже кончился. Я эти экзамены сдал, получив только по химии четверку (единственная четверка за все годы учебы в институте).

Квартира из двух комнат: бабушка, папа, мама, Неля, Тоня, я и - 20 марта 1946 гола родилась Ирочка.

Бабушка живет на кухне. В нише, предназначенной





для ванны, стоит ее кровать. Для Ирочки она - «Палядя» (прабабушка).

Так и росла Ирочка на руках у «Паляди», так как остальные члены семьи трудились и учились в меру своих сил.

Кстати, бабушка жила с нами с 1931-32 гг., когда прошла коллективизация, и кончился, наряду со всеми другими, и наш хутор. Бабушка угасала постепенно. Все дольше она сидела неподвижно на своей кровати, безучастно наблюдая за происходившим на кухне.

Умерла она от рака превратника желудка (так, кажется). Знаю и помню только, что больше месяца она жила, не принимая ничего съестного. Даже молоко не проходило в ее желудок. Врачи говорили, что сердце, на удивление, здорово, но операция на желудке уже была противопоказана - возраст. Если от дедушки не осталось даже фотографии, то

бабушка в моих фотографиях, на счастье, сохранилась для моих потомков.

Другой одежды, кроме широкой юбки и кофты, бабушка не носила. Под кроватью у нее с незапамятных времен стоял фанерный чемоданчик, в котором хранился деревянный крест, обклеенный бумажным тоже крестом (Христос и какой-то текст), крест и чистое белье, которое должно было быть одето на нее после смерти.

В этом ее и похоронили.

### Хутор

Что я помню о хуторе? Где он находился, я уже говорил.

В 1960 году мама, папа, Тоня и дети ездили на мою родину. Я их вез на «Победе».

Страшная «курява» на дорогах Полтавщины. Август месяц. Приехали в Кобеляки. Остановились у дома маминой подруги, отец которой был до революции инспектором школ в Кобеляках. Громадный дом (длинный - на украинский манер) в 8-10 комнат. Наследница занимает две комнаты. Маме, конечно, приятна встреча. И сейчас я думаю, что, может быть, был неправ. Но тогда я торопил всех. Я за рулем, наша цель - моя родина.

Мы ехали. Курява, о которой я уже сказал, началась после Кобеляк. «Победа» хватала ее во все имеющиеся щели. В том числе и из-под ног. Спасения он нее не было, и мы смирились.

...Кстати, перед Полтавой под машиной раздался взрыв. Я подумал, что взорвалась мина. Лопнула задняя крышка,



и, пока тормозил, она так нагрелась, что пошел дым. Слава Богу, что не передняя...

Мы приехали в Іванівку где-то часа в три - четыре дня. В селе жили дядя Гриша и тетя Мотя. Тетя Мотя - мамина сестра.

Украинская хата под соломой. Усадьба не ограждена. Дядя и тетя были дома. Встреча - неожиданна, много восклицаний, вопросов. Никто нас не ждал. Сразу же решили ехать в Канавы, где я родился, и по пути посетить то место, где стоял хутор.

К хутору привела незаметная проселочная дорога среди полей пшеницы. Дядя Гриша, сидевший впереди (дети остались у тети Моти, поехали папа, мама и Тоня), сказал: «Приїхали». Я вышел из машины, оглянулся, но ничего не

увидел. Дядя Гриша зашел несколько метров на посев пшеницы и показал на небольшой холмик, заметно лысый на пшеничном поле. «Печище», - сказал дядя Гриша. Столько лет прошло, а на месте хаты, вернее, том месте, где обрушилась крестьянская печь, и до сих пор остался нерушимый бугорок. И это - через тридцать лет. Кругом были необозримые поля пшеницы. Это все, что осталось от хутора. (Помню: сіни, слева - зала, справа - большая комната с громадной крестьянской печью. Из этой комнаты - двери в «хатину», где спала бабушка и я с ней, совсем малолетний хлопчина. Не мог заснуть, пока не покручу бабушкины волосы на своем пальце. Перебирать в руке волосы, кстати, любил всю жизнь (что не очень, почему-то, нравилось моей Тоне). Около дома, справа, если стать к нему спиной, хозяйственные постройки, слева - колодезь. Дальше внизу - ставок. За домом - громадный вишневый сад, который мне в детстве представлялся целым лесом).

На этом хуторе родилась моя мама. Когда родители переехали в Полтаву, а затем в Харьков, - летом я непременно был у бабушки, на хуторе. До тех дней, когда ему пришел конец.

Как он назывался, какой его был почтовый адрес? Я этого не знаю и спросить не у кого. Для меня он - хутор. В километре или полутора от Іванівни, где в этот момент нашего приезда жила мамина сестра тетя Мотя.

И вот мы едем в Канавы. Сколько это километров от хутора, мне трудно сказать. Я не смотрел на спидометр, хотя и спросил, очевидно, об это у дяди Гриши. «Та це тут рядом. Зараз приїдемо».



Полтавщина - равнина. Так, во всяком случае, мне видится сегодня наш путь. Та же курява, на которую уже бессмысленно обращать внимание.

Впереди - небольшое село. Собственно, села я и не помню.

Школа, - кирпичная, одноэтажная. Перед школой какая-то пожилая женщина узнает маму. Она - ее ученица. (Я думал - подруга). Маму целуют, приветствуют, радуются. Это все неожиданно, так как мы тут, как говорят, случайно (я фотографировал, что успел, эти фотографии как-то подтверждают мой рассказ).

Заходим в школу, и мама показывает мне комнату, в

которой я родился. Небольшая комната (я ее тоже сфотографировал), в которой, очевидно, жили тогда мама и папа.

Обратная дорога, как всегда, короче. Я начинаю беспокоиться, спрашиваю у дяди, где магазин; все же, мы гости - нежданные. Дядя, сидящий опять же рядом со мной, само спокойствие: «Зачем нам магазин, дома все є».

«Як же є, - настаиваю я, - ви ж нас не ждали». „Все є, кажу тобі”. Дядя уверен в себе, и я понимаю, что это не обычная бравада хозяина, который обязан так себя вести. Все же, под предлогом купить конфет внукам (они живут рядом дядей и тетей в своей хате), я подворачиваю к магазину и покупаю в придачу и какого-то вина (местного, конечно, не виноградного, которого в те времена здесь и не бывало).

Тетя уже успела приготовить слот, типично сельский: сало, яичница, цибуля, свежие огурцы, помидоры, еще что-то по этому сезону.

Садимся в большой комнате. Дубовый стол, лавки вокруг. Дядя картинно открывает занавеску, за которой стоит кровать, и поднимает полог. И тут я действительно убеждаюсь, что «все є»: под кроватью - батарея бутылок, заткнутых кукурузными початками.

Папа мой никогда не пил, мама могла только пригубить рюмку, Тоня тоже не в счет. Поэтому всю «тяжесть» встречи с нашими родственниками, искренне образовавшимися нашему приезду, пришлось выносить мне. Появился за столом и какой-то пожилой человек, услышавший,



что «приїхала Дуся з сім'єю», и которого мама, оказывается (тогда он был подпаском), учила грамоте. Приходили и другие люди, которых я теперь уже и вспомнить не могу (учитывая прошедшее время и мою «миссию», которая заключалась в том, что я должен был представлять мою семью: «Кадю, ну давай вип'ємо, коли ще прийдеться»). Тетя не отставала от дяди и за мной тоже зорко следила, чтобы я, не дай Бог, не пропустил очередную рюмку).

Кончилось все тем, что мама и папа ушли куда-то ночевать. Увела вместе с ними детей и Тоня, разошлись почти все гости. Но тетя Мотя не могла успокоиться: стол был вынесен во двор, и скоро за ним осталось только трое - тетя, дядя и я.

Спать мы легли около хаты. Тетя Мотя, на удивление, оказавшись намного трезвее нас - а я же видел, что она ни разу, из солидарности с нами и, честно выполняя свою нелегкую роль хозяйки, не пропустила ни одну рюмку, - постелила нам. Дядя вынес ружье, выстрелил из него и повесил на стену со словами: «Щоб нас не вкрали», лег рядом со мной. И я провалился...

Мое гусарство на моей родине не прошло мне даром. Утром я не мог поднять голову. Тетя и дядя, на удивление, веселые, вылили на мою голову ведро ледяной колодезной воды. Это что-то помогло, и мы выехали. Но под Полтавой, на Ворскле, я вынужден был остановиться. Два часа отдыха, и

мы поехали дальше в Харьков.

Когда мы приехали в Харьков, на дачу, и я открыл багажник, то мне опять чуть не стало дурно: в багажнике (когда тетя и успела!) была наложены те же бутылки самогонки, заткнутые кукурузными початками.

Через два дня мы были в Симферополе, и я слег в больницу с кровотечением язвы, теперь уже, двенадцатиперстной кишки.

**11 сентября 1978 г.**

**Дима**

Разговор был в машине. Даже не разговор. Я молча веду машину, он - на заднем сиденье. Мы вдвоем. И вдруг:

«Что, Ирочка уехала в другой город?..» Я молчу. «Она скоро приедет, да?» Я что-то пытаюсь сказать невразумительное. Он больше не спрашивает. Это было в мае 1978 г.

В августе. Идем с ним по улице. «Что, Ира уехала в другой город и никогда больше не приедет?» Что я мог ответить моему внуку?

К счастью, он не настаивал.

Я спросил потом Аню, рассказав об этих разговорах, кто придумал для него такую версию. Аня ничего не знает, Дима у нее не спрашивал, и она ему ничего по этому поводу не говорила.

Ира страшно любила Диму. И он отвечал ей взаимностью...



**28 сентября 1978 г.**

Сегодня был по делам в Ялте. Поставил машину около гостиницы «Украина» и вышел на набережную. Прошел немного и так пронзительно вспомнилась Ира.

В это время (конец сентября, начало октября) год назад она была в Ялте, в санатории «Энергетик». Последний раз своей жизни в Ялте.

Такие же теплые, даже жаркие осенние дни. Безветренно, теплое море. В море она не рискнула купаться, но бассейн ей разрешили. Потом и бассейн запретили (очевидно, были плохие анализы). Выехала на несколько дней Аня и ходила по ее курортной книжке в бассейн, благо это было рядом.

Как любила Ирочка Ялту! В каждый приезд: «По-едем, папка, в Ялту?». В субботу или воскресенье, по мере

возможности, едем в Алушту, в Ялту, а то и дальше - в Алупку, в Воронцовский дворец.

И не могли мы и подумать, что осень 1977 г. станет последней для нашей Ирочки осенью в Ялте.

... Только приехал, сижу и пишу это, а сердце щемит, как и щемило всю обратную дорогу из Ялты.

**24 декабря 1978 г.**

Ирочка скончалась в 5.00 утра 21 марта 1978 г. в Киеве.

20 марта 1978 г. ей исполнилось 32 года.

**9 мая 1983 г.**

Папа (дедушка) называл Ирочку «Пуцьянка».

**10 августа 1986 г.**

На днях Дима с Аней уехали в Харьков.

Перед самым отъездом (машина уже стояла наготове) мальчик вышел ко мне во двор, и мы сели по орехом.

Всей семьей они должны ехать в Волгоград Сережиному дяде. Я прошу Диму писать мне оттуда, лучше - на видových волгоградских открытках.

Попутно спрашиваю, хранит ли он мои письма, которые, кроме обычных, я пишу ему из тех мест, куда еду в командировку, и тоже, конечно, на местных открытках.

Он отвечает, что складывает в папку, и тут же, конечно, «а зачем это делать?», т. е., к чему собирать все эти письма.

Я объясняю, что сейчас ему это может быть и не понятно, но вот, когда он вырастет, у него появится сын, будет память о дедушке, а для сына - прадедушке. По письмам



можно многое вспомнить и о себе - маленьком, и о том, каким был дедушка.

- Зачем ты говоришь «был»?

- Но ведь я не вечный, мы с бабушкой - нас тоже когда-нибудь не будет.

- Я не хочу, чтобы ты так говорил.

Мальчик уже многое, очевидно, начал понимать. Ему в этом месяце будет тринадцать.

**8 ноября 1994 г.**

**Дима**

\* Маленьким любил, когда его купали. Что с ним делали - не обращал внимания. Только морщился и отмахивался, когда мыли голову.

Вся забота - плавающие игрушки. Одна из них, самая любимая - уточка, и сейчас стоит в ванной на полке.

\* Годика 2. В холодное время года, когда прогуливались, отворачивался от порывов ветра, даже останавливался.

Я ему напевал:

- Ветер, ветер-ветродуй,

Ты на Димочку не дуй.

\* Тот же возраст и меньше. Летом на пешей прогулке, когда уставал, просился на руки. Клад голову на мое плечо и тут же засыпал.

\* Любимая игра в машине. Я иду в магазин, он остается в машине, возил я его на заднем сидении. Возвращаюсь, подхожу к машине, вижу - спрятался, присел за сидением.

Сажусь и испуганным голосом: «А где же Дима? Куда же он мог деваться? Только что был здесь, и вот нет его.

Как же я теперь поеду домой без него? Придется идти искать».

Открываю дверку, и тут же из-за сидения высовывается головка: «Дедушка, я же здесь».

Оба обрадованы и довольны.

В школу пошел в Харькове, в пос. Жуковского. Это в Полярках, в районе лесопарка. Уже осенью приехал я в Харьков. Поднялся на 6-й этаж, дома никого нет.

А школа расположена рядом. Иду, смотрю. Между деревьями мелькают малыши, по возрасту вижу - первоклашки.

Диму обнаружил почти сразу: возится в куче таких же, как и он.

Постоял, думаю, нужно показаться.

Увидел меня, бросился радостно. Но ни «здравствуй», ни что другое, а: «Дедушка, я подрался!». Глазенки блестят, щечки красненькие. Обнял меня, прижался...

Как будто мы и не расставались.

На улице, в магазине ни на шаг не отставал от меня или бабушки.

Бывало, в магазине стоят две очереди, нужно занять место в обеих.

- Дима, ты постой за этой тетей, а я пойду там займу. Ни за что, только со мной, в толпе - только за руку.

Стал постарше - за руку держаться стеснялся.

Еще до школы мы отдали его на «акробатику» в «Ди-

намо». Бабушка водила его каждый день. Разные упражнения, прыжки, в том числе и на батуте. Главное - координация движений, ловкость. Эта акробатическая школа спасла его от увечья.

На Дыбенко, уже на повороте к центру, было два довольно глубоких приямка - без решетки. Как-то уже в сумерках, идем по этому месту, Дима впереди, вприпрыжку. Я: «Дима, осторожно!».

И только мелькнула его головка. Я побегаю к приямку. Сидит на корточках в самом низу, молча.

Я, испуганный, вытаскиваю его, ощупываю. Вроде все нормально, ничего не повреждено, ничем не ударился. Он тоже испуган, но не плачет.

Потом я уже понял. Во время неожиданного падения он инстинктивно и уже отработано на батуте сгруппировался, поджал ноги и так и влетел в яму. Дома мне, конечно, попало: «Как же ты мог допустить, как же ты отпустил его от себя?» Я и сам корил себя на все лады.

В четвертом классе весь учебный год он жил у нас и ходил в 40-ю школу. Тут-то мы определили его в школу плавания, в тот же бассейн «Динамо».

Год занятий дал ему много. Дима плавает всеми стилями и производит впечатление и сейчас на любом пляже.

Маленьким носил длинные волосы. Мордочка была прелестная.

Часто на улице: «Девочка, сколько тебе лет» (или «как тебя зовут?»)

Насупится и недовольно: «Я не девочка, я - мальчик!» С тех пор для меня он - «Мальчик». Так я его называю и сейчас.

То же в 4-м классе.

У меня была командировка в Скадовск Херсонской области. Хотя и жалко было срывать с учебы, поехали все втроем: Дима, бабушка и я.

Для Димы все впервые: жилье в гостинице, обед в ресторане, незнакомый город на море. Погода теплая, солнечная - сентябрь (октябрь?).

В местном универмаге увидели голубой шерстяной костюм. С тремя белыми полосками-лампасами и на рукавах. Что было модно. Немного великоват, но ведь мальчик растет!

Спросили Диму: «Купить?» Засмутился продавщицы, кивнул головой (попрошайкой не был, сколько помню, сам просил купить только футбольные бутсы).

Приехали домой в Симферополь поздновато, к концу дня.

Быстренько переоделся в новый костюм: «Я сейчас!».

Смотрим с бабушкой в окно: гордо, медленным шагом подходит к девочкам - Наташе, Марине.

(Кстати, с этим костюмчиком приключилась беда еще в Скадовске. В первый же выход, бегая по молу, Дима запнулся о проволоку и повредил брюки на колене. Все были страшно расстроены, но бабушка ликвидировала повреждение).



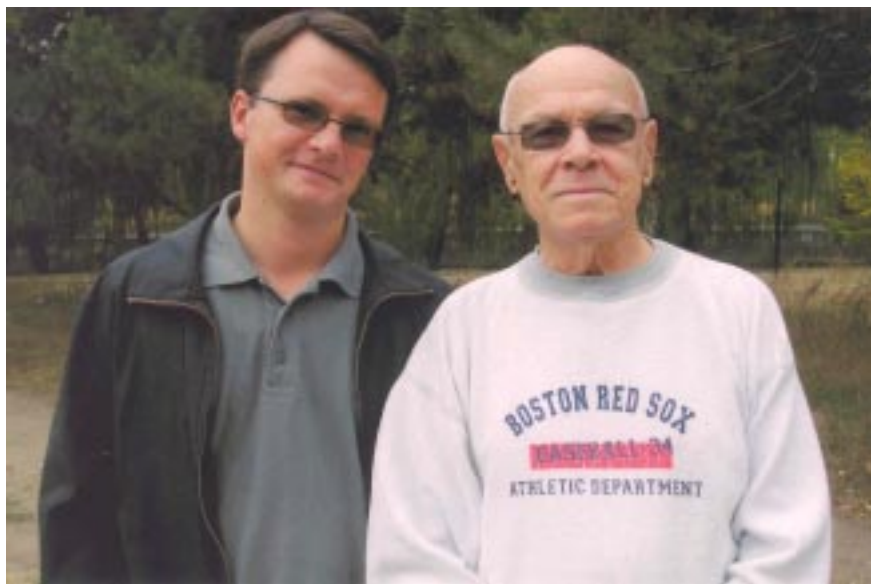
Бабушке Дима как-то уже теперь сказал:

- Я отличался от всех ребят благодаря тому, что хорошо плаваю, что вы меня отдали учиться плаванию.

**13 ноября 1994 г.**

В шкафе в лоджии лежит Мишка. Белый, большой. Мишку купили Тонины братья Володя и Алексей, когда была в Симферополе. Мишка и Дима была одного роста. Он без конца таскал Мишку по комнатам и падал вместе с ним, но не выпускал из рук.

Ежедневно, прежде чем поставить в гараж, я убирал влажной тряпкой или, если нужно было, мыл свой «Жигуленок». Дима крутился возле меня, просил дать ему чем-то помочь мне, что-то делал. Я старался дать ему работу почище,



поменьше, о чем до сих пор жалею, так как согласен с тем, что ребенка нужно приучать к труду, причем, настоящему.

Потом ему надоела моя возня.

- Дедушка, ну пойдем домой.

Я говорил: «Мальчик, машинка грязная не пойдет в гараж». И показывал, что машина действительно не заводится.

Один раз он меня удивил. Я уже не помню, что я ремонтировал. Помню только, что никак не мог приспособиться, приладить одно к другому. Что-то у меня не получалось. Дима, казалось, был занят своими делами и на мою возню не обращал внимания. И вдруг он походит ко мне и говорит: «Дедушка, а ты сделай вот так». И показал мне. И, как озарение, все вдруг получилось и одно к другому приладилось.

**20 ноября 1994 г.**

Никогда не вытирал насухо руки после мытья.

«Дима, руки вытри хорошо!» Куда там! Только дотронется до полотенца и уже умчался. Быстрее - во двор, к ребятам.

...Это было в мае 1993 г. Приехал в санаторий «Днепр» в Харакс, один, без Тони.

Пока регистрировали, побежал в «Марат» за жетоном для телефонного разговора - нужно же позвонить в Симферополь.

И вообще, первые два дня какая-то особая легкость

(хотя и должен знать, что это состояние - обманчиво), желание двигаться. От 5-го корпуса - до столовой, потом - обратно - быстрым шагом. Сердце вроде работает хорошо.

Утром договорился с одним сыграть после завтрака в бильярд. Отличил его по хорошей игре от других. Договорились, успею в «Марат» за газетами (в столовую перестали доставлять). Опять быстрым шагом. К бильярдной подхожу уже в 10.00.

Расставляю шары, партнера еще нет. Мари Ивановна (Мария Ивановна - многолетний маркер в бильярдной) дала новые - для пирамидки.

И вдруг чувствую, что слабею. Такая слабость навалилась, что насилу добрался до стула. И тут же меня «бросило» в холодный пот. Я стал буквально мокрым. Почти инстинктивно достал нитроглицерин (всегда с собой), одну таблетку проглотил, вторую... Уже не могу поднять руки, обвисли вдоль тела. Глаза открыты, но все постепенно заволакивает темнотой. И я проваливаюсь...

В забытье пробыл, видимо, не долго. Надо добираться до корпуса. Мари Ивановна с недоумением смотрит на меня, но ничего не говорит.

Партнеру, который уже появился, проговорил, что играть не смогу. И очень долго добирался до корпуса. Остановившись, опять шел. Сказал сестре корпусной, что мне плохо. Прибежал врач.

Но я постепенно приходил в себя. Хотя слабость была еще несколько дней - еду приносили в палату. Тоне позвонил и рассказал обо все на другой день (междугородний телефон был в корпусе) и, как мог, ее успокоил.

В бильярдную больше не заходил.

Как не играл в бильярд и в этом году, когда мы уже вдвоем с Тоней, в апреле опять были в «Днепре».

### **30 ноября 1994 г.**

Как я учился в младших классах - уже не помню.

Мама меня определила в первый класс на год раньше, чем нужно. А началось это с того, что она брала меня с собой в школу, которая находилась на Журавлевке, и где мама преподавала.

Мы переехали со Свердлова, 13-75 на Пушкинскую, 72 (папе дали двухкомнатную квартиру), с детским садом около кондитерской фабрики (филиала?) «Жорж Борман» было покончено. Дома оставлять было не с кем.

10 класс я кончал в 133 средней школе. Это было новое здание, расположенное рядом с институтом инженеров коммунального хозяйства, где доцентом был папа.

Занятий в школе я без уважительной причины не пропускал. Это стало и моим правилом в институте.

Я был отличником, учеба давалась легко, зубрежкой я не занимался. Но весной, в выпускном классе, меня все же сманили в кино, и я пропустил какой-то урок по тригонометрии.

И вот - выпускной экзамен по тригонометрии.

Беру билет. Доказать теорему (запомнил на всю жизнь): «Площадь проекции равна площади проектируемой фигуры, умноженной на косинус угла наклона». Этой теоремы я не знал и понял, что о ней шла речь на пропущенном мною уроке.

Мне трудно говорить о моих тогдашних переживаниях - не помню.

Но эту теорему я решил, как задачку, причем, не тем путем, что в учебнике. Математик (не помню, к сожалению, как его звали) долго смотрел на исписанную мною доску, молчал, а потом произнес: «Молодец, Кадичок, все правильно». Он меня так и называл моим уменьшительным семейным именем, так как был знаком с мамой, тоже учительницей математики, и даже с ней учился в университете.



Вместе со мной «Аттестат отличника» получили Оксана Недужа и Фима Лихтин («золотой медали» тогда не было, но право поступать в высшее учебное заведение без экзаменов в аттестате уже было записано).

**16 января 1995 г.**

Мой папа называл Ирочку «Пуцянька». Ее появление 20 марта 1946 г. в нашей харьковской семье (в этот день она родилась) вызвало всеобщую радость. Кроме нас с Тоней

- прабабушка, бабушка, дедушка Митя  
- все отдавали ей свою любовь.

И вот уже - 21 марта - семнадцать лет как ее не стало. Кто бы мог подумать? И как бежит время!

**26 марта 1995 г.**

В 1937 (1938) году, - мне уже было 16 лет, - каток советской истории прошелся и по нашему дому в Харькове (ул. Пушкинская, 72). Арестовали отца Женьки Гамзе, забрали отца Шику Сибиряка (и Гамзе, и Сибиряк - дети - их фотографии сохранились в моем альбоме). Отец Шики был старый большевик, какой-





то крупный харьковский деятель. Шика мне не раз у себя дома доставал и показывал отцовский «Браунинг». Бабушка его (мать отца или матери, не помню) приветливо всегда встречала нас на чистейшем украинском языке, правда, с местечковым акцентом. Кроме украинского и, естественно, еврейского, она - уроженка какого-то украинского местечка - других языков не знала. Отец Женьки Гемзе работал вместе с моим отцом и был, если не ошибаюсь, одним из заместителей председателя Укржилсоюза (Укражитлоспілки), где той отец был, кажется, начальником планово-финансового отдела.

Арестовали многих папиных друзей, которые приходили к нам. Фамилию одного помню - Кубась.

Тревога поселилась в нашем доме. Как сейчас помню, мама положила между столешницами раздвижного обеденного стола 800 рублей. Показала мне - на всякий непредвиденный случай.

В доме освобождались квартиры, появились новые жильцы. Так, рядом с нами, в кв. № 13 поселилась семья Бойко (Лиля Бойко - их дочь, теперь артистка Симферопольского русского драматического театра, заслуженная артистка Украины). Мать и отец Лили Бойко работали в НКВД. Через два или три года эту семью постигла трагедия: отец в приступе ревности убил мать Лили и сам застрелился.

Но Бог миловал нашу семью в те годы. Ни папу, ни маму не тронули. Но зловещая тень неполноценности все равно повисла над ними в последующей их жизни: и мама, и папа, конечно же, с Нелей и бабушкой (маминой мамой) оставались в оккупации в Харькове (папа, правда, после пер-

вого освобождения Харькова в феврале 1943 г. ушел с нашими войсками), Вследствие нахождения в оккупации при немцах папа не смог получить после войны кафедру, а мама - орден Ленина, который ей был положен по выслуге лет за ее самоотверженный учительский труд в течение десятков лет (была представлена, но на каких-то этажах вычеркнута).

Для прояснения ситуации нужно отметить, что уехать из Харькова в 1941 году при приближении немцев практически было невозможно - организовано уехали только крупные предприятия, начальство, их семьи и приближенные. И хотя ни одного пятна, порочащего их биографии в этот период оккупации, мои родители не имели (стоит прочесть дневник, который вел папа в те дни и который хранится в моей кожаной папке), никого это не интересовало. Был бы факт.

И еще. Папа мой и в армии никогда не служил (по состоянию здоровья), и не был призван, когда в 1943 г. покинул Харьков. Так что, и здесь его обвинить не в чем.

Но в этом была сущность нашего общественного устройства.

...За отца особенно было обидно. Какой он был блестящий лектор! (Я это испытал на себе. Курс «Экономики строительства» читал у нас он, ему же я сдавал и экзамен - больше некому было, - в Харькове никто больше этот курс не вел). Как он много работал!

Сколько цветов он приносил (правда, его сопровождали - самому такие охапки нести не совсем удобно). (Правды ради - то же было и у мамы: весной квартиру заваливала цветами она). Такой, казалось бы, невыигрышный курс, а аудитории были полны (в последние годы он читал многим

группам - архитекторы, ПГС, сантехники - вместе, в одной аудитории), тишина - муха пролетит, все пишут конспекты - учебников не было.

Ему одному в Харькове Министром высшего образования СССР разрешено было работать одновременно в трех институтах - строительном, коммунальном и народного хозяйства.

И вот, повторяю, зав. кафедрой не стал: беспартийный, был в оккупации...

Кандидат наук, доцент - все!

Докторскую диссертацию дважды переделывал - не дали защитить.

Последний вариант стоит в моем книжном шкафу. Как и его печатные издания.

А кафедру экономики в институте коммунального строительства, созданную на его трудах и его авторитете, возглавляли другие люди.

### **25 августа 1995 г.**

Завтра у нашего Мальчика - свадьба. Он с Витой были у нас в апреле с.г. Потом мы с Тоней сами поехали в Харьков - на 45-летие со дня моего окончания института. Это было в конце июня. Была на Жуковско - в однокомнатной квартире, которую Сережа купил Диме и которую, с участием Димы, отделали замечательно, включая сантехнику. Осмотрели и трехкомнатную квартиру, купленную для Димы в том же доме про Крымской, где живут сами. Работы - много.

В общем, все видели, все знаем. Поэтому, утром посла-

ли Диме и Вите телеграмму с поздравлением и пожеланиями. Свадьба будет небольшая, подарок наш они уже получили - обойдутся без нас.

Вот только - неожиданно все это, да и рановато для Димы. Только закончил институт, через пять дней будет всего 22 года...

В общем, дай им Бог здоровья, счастья и всего самого необходимого. Которое, при этом, нужно зарабатывать своими руками.

### **25 августа 1995 г.**

Тот же день - но суть другая. Вчера исполнилось четыре года со дня провозглашения независимости Украины.

Впервые почувствовал радость от этого дня. Хотя в 1991 году в этот день я был на седьмом небе. Никогда не думалось и даже не мечталось. Только где-то в глубине души теплилось: но почему, за какие грехи этот многострадальный 40-миллионный народ - единственный в мире по своей многочисленности - не имеет своей государственности? Теряются ментальность, культура, пропадает язык. В последние два - три десятилетия кА-то незаметно исчезает все украинское. Даже в школах, теперь сплошь почти русских, украинский язык, подав простое заявление без каких-либо вразумительных обоснований, твой ребенок может не изучать. Что, кстати, было с нашим Мальчиком, когда он в 4-м классе учился в 40-й симферопольской школе (жил у нас), сделано это было моими преступными руками - по его просьбе.

Оправдать это я теперь могу только потерей всякой



надежды на то, что украинский язык будет когда-либо нужен и востребован. И, конечно, моей, в данном случае, слепой любовью к своему внуку.

Да и сам я, при моей, можно сказать, академической подготовке по украинскому языку, закончившему украинскую среднюю школу, говорившему дома, а с мамой - до конца ее жизни, - только на украинском, стал отвыкать от моего родного языка.

Ради чего все это делалось?

Ради получения какой-то новой общности, которую называли «советский народ»?

Преступный геноцид по отношению ко всем народам, населявшим эту империю.

Только окончательно зашоренный человек не может не заметить этого процесса.

Первыми начали гибнуть, в буквальном смысле этого слова, самые малочисленные и слабо защищенные народы: чукчи, эскимосы, алеуты и др., я даже их названий всех не помню. Вместе с «освоением» Севера, шло истребление природы, всего живого, сущего там, и самих людей, детей которых, отрывая от родителей, изымали из привычной среды, поселяли в интернаты, откуда они уже выходили духовными инвалидами.

Что делалось с народами Средней Азии, в местах произрастания хлопчатника? Читал как-то в «Комсомолке»: женщины, дети трудятся в этом гербицидном аду на обработке хлопка, травятся, погибают.

Это смешение народов, а, значит, и культур, религий, языков, привычек, бытовых традиций и всего другого, называемое

Союзом, с принудительной русификацией, выдаваемой за благо! Во имя чего это делалось?

Слава Богу, что на Украине не окончательно погибло село. Только благодаря ему - селу, сельскому населению, - не погиб украинский язык.

Хотя в последние годы и здесь процесс пошел быстрее: сказался небывалый рост коммуникаций, в том числе информационных. Телевизор с преобладающими русскими передачами вошел почти в каждую украинскую семью. Украинская культура, язык изживались, погибали самым естественным путем - за ненужностью.

Все больше наши папы и мамы, дедушки и бабушки начали думать, что «а для чого вона та українська мова, коли вона нікому і ніде не потрібна».

Страшный процесс, истинный геноцид, но говорить об этом нигде нельзя было. В три счета вылетишь из партии, если в ней состоишь. А состоять в партии более или менее способному человеку, желающему чего-либо достигнуть в жизни, было необходимо. Без партии - ходу не было! А попал в партию - все, ты уже ее раб на всю жизнь. Будешь всю жизнь дрожать, как бы не выкинули, как бы не потерять место, а твоя семья - кусок хлеба.

Даже я - областной начальник, первое лицо в моем управлении, не мел никаких накоплений. Все, что зарабатывалось, шло на текущие нужды.

Сберкнижка у нас появилась только тогда, когда мы с Тоней стали пенсионерами и остались одни. И только благодаря тому, что я, получал персональную пенсию, мог и работать.

То есть - все наоборот. В нормальном обществе чело-

век к пенсии мог приобрести стабильное материальное благополучие, скопить капитал и спокойно доживать на пенсии. Я же, выйдя на пенсию, продолжал и продолжаю теперь (74 года) активно трудиться.

Миф о том, что раньше на пенсию можно было спокойно прожить, остается мифом. Так, как мы жили, да, можно было прожить. Но ведь наш достаток был на уровне беднейшего населения развивающихся стран. Даже менее того. Гл. геолог нашего института Рябчук Николай Згода работал в Нигерии. Самый центр Африки. Беднота - неопишущая. Идет голый негр, в одной набедренной повязке, босой, а в руках у него - магнитофон последней модели. У нас же магнитофон еще пять лет тому назад был только у единичных семей, самых обеспеченных, признак, так сказать, благополучия и успеха.

Многим и теперь еще не с чем сравнивать житье, которое кажется теперь раем.

За годы Советской власти люди были отучены работать. 3 - 4 поколения наших граждан привыкли к уравниловке. Трудовой энтузиазм не мог принести дополнительного количества денег. 10 - 20 рублей прибавки - не в счет. Вот и сидим теперь и ждем, что государство прибавит. А за счет чего?

Причем, процесс деградации общества шел незаметно для его членов. Все валилось постепенно, не вдруг, внешне - не ощутимо. Критическая масса росла, пирамида теряла устойчивость. И вот наступил момент, когда одна очередная капля привела к разрушению пирамиды.

Все пришло к закономерному концу. Империя, называ-

емая Союзом, тот колосс на глиняных ногах, разрушилась. Силой удерживаемая вместе общность - «советский народ» - перестала существовать. Народы, его составляющие, обрели свободу, а с ней - независимость.

Неожиданный для всех, почти фантастический, но объективный и закономерный итог.

Уравниловка очень многих устраивала, особенно, женщин. Миллионы, без преувеличения, в Союзе, получая свои 100 р. и работая, не напрягаясь, были довольны.

В городах, в госучреждениях, управленческих отделах предприятий, трудились тысяч и тысячи людей, не приносящих, по существу, никакой пользы обществу. Опять, на те же 100 р., плюс - минус в обе стороны на 10 - 20р. Борьба со штатными излишествами приводила только к еще более изощренным манипуляциям начальства, в результате чего штаты, усекаясь в одном месте, неизбежно еще более возрастали в другом. Громадные здания в городах были заполнены, по существу, бездельниками, большинство из которых, к сожалению, составляли женщины. К сожалению потому, что женщины сейчас чаще всего остаются безработными, когда уже рынок начал регулировать число управленческих мест. Поэтому, в частности, в последнее время так быстро начали разваливаться проектные институты, которых развелось неизмеримое с потребностями количество и где люди, получая в общем-то мизерную зарплату, могли существовать годами и до пенсии, с соизмеримой с зарплатой отдачей. Женщины, кстати, в проектных институтах составляют 80 - 90% к численности.

И люди, не воспринимая во многом происходящие в

обществе теперь перемены, не могут или не хотят понять, что прежнее состояние его не могло существовать вечно. Всему приходит конец, пришел конец и уравниловке и стабильной колбасе по 2 р. 20 коп. кг. (стабильной - в воспоминаниях, так как цена ее росла все время).

Но воплотившееся в кровь «делать вид, что мы работаем» можно вытравить из наших людей только через несколько поколений. Это уже в генах.

Вот такую цену имеет семидесятилетний эксперимент по отучению людей от необходимости интенсивно трудиться и создавать, тем самым, благополучие как себе, своей семье, так и обществу.

### **26 августа 1995 г.**

Только что, в 17.45, позвонил Мальчик и сообщил, что все формальности выполнены, и они с Витой стали мужем и женой.

Поздравили их, Тоня и я, пожелали всяческого добра.

Дай им, Бог, прожить вместе столько, сколько мы с моей рыбонькой.

Вот так и закончилась юность нашего внучонка...

### **2 октября 1996 г.**

Завтра - 3 октября - месяц как мне (3 сентября) сделали операцию правосторонней кривой паховой грыжи. Операцию делали в Крымском республиканском диагностическом центре (бывшая больница им. Куйбышева) хирурги Кузьмичонок Владимир Васильевич и Кисляков Валерий Валерьянович и ст. хирургическая сестра Сергиюк

Надежда Михайловна. Длилась операция 1,5 часа. Швы сняли 10.09.96 г. и в это же день я был дома.

Сегодня Владимир Васильевич разрешил мне садиться за руль.

Я благодарен этим людям, которые вернули мне возможность не бояться последствий от наличия такой коварной болезни, как грыжа.

### **10 ноября 1996 г.**

1996 год знаменателен следующими событиями:

- Дима и Вита народили нам правнучка, которого нарекли Артуром (родился 23 января 1996 года). Вот уже никогда не думали мы с Тоней, то доживем до правнука. Дай Бог здоровья и ему, и его родителям.

- Мне стукнуло 75 лет (родился 29 мая 1921 года). Боже мой, как бежит время!

- Сереже (зять) - 45 лет (родился 6 мая 1951 года).

- 100 лет со дня рождения моей мамы (1896) 29 февраля - високосный год.

Было бы:

- Моей маме - Евдокии Семеновне Денисенко - 100 лет (родилась 29 февраля 1896 года). «У меня день рождения бывает раз в четыре года», - любила говорить мама. По этой причине мы ее поздравляли всегда в день именин - 14 марта (Евдокия и Антонина). Этот же день мы отмечали и как день рождения Тони, хотя родилась она 3 марта.

- Нашей дочке Ирочке - 50 лет (родилась 20 марта 1946 года). Как рано наша Ирочка ушла из жизни. 20

марта 1978 года ей исполнилось 32 года, а 21 марта, на другой день, в 5 утра ее не стало...

### **28 лютого 1997 року**

І знову найболючіша для мене тема - моя Батьківщина, моя Україна, мої загублені в віках предки, які прожили на цій землі українській, в степах Полтавщини і Дніпропетровщини.

Коли я думаю про те, що для мене важливіше: суверенність і незалежність України чи те зовні благополучне життя, яке було для нас з Тонею в кінці 1980 років: персональна республіканська пенсія, гроші, і немалі, які я одержував, працюючи головним архітектором інституту, щорічне лікування разом з дружиною в престижному санаторії 4-го Головного управління, пайки, квитки і ще, і ще щось?

Ні на одну хвилину в мене не ворухнеться жаль за загубленим. Нема чого жаліти. Те гноблення, якого зазнав мій народ за весь час свого існування, не відплатити нічим. І те блюзнірне благополуччя, яке мала моя сім'я, не може закрити мої очі і мої спогади про нескінченні черги за всім, занепад сільського господарства, виробництво неякісних і непрестижних товарів широкого вжитку, процвітання одних за рахунок інших, поступове розложення народу примусовою і неефективною працею, пияцтво. Особливо - останнє, яке стало приманним не тільки росіянам, що не дивно, знаючи їхню історію, а й українцям, які всю історію свого існування визначалися великою працездатністю, любов'ю до своєї землі-неньки, чесністю, порядністю, зневагою до всіляких антиморальних розваг і, в тому числі до пияцтва.

Імперія агонувала.

Ніхто її не розвалив, маючи на увазі ту чи іншу особу. Вона сама розвалилася, бо їй вже прийшов край. 74 роки панування більшовиків, яке будувалося на диктатурі і примусовому існуванню в штучно створеному середовищі під страхом незворотних репресій, закінчилося, слава Богу, безкровним розвалом самої ненажерної, якщо говорити про її народ, за всіх віків імперії.

### **1 березня 1997 р.**

Так, і це безперечний факт - ця імперія пожирала, знищувала своїх людей, як ніяка інша.

Навіть Гітлер, маючи численні концтабори, наповнював їх, в основному народами других країн. Свій народ він, якщо можна так сказати, беріг, бо в нього була своя расова теорія на цей рахунок.

Наша ж комуністична імперія в своїх власних людях, громадянах бачила потенційних ворогів, кожен був під підозрою.

Я пам'ятаю, як переживали в 1937 - 38 рр., в час масових репресій мої рідні, особливо батько. На його роботі, в Укржитлоспільці, де він був, здається, нач. планово-фінансового відділу, позабирали всіх. В нашому будинку, по Пушкінській вулиці, 72, майже не було родини, в якій когось би не заарештували.

Не знаю, який був щасливий збіг обставин, але, слава Богу, минуло. І батько, і мати zostалися цілі.

Потім - війна. Батьки з молодшою моєю сестрою Нелею і маминою мамою (бабусею) виїхати з Харкова не змогли. Ніякої евакуації організованої не було.

Час окупації відбився трагічно на їхньому іміджі, як зараз говорять. Тобто, вони стали людьми другого сорту (ґатунку), майже - зрадниками.

Тільки тепер ми дізналися, що в 1944 році був виданий наказ, підписаний Берією і Жуковим, за яким всі українці, які залишалися на окупованій території, підлягали примусовому виселенню в Сибір, чи куди (за межі України), як ненадійний елемент. Це ж - мільйони людей, ні в чому не винних, крім того, що вони були позбавлені самим існуючим режимом права розпоряджуватися самим собою, в тому числі, і своїм життям.

Я сам, почавши війну в перші дні її, бо був кадровим солдатом, і воювавши сумлінно, бо був вихований ідейно, в дусі того часу, в тому числі і півтора роки в партизанських загонах в Білорусі і Смоленській області, нагороджений в 1944 році орденом „Вітчизняної війни” 2 ступеня, двічі був поставлений поза законом, бо був позбавлений своїх громадянських прав.

Перший раз, після переходу лінії фронту в складі 4-ї партизанської бригади загонів „Баті”, був направлений на перевірку в якийсь прифронтовий табір, а потім в справжній табір, де поблизу Грязовця Вологодської області. І хоча все це тривало деє півтора місяці і грязовецькому таборі мене допитували всього один раз, а пляма на мені залишилася. Хоча перевіряли всіх, без винятку, хто перейшов фронт, але пляма на кожному була вже своя, особиста. До речі, саме за партизанську боротьбу я був невдовзі саме нагороджений орденом.

І вдруге. Вже в Керчі, де я був на посаді зам. головного архітектора міста і являвся членом КПРС, мені КДБ відмовило в допуску до „цілковито секретної роботи”. Причина -

перебування на окупованій території і відсутність на руках довідки про участь в партизанській боротьбі.

А це, як зрозуміло, крах професійної кар’єри і т. д.

Це примусило мене їхати, кинувши роботу (взяв відпустку), до Горецького району Могильовської області, звертатися в райком партії Горок. Пройшов деякий час, і я одержав довідку з Центрального архіву ЦК Компартії Білорусії, що я дійсно брав участь в партизанській боротьбі.

Допуск мені дали.

Але пляма на мені залишилася, біографія моя так і продовжувала бути „не кристальною”, м’яко кажучи.

(Перевернув кілька сторінок назад і прочитав, що я вже про це писав, тобто, повторююсь. Але - це вже біль душі, вона не проходить, а тільки вщухає на деякий час).

Ця рядки написав моєю рідною мовою. Вона ввійшла в мене з материнською кров’ю, з нею і на ній я почав усвідомлювати світ, висловлювати свої почуття. Немає нічого ріднішого за мою мову, і не дарма її зрівнюють з матір’ю, яка тебе породила. І тому, мабуть, з моєю мамою ми по справжньому розуміли один одного тільки на українській мові.

Тепер і чую завжди мамин голос по телефону і перше слово, яке вона завжди виголошувала: „Кадю...”

„Я так її,

Я так люблю

Мою Україну убогу,

Що проклену

Святого бога,

За неї душу погублю!”

Т. Г. Шевченко.



### **3 березня 1997 року**

Сьогодні моїй рідній жіночці виповнилось 77 років. Як плине час...

І хоча ми звикли відмічати цей день 14 березня - день іменин (Антоніна і Євдокія) - і все життя і я, і діти, і мама з батьком (мої) знали цю дату (вона співпадала з днем іменин моєї мами), я поздоровив мою рибоньку, і побажав їй довгих, довгих років життя. А 14 березня вже по традиції буде і торт, і інше (сьогодні був тільки подаруночок від мене).

### **6 жовтня 1997 року**

Сьогодні вирішив написати листа головному редактору газети „Независимость”, яку ми кілька років як дописуємо із

задоволенням читаємо.

Газета дуже патріотична, хоча і видається російською мовою. Але в питаннях релігійних...

З допомогою якогось Василя Анисимова, який панує в цих питаннях в газеті, цюкує все українське, яке може бути пов'язано з церквою.

„Вельмишановний пане Володимире! (гол. редактор „Независимости” В. Кулеба) почав українською мовою, бо я - українець і боляче сприймаю все, що пов'язано з моєю батьківщиною. Живу в Криму, де й досі не дуже просто десь на вулиці, або в колі своїх знайомих (на щастя, всі вони в своїй більшості, як і я колись належали до так званої „номенклатури”) почути „українські” розмови, захищаючи мою молоду державу, яка укріплюється в таких негараздах. Це ще пов'язано з тим, що я, маючи стаж членства в КПРС 50 років, не можу сприймати цю політику сучасних кримських комуністів (Грач і компанія), які паплюжать українську незалежність і, наслідуючи приклад своїх зарубіжних (Росія) і київських з їх посіпаками у всіх областях „братів по зброї”, все роблять для того, щоб цю незалежність загубити. Ось і події останніх днів в Сімферополі, як Ви, напевно, чули, відкрито пам'ятну дошку і встановлено пам'ятник М. К. Кириченку. Я його добре знав, до пропрацював більше 12 років начальником управління Кримського облвиконкому, до того був головою Райвиконкому в Керчі. Він насправді багато зробив для Криму, був доступною людиною і не цурався чорної роботи. Але в присвятних написах і на дошці (будинок колишнього обкому КПУ), і на пам'ятнику відзначено тільки, що він був „депутатом Верховного Сонета ССРСР, членом ЦК



КПСС, первым секретарем Крымского обкома КПУ» і що це дійство (відзнака Кириченка) пов'язано „с 80-літтем Великого Октябрю” - і тільки.

Тобто, за цими словами немає людини, немає поваги до його пам'яті, до його дій на благо кримчан.

Все це можна трактувати, як початок передвиборчої компанії комуністів в Криму, яку Грач планує виграти. Треба збудити людей, нагадати їм про партію і пообіцяти повернути „щасливе минуле”.

Я зробив спробу і, зразу скажу, невдалу поговорити зі своїми колишніми колегами на цю тему. Після двох спроб - зарікся. На нещастя, коло моїх цих самих, більш близьких, колег складається - із росіян.

Вони, як і я, колишні „персональные пенсионеры республиканского значения”, і для них всі негаразди і все зло якраз і пов'язані з Україною і „этою вонючей демократией”. Тепер про те, що мене спонукало звернутися до Вас з цим листом. Про справи церковні, в яких я, правду кажучи, не дуже компетентне, але перейду на російську мову, до цієї предмет висвітлює В. Анисимов, який, як мені здається, української мови не знає, або володіє нею погано.

Итак, что Украине нужна своя православная церковь, никто, вроде, не возражает. Хотя у вашего постоянного автора по этой теме, как мне кажется, в этом уверенности нет. Сразу оговорюсь, что меня, в данном случае, не интересуют ни Филарет, ни Владимир. Есть две

Церкви (или даже три), одна из которых принадлежит Московскому патриархату. Хотя В. Анисимов дипломатично убирает обозначение этой принадлежности в названии

церкви, которой руководит Митрополит Владимир.

Одна (или две) из них родились в Украине, службу ведут украинским языком, добиваются полной автокефалии, что понятно.

Церковь митрополита Владимира ведет службу на русском языке (именно так, а не на церковнославянском, как пытается уверить всех ваш автор. Я, хотя и редко, бываю в наших симферопольских церквях, церковнославянского языка, конечно, не знаю, но слышу чистейший русский язык) и что она собирается когда-либо переходить на украинский, нигде и никогда заявляю не было. Также никогда и нигде не было заявлено, что эта церковь стремится к автокефалии.

Так что же получается: «Независимость» устами Василия Анисимова из номера в номер вбивает нам в голову, что только т. н . Украинская церковь, но, видите ли, Московского патриархата, имеет право на существование в Украине. Это плюс к тому, что русский язык в бытовом обиходе, в средствах информации, в книгоиздании буквально задавил украинский. И идет бешеная борьба за придание русскому языку статуса официального.

Без своего языка наш задуренный народ окончательно потеряет украинские корни. И этому будет, конечно, всеми силами способствовать Русская православная церковь, которую в Украине пытается утвердить Алексий теперь уже и с помощью «Независимости».

А метод избран самый банальный: оболгать, обгадить, привить отвращение - к кому? К главе Украинской церкви Киевского патриархата Филарету. Повторяю, меня Филарет, как таковой, совершенно не интересует. Украина дороже!

Завтра будет кто-то другой, Филарет не вечен. Но церковь, то украинская, а не московская, должна остаться!

А то, что народ, якобы, не воспринимает украинскую церковь, - ложь!

Коммунисты теперешние по этой же методе доказывают, что наш народ не воспринимает демократию и независимое украинское государство.

Я Вас очень уважаю, Владимир Кулеба. С интересом слушаю Вас, когда Вы попадаете на экран телевизора. Даже Ваши футбольные увлечения мне по душе, в этом я - Ваш старший брат.

Подумайте над моим письмом.

Может быть, пора перестать травить украинскую православную церковь, добивающуюся автокефалии, прячась аза фигуру человека, фамилия которого Денисенко.

С уважением к Вам и Вашей (нашей) газете.

Отправил в «Независимость» 07.10.97 г.

### **8 октября 1997 г.**

Месяц назад, 9 - 11 сентября, у нас гостили Дима в Витой, которые привезли нам на смотрины нашего правнука Артура.

Для нас это было правда событием.

Я долго переживал, приезд по разным причинам все откладывался. Мне казалось, что если этот приезд не осуществится, то Артурчика мы можем не увидеть (это связано с возможным отъездом Диминой семьи в Германию).

Тоню 8 сентября с гипертонией (доходило до 250 на 110) положили в Куйбышевскую больницу, поэтому прав-

нучка я встречал сам.

Из вагона вышел (сам) совершенно раскрепощенный мальчик, без слов пошел ко мне на руки и вообще вел себя так, если бы со мной расстался только вчера.

После дневного сна эту радость мы преподнесли прабабушке в больницу. Фотографии того дня запечатали ее восторженные глаза.

Мальчик, как я уже отметил, очень контактный, подвижный, энергичный, но и очень своевольный. Это, видимо, удел всех маленьких, у которых так много ближайших родственников. (У Артура есть: прапрабабушка, двое прадедушек, две прабабушки, два дедушки, две бабушки, тети, дяди и др.).

Дома у нас он проверил все кнопки, все дверки с ключами, все ящики - все, правда, без большой шкоды. Понравилось ему загонять под диван автомобильчик и смотреть, как прадед корячится, доставая его раз за разом. Потом я приспособил ему для этой цели мухобойку, но он плохо с ней справлялся.

Хорошо кушает, нормально спит. В общем, очень хороший мальчик, и, как сказала бабушка Аня, когда я пытался до знакомства еще сравнить Артура с кем-нибудь из телевизионных рекламных малышей: «А наш лучше всех!».

Во дворе мне сказала соседка, что он похож на меня. Это мне льстит, хотя это может быть и кажется. Но одно ясно, и я это сказал бабушке Ане, что Артурчик пошел «в нашу породу».

10 сентября мы поехали в Алушту, где Артурчика папа с мамой впервые окунули в Черное море. Этот историчес-

кий момент я, конечно, запечатлел на фото (пленка еще в фотоаппарате). Этим мы страшно напугали прабабушку, которая боялась, чтобы он не простудился.

День был солнечный, но море было где-то 19°, что для мальчика маловато. Но все благополучно обошлось.

Вот уже месяц, как они уехали. Хотя эти три дня совершенно изменили мой стариковский ритм жизни, до сих пор где-то щемит, когда я вспоминаю Артурчика и его мягкие волосики, нежное личико, смысленные глазенки.

Часто замечаю, как прабабушка пересматривает его фотографии. Что, впрочем, делаю без нее и я (первую пленку я уже отпечатал).

### **15 листопада 1997р.**

Вчора моему батькові Михайлу Андрійовичу виповнилося 6 99 років зо дня народження (народився 14 листопада 1898 року).

І так співпало, що його згадала в цей день досить несподівано для мене вже літня жінка, дружина мого померлого два роки тому колеги по роботі, причому, багаторічному, який вчився в одні роки зі мною в ХІБІ (на рік молодший по курсу), - Черданцева Олександра Степановича - Майя Черданцева. А справа в тому, що і вона вчилась тоді в ХІБІ і, як і всі ми, слухала у батька курс „Економіки будівництва”.

„Он всегда был такой аккуратный, хорошо одетый и читал нам таким прекрасным языком, мы все были в него влюблены»...

А зібрались ми вчора у Майї Черданцевої, а також з приводу її скорого від'їзду до Ізраїлю - на

постійне місце проживання...

Плине час, минають, а тепер вже летять роки, а пам'ять про мого батька залишилась в серцях тих людей, котрі його знали.

### **28 декабря 1997 года**

Судьба моя сложилась так, что на первом курсе института я начинал учиться два раза: первый - в 1939 году, когда сразу же был призван в армию; и второй - в январе 1946 года, когда после демобилизации сдавал экстерном в ХИСИ за первый семестр первого курса, после чего уже спокойно закончил в 1950 году институт.

Промежуток между 1939 и 1946 годами был занят службой в армии и войной.

И вот мой сокурсник по институту Юра (Юлиан) Гуров написал мне, что «началась активная подготовка к юбилею ХИСИ-2000», т. е. к пятидесятилетию со дня окончания нами архитектурного факультета ХИСИ. Очередной «Литературно-архитектурный альманах», как он сообщает, будет посвящен «о пережитой нами войне».

Учитывая то, что со мной учились





студенты, в том числе и сам Гуров, на семь-восемь лет моложе меня, Бориса Семененко, Марка Теплицкого, Вики Лившица, то и «прежняя война» для них была другая.

Для меня Вторая мировая война, как ее теперь называют, началась в 1939 году. В этом году с первого курса института я был призван в армию. Делалось это в соответствии с только что принятым Верховным Советом СССР Законом, о том, что призывной возраст для окончивших среднюю школу снижен до 18 лет. Помню последние теплые дни сентября, маму и отца моих, расстроенных, конечно. Но моя гордость и то воспитание, которое получил, не позволили мне воспользоваться моей близорукостью, которая, может быть, дала бы мне возможность освободиться от призыва.

Так или иначе, но я попал в команду, которая прибыла в Москву, в Московскую пролетарскую дивизию.

Нас помыли в бане, выдали непривычно пахнущее обмундирование. Командир отделения Вася Кулиш (слава Богу, жив, с ним до сих пор переписываюсь) показал, как нужно обертывать портянки (обуваясь) в сапоги. Кстати, этот важнейший элемент солдатского обихода я освоил сразу и твердо: в будущих тяжелых переходах и маршах я никогда не травмировал свои ноги по причине неправильно намотанных портянок.

Меня вначале поразило, что дивизия сплошь состояла из красноармейцев, призванных из Украины. В основном это были селянские ребята, с образованием в 4 - 7 классов.

Призванные после средней школы, в том числе и я, сразу были зачислены в полковую школу. Правда, были несколько таких, что полковой школе предпочли линейную роту.

Такой национальный состав нашей полковой школы, да и всего 6-го стрелкового (до этого 1-го) полка был определен тем обстоятельством, что украинцы, видимо с давних времен считались хорошими солдатами, так как этот народ всегда отличали порядочность, добросовестность, послушание и трудолюбие.

До сих пор помню те украинские песни, которые мы распевали в строю, шагая по улицам Москвы: «Ой ти, Галю, Галю молодая...», «Розпрягайте, хлопцы, коней...» и другие, оказавшиеся прекрасными строевыми песнями. Москвичи стояли на тротуарах, провожая наши колонны. (Наш полк стоял в Чернышевских казармах, где размещался после войны университет Патриса Лумумбы - это рядом с центром города, в Зарядье).

Довоенную службу армейскую, как ни странно теперь

кажется, я вспоминаю с удовольствием. Давалась она мне легко. В Харькове, юношей, я много и успешно занимался спортом: гимнастикой на «Динамо», там же успевал в конькобежной секции. Ходил на лыжах. К этому меня приучил еще отец. Но особенно - теннис. Игра проходила на кортах «Динамо», в 1939 году я был чемпионом Харькова по теннису среди юношей. У меня до сих пор сохранились фотографии моей теннисной юности.

В армии спорт - основное. Поэтому в полковой школе я сразу же стал отличником боевой и политической подготовки, в 1940 году был занесен на «Доску почета» Московского военного округа, наркомом обороны награжден знаком «Отличник РККА».

Моя мама сохранила вырезки из газет той поры («Красная звезда», «Красный воин» - орган Московского военного округа, где зафиксированы эти мои успехи. Газеты целы до сих пор).

Над дивизией шефствовал большой театр. За два года службы я посмотрел все его оперные балетные постановки. Побывал и в других театрах Москвы: каждое воскресенье на полковую школу давали несколько билетов.

В то же время, служба в нашей дивизии была тяжелой. И летом, и зимой - марши, марш-броски, шагом- бегом, на лыжах - с полной боевой выкладкой. Зимой, под скаткой шинели, на гимнастерках выступала соль. Тактические учения - с боевой стрельбой, в любую погоду.



Дивизия была элитной, образцом для нашей армии. Вся ли армия была такой?

Как мы теперь знаем - далеко и далеко не вся.

Летом 1940 года дивизия «освобождала» Прибалтику, первой вступила в Литву, затем в Латвию. Границу перешли ночью. Накануне каждому выдали полный боекомплект. Впереди шел танковый полк. Однако, все прошло спокойно: литовская армия сопротивления не оказала. В Литве еще с царских времен жило много русских. В населенных пунктах нас встречали празднично одетые крестьяне с подносами всякой домашней снеди, бочками пива. Однако наши ма-

шины проскакивали мимо: все строго-настрого были предупреждены о том, что с рук ничего не брать, возможны отравления. Мы видели изумленно-растерянные лица литовских граждан, и нам было не по себе. Дневка была на опушке какого-то леса, дальше - в пункт назначения - город Паневежис.

Вслед за нашей дивизией в Литву, а также Латвию и Эстонию пришли «Специалисты» других дел: началась реквизиция имущества, аресты, массовые высылки.

Ровно через год вслед нашей отступавшей из Прибалтики армии неслись винтовочная стрельба и пулеметные очереди из окон и чердаков. Нас сменила в Литве Харьковская дивизия, не знаю ее номер и как она называлась. Боже мой - обмотки, плетущиеся по дорогам красноармейцы, многие -

из Средней Азии, - безучастные и безразличные ко всему.

В Литве - Латвии дивизией командовал, тогда комбриг, Д. Лелюшенко - Герой Сов. Союза, отличившийся в Финляндии. До этого был комдив Бирюков, кажется, «враг народа». А еще до него - Петровский, сын «всеукраинского старосты» Г. И. Петровского, тоже - «враг народа».

В сентябре 1940 года дивизию вернули в Москву - нужно было готовиться к параду на Красной площади. Дивизия - единственное соединение в Красной Армии, место построения которой на параде было на Красной площади - за военными академиями. Я успел пройти до войны три парада на Красной площади: майский 1940 г., октябрьский 1940 г. и майский 1941 г. Последний - уже в новых мундирах, подгонка которых была для каждого индивидуальной. Вообще, парад и парадная подготовка - это эпопея, которая



достойна особого описания. Занимались мы на набережной Москвы-реки, у ЦПКиО им. Горького. К каждому параду - целый месяц по 8 часов, независимо от того, сколько парадов ты прошел. Шли «коробками». Каждая - 24 в ряд и 8 - в глубину. Строили по росту. Первая шеренга рослые - одевала знаки различия младших командиров. В дивизию брали - не меньше 175 ростом (у меня - 176, поэтому я шел в 7 - 8 шеренге).

За время парадной подготовки сапоги разбивались полностью, за три - четыре дня выдавали - уже на парад - новые. Только - яловые и только - «по ноге» (особенно - голенища).

Командовал округом в мое время С. М. Буденный. Он часто бывал в дивизии.

В 1941 году, в июне, Буденный был председателем Госкомиссии по пристрелке нового КУОПа - «Курса огневой подготовки».

Я, уже будучи командиром отделения в той же полковой школе, стрелял из автомата. После каждого упражнения - доклад Буденному. Комиссия заседала за столом, установленным здесь же, у огневого рубежа. У меня первая стрельба не получилась - 3, Буденный заставил перестрелять.

После повторной стрельбы - поблагодарил. Это сейчас легко говорить. А тогда? Что такое я, и что такое - Буденный!

На этом же стрельбище, а Алабино - летних и зимних лагерях дивизии, - только до этого, осенью 1949 года, проходили испытательные пристрелки нового автомата - ППШ (пистолет-пулемет Шпагина). Кто был председателем ко-



миссии - не помню, генералов и гражданских лиц было много.

Я был в группе испытателей. Стрельба велась по щитам 4х4 м, одиночными выстрелами. Короткими очередями, всем диском. Новый автомат начал поступать на вооружение нашей армии уже во время войны.

В начале 1941 года дивизию принял - тогда полковник - Я. Крейзер. Молодой, красивый, он сразу понравился всем.

На базе полковой школы нашего полка Крейзер провел командирские учения. Строевую, огневую подготовку, гимнастику преподавали мы - младшие командиры школы. Я из отделенного командира уже превратился в младшего сержанта - в армии были введены новые звания. Странно было видеть строй отделения, в котором были и капитаны, и майоры, под командованием младшего сержанта. Но мы умели делать то, что забыли или вовсе не умели штабные командиры, в основном из служб ПФС, ОВС, боепитания.

В 1940 году за отличную боевую и политическую подготовку, высокую выучку, показанную на парадах, наш полк был награжден орденом Красной Звезды и стал 6-м ордена Красной Звезды мотострелковым полком. И вся дивизия перед летним походом в Прибалтику стала первой в Красной Армии мотострелковой дивизией.

В ночь на 22 июня 1941 года дивизия вернулась в летние казармы в Алабино после

трехдневных тактических учений.

В десятом часу утра была сыграна боевая тревога, и дивизия в строю на летнем стадионе выслушала речь Молотова о начале войны.

Вечером 22 го мы уже были в Чернышевских казармах, в Москве. И на другой день, в походном строю, на автомобилях двинулись на Минск.

Полковая школа была преобразована в 1-й батальон полка, командиром батальона остался начальник полковой школы капитан Шурухин Павел Иванович, будущий дважды Герой Советского Союза.

Я был командиром первого отделения взвода разведки батальона.

На каждые 16 человек была полуторка. Опыт мотострелкового марша был приобретен при походе в Прибалтику.

Где-то по дороге бросил стоящим вдоль шоссе женщинам письмо домой. Писал о «скорой победе», о том, чтобы не беспокоились и т. д. Это было первое и последнее письмо от меня, полученное родными в Харькове аж до августа 1943 года (письмо мама сохранила).

Доехать мы успели только до Борисова, где на Березине приняли бой вместе с Борисовским танковым училищем. Знаменитое Березинское сражение. Это был ад, где на встречных курсах сшибались и горели, как факел такни, и пехота наша была подавлена и истреблена почти полностью огнем миноме-



тов, артиллерии и авиации. Мы успели окопаться, и это, очевидно, спасло меня. Из этого боя полк вышел, потеряв 9/10 своего состава (осталось 300 - 400 человек из 3 500).

После Березины началось беспорядочное отступление до Орши. Уже без машин (дороги были полностью блокированы немецкой авиацией). Нет, строй остался, нас даже пополняли несколько раз по ходу. Но это - ненадолго. В лучшем случае - на сутки.

Были страшные потери, да и девалось это необстрелянные и необученное пополнение иногда непонятно куда. Ночью мы обязательно куда-то шли, к утру окапывались и тут же засыпали. Часов в 9 завязывался бой, который длился по-разному, затем опять марш и очередное окапывание.

Где-то не доходя Орши полк крепенько зацепил хвост какой-то немецкой армии. Ведь бои шли уже по существу в окружении. Помню рано утром, мы бродили среди десятков автомашин, набитых различным добром, в том числе и невиданным (французские вина, шоколад, сигареты с непонятными надписями, галеты, паки обмундирования, сапог), часть из них горела. Я взял себе немецкие офицерские сапоги с застежками.

Оршу мы прошли опять на машинах, сходу. Город горел, люди бегали по улицам, растаскивая из магазинов и складом, кто что мог.

До этого, чуть не забыл сказать, мое отделение в разведке какого-то населенного пункта (было это в конце июня) захватило троих немецких связистов. В штабе полка нас встретил капитан Бакланов (впоследствии генерал-полковник, с ним я переписывался, а потом - взаимные поздравле-

ния с праздниками - до его смерти) - начальник штаба. Это были первые пленные и нас представили к правительственным наградам, меня - ордену Красного знамени. Видимо, этим представлениям не суждено было дойти до назначения.

Под Смоленском, куда мы попали после переправы через Днепр под местечком Дубровно, опять переформировка и под Дубровно же нас обратным порядком уже на плотах, переправили через Днепр.

Это было полное окружение, из которого я вышел в составе 4-й партизанской бригады отрядов «Бати» только в декабре 1942 года.

### **21 мая 1998 года**

Те события, которые произошли со мной в мае, достойны того, чтобы попасть в эту тетрадь.

4 мая - звонок. Звонившая рекомендует Александру Петровну Гвоздареву из отдела наград Верховного Совета Крыма.

- Вам нужно быть 7 мая в 15.00 в администрации Президента, в Киеве. Вам присвоено звание «Заслуженный архитектор Украины». Вручать будет Президент Кучма.

Можно понять мое восприятие сего. С растерянными глазами появляюсь в кухне. Тоня -вижу - тоже с недоверием смотрит на меня.

Дело в том, что меня представили к этому званию в апреле 1996 года. Были волнения, ожидания, потом эмоции утихли и, наконец, мы с Тоней начали успокаиваться и перестали ждать.

Но все оказалось правдой.

Седьмого утром я был в Киеве. Поселили в перво-классном готеле «Киев» (бывший ЦК КП Украины). В номере телефон, телевизор, пять полотенец.

В 14.00 автобус «Мерседес» подвез нас к резиденции Президента на Банковой, 11.

Почетные звания в этот день вручались восьмерым (профессор, врач, учитель, я - архитектор). Но была группа человек в 40 генералом, Героев Сов. Союза, которым вручалась медаль Жукова.

Мраморная (белейшая, без прожилок) лестница. Первый небольшой зал, оркестр - инструментальный - из мужчин в национальной одежде беспрерывно играет украинские мелодии. Далее - зал побольше, отделанный мореным деревом, потолок - в мощных балках с кессонами, тоже деревянный. Я - как белая ворона в этом сверкании орденов и медалей, которыми от шеи до колен увешаны генералы и Герои, все в военной форме. И хотя я понимаю, что это - только дань уважения, что медаль Жу-

кова не та награда, которая должна вручаться Президентом, но чувствую себя неловко. У меня даже кто-то спросил, почему я без наград. Но я об этом и не подумал, когда ехал в Киев. Я приехал получать свою теперешнюю награду, а не красоваться в тех, которые получены ранее.

Без десяти пятнадцать приглашают в третий - большой зал. Белая лепка с позолотой, красивые стильные кресла, резные, тоже с позолотой, как и остальная мебель. Я сижу в первом ряду, повторяю в уме, что надумал сказать: «Я дуже



вдячний Вам, шановний пане Президенте, за цю високу відзнаку. Моя подяка безмірна, як і безмірна моя любов до моєї держави, до мого народу, який, нарешті, сам вирішує свою долю і свій шлях.

Жалкую тільки, що мій час спливає, але я глибоко вірю в величне майбутнє України.

Вам, вельмишановний пане Президенте, від щирого серця, від мене особисто і від моєї дружини, - збуття всіх Ваших мрій і бажань”.

Но сказать это не удалось, так как нас предупредили, что нас много, а Президент один, все хотят что-то сказать. Но это можно будет сделать в краткой форме во время

фуршета.

Ровно в 15.00 объявляют:

- Президент Украины!

Входит Кучма, за ним глава администрации Кушнарєв, Горбулин - секретарь Совета безопасности, Билоблєцкый - вице-премьер, Бажан - зам. Министра обороны, Червонописский - афганец-инвалид - председатель Комитета ветеранов (который гадко обругал академика А. Сахарова на съезде народных депутатов СССР).

Кучма - в двух шагах. Читает речь. Начинает вручение.

(При входе в зал, вижу, обратил внимание на меня: я - единственный без наград на груди).

Сначала вручаются почетные звания. Я получаю четвертым. Слышу слова Кушнарєва: «Заслуженного архитектора Украины...»

Кучма смотрит в глаза, жмет руку. Я по-украински благодарю. Окончилось награждение. Вносят подносы с шампанским. Первый поднос - к Кучме, он берет вокал, вслед за ним - я, так как рядом, в первом ряду. И вот здесь я говорю Президенту:

- Я хочу Вам передати, Леоніде Даниловичу, свою щирю подяку за цю високу нагороду, і найкращі побажання Вам особисто від мене і моєї дружини. Крим наш зросійщений, не все гаразд у нас, але, я думаю, що все буде добре. Дай Вам Бог, хай Вам щастить”.

Кучма кивает головой, чокается со мной.

Потом было фотографирование с Президентом. Я обождал, пока желающих поубавится.



Подошел, говорю: «Дозвольте кримському українцю сфотографуватися з Вами».

Кучма неожиданно крепко взял меня об руку (левую), прижал к себе. Так нас и запечатали.

Обещали прислать фотографии на Верховный Совет Крыма. Жду. Утром ко мне в гостиницу - вот радость - появился Дима.

Приехал в Киев по своим делам, позвонил мне из Харькова накануне вечером, и я рассказал, как меня найти.

Вечером мы с Димой выехали в Харьков.

### **21 июля 1998 г.**

Письмо моему сокурснику по ХИСИ Ю. В. Гурову.  
Дорогой Юра!

Я чувствую, что мы с тобой (Ларой, Ниной Фурмановой) втягиваемся в разговор, который хоть и нужен мне (своей остротой, возможностью высказаться, что мне редко, по разным причинам, удается), но безрезультатный в итоге.

Этому, как мне кажется, есть несколько причин.

Первое. Мы с тобой (Ларой, Ниной), как ни странно, люди разных поколений, хотя разница в возрасте не достигает и десяти лет. Это вызвано теми глобальными процессами, которые происходили в нашем обществе, и те бешеным бегом времени, метаморфозами, которые их сопровождали. Поэтому на многие вещи смотрим по-разному. В 1937 году мне было 16 лет. Хотя и в 1928 году - уже 7 лет, в 1933 - 12 и т.д. Ты знаешь, о каких событиях, происходивших в эти годы, можно говорить.

Ты о них, я знаю это по опыту общения с твоими

одногодками, судишь по-другому, а иногда даже в извращенном, благодаря нашей «пропаганде», виде типа: «О чем вы говорите? Какой голод был в 1933 году и где? Все это вранье, придуманное украинскими националистами».

Я - очевидец всего этого (28, 33, 37 и др. годы).

1941 - 1945 годы тоже по-разному воспринимаются.

Я, волею судьбы, в 1939 году начал службу в Москве, в Московской пролетарской дивизии. Три парада на Красной площади (два в 1940 и майский 1941 года), почетный караул на сцене Большого театра в день смерти Ленина 21 января 1941 года (в трех метрах впереди, в президиуме - Сталин, Молотов, Ворошилов и др., доклад делал Калинин), на Доске почета Московского военного округа, знак «Отличник РККА» и т. д. И - окружение, которого нельзя было избежать, так как вся дивизия, вернее, ее остатки после кровопролитных боев в июле под Дубровно (Смоленское направление) опять была переправлена через Днепр, когда и справа и слева от нас немцы уже переправились через тот же Днепр и взяли Смоленск.

Был тяжело контужен, представлен к ордену Красного Знамени. В итоге - унижительные «спецпроверки». Никого не интересовал я, как человек, который имеет какую-то гордость и самоуважение. Во мне и во всех других окруженцах видели потенциального врага, шпиона, диверсанта - кого угодно, но не патриота и достойного воина, послужной список которого я привел тебе выше, и который не своей вине попал в эту ситуацию. А сотри тысяч наших военнопленных, сгнивших в наших же лагерях?

Даже в Керчи, куда я был направлен после института, у



меня были сложности с получением допуска к «совершенно секретной» работе, которая мне полагалась по долгу службы.

Далее. Вы, наверное, не знаете, что у Марка Теплицкого в паспорте, с которым он пришел в институт, в графе «национальность» было написано «украинец». Он мне объяснил, и я его понял: это помогло ему избежать многих неприятностей и в армии, и на гражданке, после ранения.

В 1953 году меня избрали зам. председателя Керченского горисполкома, и я сменил на этом посту Абрама Мойсеевича Ашерова (моего лучшего друга в последствии, умницу и уважаемого всеми человека). Это было в феврале, Сталин был еще жив - «дело врачей-сионистов».

Я как-то подсчитал, что из 48 лет моей работы в Крыму я прослужил в органах власти почти 20 лет, 12 из них был областным начальником - «третья правительственная категория» по междугородним переговорам, разговор по которой давался немедленно, - но евреев среди моих руководящих коллег как в советских, так и партийных органах не было, не «допускались».

В 1958 году я был избран мэром Керчи, был членом бюро Горкома партии и тогда уже понял, что антисемитизм был государственной политикой в СССР.

У меня к этому народу особые чувства, евреи были среди моих истинных друзей. Не могу не сказать, в этой связи, что и эта безобразная с точки зрения морали чеченская война, развязанные русскими шовинистами на наших глазах, не нашла осуждения даже у тех россиян, которых мы привыкли уважать и имена которых у всех «на слуху», и только две еврейки - Елена Боннэр и Валерия Новодворская -

резко и гласно ее осудили. Причем, если говорить о Грозном, то в этом городе, как и наши Куличковы, пострадали, в основном, русские. (Пишу и почти уверен, что и по Чечне у вас другое мнение).

Поэтому, если я говорю о свободе, которую мы приобрели, то я имею в виду, в первую очередь, свободу от навязываемой тебе насильно идеологии (в других - «братских» - странах - прямой силой оружия, у нас - КГБ). От превращения человека в «винтик, болтик» какой-то машины. От бесконечных, «пожизненных» политзанятий с изучением чьих-то бессмысленных «трудов», о которых в мире все уже давно забыли. От постыдных стояний в бесконечных очередях за «чем-то». От страхов что-то сказать, да, не дай Бог, еще не так (Тоня меня всю жизнь ругала за мой несдержанный язык -я такой «понятливый» стал не сейчас, как принято обвинять «изобличителей» соврежима, но как-то проносило, а, может быть, и вредило где-то, о чем я, не знаю. От зарплаты в 100 - 120 р. (тоже пожизненной для большинства) и невозможности использовать свой человеческий потенциал. Он необходимости каждому поколению начинать жизнь «с нуля», так как даже квартира, в которой умирали родители и в которой, по несчастью, не были уже прописаны дети, отбиралась государством (так произошло с квартирой моих родителей на Пушкинской, 72, из которой выгнали к тому времени уже замужнюю мою дочь Аню, прописанную - кто мог предположить - временно, еще студенткой). От унизости, которую ты испытываешь к концу жизни, так как ничего не мог накопить, чтобы передать своим детям (что получают от нас с тобой в наследство наши дети - неужели мы,



ни к чему не способны были и своим трудом не могли что-то заработать?) Вспомни двухэтажный особняк нашего профессора Молокина, в котором после его смерти смогли разместить детсад.

Свободы от пьянства, в которое повергнуто большинство наших соотечественников по причинам, приведенным выше. Причем, к несчастью, пьянство губит в основном, людей неординарных, талантливых, чаще - из мира искусств (десятки известных фамилий можно привести, особенно не напрягаясь). В 1978 году мы отдыхали с Тоней в Доме творчества архитекторов в Юрмале. Коллеги из Союза архитекторов Латвии организовали автоэкскурсию по Риге, которую вела член правления Союза, женщина-латышка. Когда мы кое-что посмотрели и, как положено, пропустили в попадающихся по дороге кафе по паре рюмочек коньяку, эта латышка, глядя на нас, с горечью заметила, что до «Советов» среди латышей такого пьянства, как теперь, не было. «Вы, - сказала, - отобрали у нас все, в том числе возможность трудиться на себя, осталось одно - пьянство».

Ты скажешь, на западе - тоже пьют. Я тебе отвечу: я родился и рос в полтавском селе. В то время (это коллективизация) пьющий человек был презираем всеми, семья его влачила жалкое существование. Так же было и в фабричных городах - пьяниц не держали. Само общество их отвергало. Пили, но в праздник, и солидно, может быть, но не ежедневно. Бомжи (наше слово) и пьяницы всюду есть (помню фото в «Правде» тех лет: на скамейке в парке на улице? - лежит на газетке человек, рядом урна для мусора, внизу жирная надпись - «у них»). Но массовое пьянство - от

безысходности, как у нас, - там невозможно, принцип распределения материальных благ не допустит этого.

Свободы от этих опротивевших мне партийных собраний, которые, чем дальше, тем больше, напоминали сектантские сходы. Необходимость все одобрять, хотя многое и воспринимать нормальному человеку было невозможно («братская помощь» народам Венгрии, Чехословакии - к примеру, бессмысленный преступный Афганистан и др.). Об этих бесконечных пленумах ЦК и, хотя и реже, съездов, прославляющих очередные «достижения», сумма которых по ежегодным сводкам должна была бы дать такой потрясающий результат, что все народы мира давно должны были бы броситься «в коммунизм». В какие только страны мы не влезали со своим «изъёмом», все они доведены до нищеты, из которой не выйдутся, очевидно, долго.

Ты скажешь, - Китай. Китай вовремя вернул частную собственность, в том числе - главное - на землю, - в сферу производства и общественных отношений, и тем самым стал процветать. А все наносное, в том числе идеология с ее апологетом - партией, само отомрет, постепенно, за ненадобностью. Миллиардные инвестиции в экономику Китая иностранного капитала, причем, безбоязненные за последствия, тому порукой. Хотя ты что-то сказал, правда, по-другому поводу, о происках ФБР? И потом китайцы - это непьющая нация, в любых условиях способная творить чудеса, феномен которых, как и японцев, нами не воспринимается (не та генетика, как ты выразился).

Свободы от этой видимости, что ты трудишься, хотя это работой и называть стыдно. (Я уже тебе писал, что то, что я

могу сделать за неделю, в мастерской будет делаться два - три месяца). В нашем деле - до неприличия раздутые проектные институты. 90% студентов в технических вузах, в том числе - строительных, - женщины. Когда я был директором Крымфилиала «Укрнигипросельхоза», - в июле - августе ежегодно десятки просьб принять на работу чью-нибудь дочку, выпускницу нашего симферопольского строительного филиала. Куда?

В Крыму были коллеги-немцы. Они схватились за голову, узнав, сколько в Крыму проектных институтов и какое количество людей там работает: «Mein Gott, это немыслимо!».

Во всем мире учителя, врачи, в основном, мужчины. У нас в этих учебных заведениях девчонки не могут выйти замуж: одни невесты, как в «текстильных» городах.

В 1975 году (к 30-летию Победы) я занимался в Симферополе устройством Вечного огня. 30 апреля приехал на завод «Электромаш», где отливалась латунная решетка на огонь. 11 утра, разгар рабочего дня. Цех пуст, насилиу нашел начальника цеха, играющего в углу с рабочими в домино. На мой вопрос, как он это умудряется делать, ответ: «А у нас фонд зарплаты кончился». Где еще такое может быть? Почему мы не хотим признаться себе в той дикости, которая составляла экономическую основу созданного коммунистами общества?

Свободы от «бесплатности» всего, в том числе, здравоохранения, как это ни кощунственно звучит. Мы с Тоней состоим на учете и лечимся в так называемой «обкомовской» больнице, которая есть и в Харькове. В 60-ые годы

еще не было нового корпуса с двухместными палатами со всеми удобствами, а сейчас и - прекрасным диагностическим центром. Для обследования почек меня тогда положили в областную клиническую больницу им. Семашко. Драный халат и застиранное со следами крови белье я положил под подушку, что возмутило старшую сестру, делавшую обход перед инспекторской проверкой главврача.

Из обеденного помещения - кислый запах щей, как оказалось, пищей для всех, в том числе и послеоперационных. В палате - семь человек. Профессор Шимкус, ведущий меня, добродушно смеялся: «Это вам, не «куйбышевка» (обкомовская больница), Аркадий Михайлович!» Вспомнил палату в профессорской больнице в здании напротив харьковского Дома архитектора, в которой умер мой отец: 11 человек, койка - у входа, все хлопают о нее дверью, потом уже удалось поместить его к окну - сердце до сих пор щемит!).

Вспомнил инвалида войны, с которым познакомился в Партените, в военном санатории, брат которого давно живет в Америке. В аэропорту, куда он прилетел к брату, сняли его с тяжелейшим сердечным приступом, поместили в госпиталь, лечили неделю, сестры-негритянки (что его особо поразило) кормили его бананами и апельсинами. За лечение ничего не взяли, все пошло за счет медицинской страховки брата, кстати, обычного еврея-портного.

Вы скажет, а теперь - что делается у нас в больницах?

Правильно, беспредел и бандитизм, раньше - скрытый, а теперь - явный и нахальный. Так нам и над, не нужно было сопли (извините) распускать на так называемое бесплатное и потратить десятки лет, чтобы его угробить. А

бесплатное, оно и есть бесплатное. Ничего бесплатного не бывает. На Западе с аппендицитом вас тоже прооперируют, не заглядывая в карман. Никто нам не умирает на улицах по причине отсутствия денег. Но и нет никаких «обкомовских» и 4-х управлений для избранных и с удобствами «во дворе» для остальных. Президенту Рейгану оказывали помощь в первом попавшемся по дороге госпитале. Уровень этих заведений там - одинаков всюду, кроме, разве, специфических особенностей.

Свобода от военной мощи советской империи, ради которой обдирали свой народ и, при воспоминании о которой до сих пор содрогается весь мир, но продолжают гордиться многие и многие наши сограждане. От чего мы хотели защититься, одному Богу известно. А вот для чего была создана эта машина, было сказано открыто: «Весь мир... разрушим». Повергнуть мечтали весь мир в царство «изъёмов»? Вряд ли это бы получилось. Люди в мире уже давно распознали опасность, исходящую от правителей одуренных строителей «нового» общества, поняли абсурдность этой затеи и терпеливо ждали закономерного конца. Что и благополучно случилось, на удивление, бескровно и спокойно.

Но испортить жизнь за время бессмысленного эксперимента мы успели не только своим народам, но и многим другим. Я тебе писал, как жили литовцы и латыши совместно с русскими, оставшимися там после революции, до того, как я со своей дивизией пришел их «освобождать» летом 1940 года. Шведский уровень того времени! А что мы им дали взамен, разорив тут же весь налаженный веками быт и благополучие?

Лагеря и тюрьмы для многих, коллективизацию и экспроприацию для остальных? А сейчас плачемся и обижаемся, что прибалты - видишь ли, какие неблагодарные проходимцы - нас не любят. Мы загадили эти своеобразные и неповторимы места десятками военных заводов, нагнали туда тысячи и тысячи приезжих для их обслуживания, преднамеренно превращая местное население в этническое меньшинство (что сделано и в Крыму), и сейчас кричим о дискриминации русскоязычных (еще одна выдумка сродни так называемому «Советскому народу»), и дестабилизируем обстановку, создаем обструкции их, наконец, попыткам наладить хозяйство и вернуть свое благополучие.

Вот такое, дорогой Юра, растянувшееся первое.

И, теперь, второе: ты больше думаешь о том, что потерял, а я - больше о том, что приобрел и что могут приобрести мои потомки.

Главное приобретение для меня - это то, что я и мой народ получили, наконец, свое государство.

На эту тему мне не хотелось бы теперь распространяться, вряд ли я найду понимание. В этих нескольких строчках все сказано, и для меня нет ничего дороже этого мирного, неожиданного, опять таки бескровного подарка судьбы. Жалко, что мой отец не дожил до этого события. Я не хочу сказать, что Советский Союз не отождествлялся у меня с понятием Родины, напротив, мой патриотизм был беспределен, когда нужно было это доказывать. Но в этом понятии не растворилась моя «Батьківщина», моя Украина, в которой я родился, язык которой я впервые услышал из уст моей мамы (до самой ее смерти мы с ней разговаривали только на украин-

ском языке). Это был повседневный язык в моей семье).

Теперь о потерях в моем понимании.

Если все, что я перечислил в этом письме, мы на самом деле потеряли и, притом, навсегда, тоя рад несказанно этому и счастлив оттого, что дожил до этих потерь.

P.S. Ну, а насчет ФБР и прочих происков империализма - я не думаю, что ты это серьезно.

И по поводу «... не стрелять в прошлое»... Не нужно стрелять в настоящем - ни с своих, ни в чужих.

Привет Ларе и всем нашим, кого встречаешь: Нине Фурмановой, Нине Болотиной, Алине Глебовой и др.

Обнимаем и целуем Ваши Аркадий и Тоня.

**1серпня1998р.**

9 серпня Л. Д. Кучмі виповнюється 60 років.

Сьогодні послав телеграму:

„Ялта Форос Президенту України Леоніду Даниловичу Кучмі.

Від кримського українця також моєї дружини прийміть щирі поздоровлення нагоди Вашого шести десятиріччя побажання міцного здоров'я успіхів Ваших зусиллях зробити рідну Україну квітучою державою

Заслужений архітектор України Усик”.

**19августа1998г.**

Уинстон Черчилль (премьер-министр Англии в 1940 - 1945 гг.) в своей речи 22 июня 191 г. в связи с нападением Гитлера на Сов. Союз сказал: «Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма».

**2ноября1998г.**

Письмо моим сокурсникам Юре Гурову и Ларе Савенко (его жене).

Дорогие Ларочка и Юра!

Получил ваше письмо. Особое спасибо Ларочке за то, что не поленилась написать.

Мне кажется, что наш обмен мнениями по этой теме - «прошлое и настоящее» - уже исчерпывается не по той причине, что все сказано, а по самой необъятности этой темы. Единственное, что мне хотелось бы еще раз сказать, в чем я глубоко убежден, так это о неизбежности судьбы «страны, которая назвалась СССР».

Это был закономерный финиш, крах лживой, лицемерной (навязанная утопия выдавалась за земной рай), основанной на насилии и терроре, и поэтому, не жизнеспособной и саморазрушившейся системы.

Теперь, о нашем существовании в этой среде.

Я ни в коем случае не считаю, что жил в советской системе плохо, наоборот, я имел привилегии и преимущество, которых не было у большинства моих сограждан.

Работал, расти детей, никогда не думал о хлебе насущном и о жилье. Все это прилагалось к моей должности, какую я занимал. Система умела привечать своих слуг. Не все было плохо в принципе, да еще и память наша ой как избирательна. Хотя, если обратиться к сравнению, которое я недавно прочел, то призадуматься: «нацистскому режиму были присущи худшие черты коммунизма» (У. Черчилль, речь от 22 июля 1941 г.).

Я хочу сказать немного о проектном деле, о котором с такой горечью написала Ларочка.

Институты - монстры разваливаются повсюду. Наш крымский головной институт «Крымниипроект» (а кроме него было два десятка чуть поменьше) в лучшие годы имел 1217 сотрудников (вместе с филиалами). Сейчас осталось 302. Я сегодня говорил с его директором Г. Н. Алексеевым, которого знаю уже 40 лет. Он убежден, что судьба его института обречена. То же ждет и «Харьковпроект». Это связано не только с тем, что резко упали объемы строительства. Нужны, видимо, новые формы взаимоотношений заказчика, строительной индустрии и проектного дела. У нас в Крыму сейчас процветает строительная компания «Консоль», которая имеет в своем составе проектное подразделение «Консольпроект». Число проектировщиков - около 60 человек (в четырех городах - Симферополе, Ялте, Керчи и Севастополе). Фирма в прошлом году только жилья построила более 200 тыс. м<sup>2</sup>. Все жилые дома - индивидуальные, новейшей планировки и высокой архитектуры. Заказчик платит деньги в одном месте, где и получает ключи от готового объекта. Плохо здесь то, что некому представлять интересы заказчика (раньше это делали проектные институты. «Консоль» - растет, расширяются объемы работ, оставляет без дела бывшие государственный строительный структуры (тресты, управления), которые тоже терпят бедствие.

Тобто, как говорят украинцы, мы попали в полосу не просто реконструкции старого общества, а полного развала старого и начала (робкого, по дефектной, часто, документации) строительства нового.

Скажем спасибо нашим, надеюсь, уже бывшим божествам, загнавшим страну в 80-летний эксперимент.

Было бы у нас с вами, Юра и Лара, впереди лет 20 - 30. Тогда бы дожили до нормального общества, в чем я глубоко убежден. Неужели наш народ хуже, чем какие-нибудь японцы или шведы?

Привет всем нашим.

Обнимаем вас и целуем.

Ваши Аркадий и Тоня.

**Р. S.** Посылаю две ксерокопии моих фото с Президентом. Он ко мне отнесся по-особому тепло, сыграло, видимо, роль то, что я из Крыма, и что общался с ним по-украински.

### **02 октября 1999 г.**

Вчера, наконец, получили долго ожидаемую нами, а поэтому с огромным волнением воспринятую весть: наш Мальчик принят в Гейдельбергский университет.

До этого были длительные переживания, связанные с тем, что нужно было серьезно подготовиться и сдать экзамен по немецкому языку, после чего пройти собеседование. Но Дима так славно сдал экзамен, что собеседование уже не понадобилось. Факультет - теология. Совершенно неожиданно для всех близких (родителей, дедов) Мальчик уже несколько лет как увлекся религиозной философией, что-то читал, воспринимал, все серьезнее и последовательнее окунаясь в этот мало понимаемый (в силу коммунистического «воспитания») нами мир. И вот - результат.

Мы с Тоней рады. Человек должен заниматься люби-

мым делом, тогда будет успех.

Дай Бог ему, нашему любимому! (Вчера в 21.30 по нашему времени - 20.30 по немецкому - позвонили в Емендинген, поздравить Диму. Вита ответила, что Дима с Артурчиком на службе в синагоге).

Вчера же полез в энциклопедический словарь. Нашел «Гейдельберский университет им. Карла Рупрехта, основан в 1386 году...»

Кстати, знаменитый Боннский университет ровно на 400 лет моложе - основан в 1786 году.

Как сказала Аня, учиться - 4,5 года, стипендия - 1200 ДМ, комната в общежитии - на одного.

От Емендингена - 200 км до Гейдельберга. Приезжать в Ките и Артурчику можно только на выходные.

Кто бы еще несколько лет тому назад мог предположить, что так повернется судьба, и наш внучок будет учиться в старейшем в Европе университете?

### **01 июля 2000 г.**

Давно не писал, много произошло за этот период - и хорошего, и не совсем.

11 ноября 1999 г. в 7-й горбольнице мне удалили аденому (попутно - камень в мочевом пузыре и какую-то кисту на мошонке). Операцию делал уролог Латышев Анатолий Федорович (городской уролог, зав. Урологическим отделением 7-й горбольницы), ассистировал ему уролог Ильев Валерий Иванович. Четыре дня Анатолий Федорович поддерживал меня в реанимации (нужно было круглосуточно промывать мочевой пузырь, постоянно вливая фурацилин (через

трубки, вставленный в мочеточник).

К началу операции приехала Аня и ежедневно носила мне кушать и лекарства в больницу. Спасибо ей, рыбонька моя с уходом за мной сама бы не справилась. Операция проходила под общим наркозом. Анечка уехала только после того, как меня выписали (23 ноября), и я приехал домой.

Операция прошла, нужно считать, благополучно, но до сих пор я принимаю периодически различные лекарства и пью мочегонные травы.

У Мальчика в семье неприятности. Но об этом - как-нибудь потом.

### **7 ноября 2000 г.**

Так вот, продолжаю прерванную мысль: Мальчик наш уже не живет с Витой. Пока он учился в университете (а его по неделе не было дома, приезжая только на субботу - воскресенье), Вита сошлась с каким-то немцем, слушателем ее курсов, на которых она учится. Дима это обнаружил, мальчик он у нас с характером, и все пошло прахом.

Она осталась с немцем, Дима же собрал свои вещички и из Иммендингена, где они жили, переехал в Карлсруэ. Снял двухкомнатную квартиру, управляется пока сам. Оставил также университет (проучившись год). Как он говорил, перспектив на устройство на работу по той профессии, которую он мог бы получить в университете, в Германии очень мало.

Так ли это, или такое стечение обстоятельств, сложившихся в сумме, но нам, конечно жаль, что так случилось. Жалко университет. Жалко, особенно, Артурчика, который пока не понимает, почему в доме появился чужой дядя, разго-



вор которого он не понимает, почему папу он может видеть только по воскресеньям (Дима приезжает и гуляет с ним). Как оно сложится дальше - Бог знает. С Витой у него, очевидно, ничего не склеится. Если бы не Артурчик, то можно было бы и не жалеть ни о чем. Вита без меры пьет - и в гостях и без гостей (хоть пиво, а дай ей), курит. Диме все это противно, так как он не курит и к спиртному равнодушен. Она нам с Тоней сразу не понравилась, а насчет водки - я один раз не сдержался и грубо ей сказал об этом. Нам казалось, что они любят друг друга, с Диминой стороны это неоднократно проявлялось (он так же сентиментален, как и я), что все эти вредные привычки жены постепенно уйдут. А оказалось - наоборот. Могло кончиться тем, что и Диму она превратила бы в пьяницу.

Сейчас Дима учится на высших компьютерных курсах в этом же Карлсруэ, выпуск будет в будущем году. Получит, как кажется, нужную в наше время специальность.

Дай Бог, чтобы все хорошо сложилось. Мы с Тоней без преувеличения думаем о нем каждый день, по вечерам задаем себе вопрос: «А что Мальчик наш сейчас делает?», и конечно, тоскуем.

Переписка наша с Димой прервалась, нового адреса у нас пока нет. А у него нет желания писать. Изредка говорим по телефону. Можно было бы чаще, но очень дорого.

Вот такие наши дела.

**2001г.**

З приводу деяких „ответов читателю” або позиція „Крымского времени” по відношенню до України

Окрім „Кримської світлиці” дописую „Крымское время”. Треба ж якусь кримську газету ще читати: „Крымскую правду” гидко брати в руки, «Крымские известия» - не кращі (набридло „от первого лица”, або про „первое лицо”) Ця, здавалося мені, більш лояльна до України.

Стосунки з „КВ” - нормальні. Навіть друкувати мене (з приводу червоної зірки на вежі вокзалу або будівництва собору замість зруйнованого більшовиками). „КВ” першими привітали мене з присвоєнням звання „Заслуженого архітектора України”, дали нарис з цього приводу. Все, як то кажуть, ладом. Але в останні часи значно побільшало в „Крымском времени” матеріалів щодо України, українства, українського народу в цілому і написаних в неприпустимій для солідної журналістики формі. Застосовуються образливі епітети, принижуючі гідність визначення, безпідставні звинувачення в утисках російської мови тощо”

Майстром цих „изысков» здебільшого з’являється журналіст „КВ” О. Мащенко.

Коли він взявся за паплюження проекту реформи українського правопису (що йому до цього. Пиши на свійому „великом и могучем” - ніхто не перечить і не заважає) у мене закінчився терпець і я зателефонував головному редакторові „Крымского времени” Л. Кондратенко.

Відбулася розмова, наприкінці якої вона мені несподівано каже: „А вы напишите об этом, а мы напечатаем».

Я зрадів. Ну, думаю, є свобода слова, про яку весь час говорять „ущемленные русскоязычные средства массовой информации».

Написав, приніс. Лариса Іванівна виявилася напрочуд

симпатичною і приємною жінкою. Я навіть не втримався від компліменту (це почуття до неї я тримаю в собі і до сих пір). Прочитала вона моє писання, обмінялися ми думками, в чомусь співпадаючими, в чомусь - ні. Природно.

Вона мені підтвердила, що автор антиукраїнських опусів О. Мащенко з'являється українцем. (Я подумав собі, що зрозуміле його бажання вислужитись, бо ще витурять. Це притаманне деяким українцям прагнення розпластатися перед Росією і всім російським мені знайома. В цьому плазуванні вони, інколи, так переборщують, що стають „більшими католиками, чим сам Папа римський”. Тобто, здатні ще не більший бруд, чим інший шовініст-росіянин).

Торкнулися ще, правда, кримськотатарської теми, неперевершеним знавцем і тлумачем якої є ще один „прихильник і друг” кримських татар О. Неживой (не татарин часом?).

Категоричних заяв щодо мого листа я не отримав, друкування його, як на мою думку, сумніву не підлягало, і ми пристойно розсталися.

На прощання Лариса Іванівна потиснула мені руку і з відчуттям, навіть, сказала, що вона рада була зі мною познайомитися.

Це було в понеділок, 15 січня 2001 року. А вже на завтра, тобто 16 січня, я з подивом читаю в шпальті редактора за підписом Л. Кондратенко „На хуторі близ болота? Ответ читателю”. Перше речення говорить про те, що ця відповідь стосується все ж мене. Але я ніяких „ответов” не просив. Я тільки виконав прохання самої Л.І. Кондратенко і виклав для газети свої думки з приводу дуже важливої як

на мене, теми. І вона обіцяла довести їх до відома читачів „Крымского времени”. От тоді, мені здається міг би появитися „ответ читателю”. Друкувати чи не друкувати - право редакції, але не пишть тоді „ответ” не відомо, на що.

Не всі читають „Крымское время”. Тому я дозволю собі привести деякі цитати з цього „ответа”.

„...разве не дикость - та же языковая реформа, призванная «увести» украинский язык подальше от «тлетворного влияния» языка русского и максимально приблизить его к языку украинской диаспоры в Канаде». (До відома шановної Л. І., до війни, коли я вчився в середній школі і ніякої Канади і близько не було, нас навчали якраз того правопису, який пропонується зараз проектом реформи. Це вже потім, разом з русифікацією, його почали правити під „могучий”. А тоді ми писали, наприклад, „геніальний”, „соціалізм” (бо українській мові не звичне „акання”). До речі, я закінчив харківську 133 середню школу - уявіть собі їх кількість в тодішньому Харкові, а російських було всього три, що було достатньо, бо люди розуміли, що в Україні українську мову треба знати, і віддавали (без всяких „опросов”) своїх дітей в українську школу.

В моїй школі вчилися росіяни, євреї, вірмени (в Харкові була велика вірменська діаспора), поляки, чехи (зі мною в класі була чешка Валя Пернач), навіть, австрійці (діти емігрантів з Австрії після якоїсь там „революції” в 1934 р.). Всі вчилися нормально, ніхто не галасував, як це буває серед народів з нормальним, не шовіністичним (як зараз), відношенням до інших націй, бо як ти живеш, приміром, у Франції, то повинен знати французьку, незалежно від твоїх національ-

них почуттів.

А російською в тій школі я оволодів як на мене, досконаліше тих численних росіян з „руським образованием” (що зараз намагаються зробити в Севастополі), які мені постійно протягом мого життя зустрічалися, і „грамотність” яких мене просто вражала. А щодо Канади, то люди там зберегли чисту українську мову - винесену з України - не забруднену русизмами).

«...Если Россия - пародия на страну, то Украина - пародия на пародию». (Хоча Л. І. і не автор, як вона стверджує, цього шовіністичного вереску, але, виходить, цілком з ним згодна, що її не прикрашує).

«...Телепрограммы ... поражают своей чудовищной безвкусицей...» (Не дивно, бо з таким відношенням до України дивитися їх не будеш зовсім, невідомо, про що мова йде. Ми з моєю жінкою-росіяною із задоволенням дивимося українські канали (вона вже досить пристойно розбирається в лабіринтах мови), хоча деякі передачі, як і російські, до речі, зроблені не на тому рівні, бо відзначається багаторічне гноблення всього українського вже за радянських часів, особливо, національного телебачення, тож потрібен час і терпіння, щоб стати на ноги).

«...Спросите русских, живущих на Украине, - согласны ли они «пишатыся» Тарасом Шевченко, забыв блистательную лучшую в мире, русскую литературу...» (Зовсім незрозуміле протиставлення, цілком на совісті Л. Кондратенко, яка ж, до того, забула, що творцями „блистательной” російської літератури були й геніальні українці, як і російської музики, живопису, скульптури, науки, кінець кінцем. А про співаків я

вже не кажу: добра частина солістів „Большого театра” за всіх часів були представлені славетними українцями. Така вже доля мого народу, яка примусила його довгі десятиліття працювати на прославлення чужої культури, чужої держави).

„...Согласны ли они полюбят в спешном порядке сочиненную историю Украины взамен истории государства Российского, необъемлемой частью которого всегда была Украина...» (Мабуть, з пам’яттю у деяких людей щось сталося, якщо вони забули, що Україна існувала ще задовго до появи „Государства Российского”, що Україна так же була загарблена ненажерливою імперією, як і інші національні території, і що та брехня, нарешті, яка й досі розповсюджується шовіністами щодо України та її історії, повинна колись вже бути спростована).

І нарешті, життя в Україні, за визначенням Л. І. Кондратенко, є „жизнь в болоте”, якій „нельзя не противостоять”.

Заради Бога, як кажуть. Чим терпіти такі тортури, краще знайти місце і на суходолі, ніхто не завадить. Тут так: або живи і будь нормальною людиною, не збуджуй і не задурюй людей, або кардинально вирішуй і міняй своє життя-буття. Другого не дано.

Заради об’єктивності треба відзначити, що листа мого „КВ” все ж надруковано, правда, через день після появи „ответа читателю”. Я щиро подякував по телефону Л. І. Кондратенко за цю мужню, з мого розуміння, подію.

Деякі скорочення, редагування з пом’якшенням висловлень, мені зрозумілі, бо не кожен здатний передати дослівно

те розуміння, яке стосується його образу мислення, його діяльності, його совісті, на кінець.

Тому пропоную мовою оригіналу повний текст мого листа до „Крымского времени”, на який дан „ответ”, як на того „Доктора Живаго”, якого ніхто не читав, але всі „клеїмили позором” (борони Боже, коли хтось припустить, що я себе порівнюю з Б. Пастернаком).

\*\*\* Разнужданность и похабщина никого не красят, тем более журналиста такой уважаемой и постоянно читаемой мною газеты, как «Крымское время».

О чем идет речь?

В заметке «Пиши пропало. Особенности национального правописания» (№ 6 от 11.01.2001 г.) А. Мащенко, рассуждая о проекте реформы украинского правописания, начал обыгрывать слово «писать», выделив слог «СА» другим шрифтом, из -за его при произношении ударение переходит на первый слог, вследствие этого меняется смысл слова. Слово «писать» он применил к украинскому языку».

Зная манеру и форму изложения материала, присущие А. Мащенко, я представляю себе, как он в данном случае радовался своей «находке» и потирал руки: «Так я вас, а придраться не к чему» (мол, не домысливайте за меня и не объясняйте ход моих мыслей).

Непонятный патологизм во всех писаниях А. Мащенко об Украине и всем украинском меня поражает, так как объективно не объясним и нормальным человеком не воспринимаем, тем более, когда журналист пишет о своей Родине. Грешно отказываться от Украины, языка, слова на котором вошли в твою жизнь с молоком матери. В народе таких

людей называют янычарами.

В связи с этим, хочу поделиться некоторыми своими мыслями о журналистской деятельности вообще и правилах пользования своим ремеслом в частности.

Нельзя с внутренне непереборимой ненавистью к чему-либо браться за перо, объективности здесь не жди. Журналист обязан излагать факты, освещать события, анализировать их и не стараться, при этом, грубо навязывать свое мнение читателю.

Некрасиво постоянно писать (так и хочется в этом слове переставить ударение) желчью. Логика журналиста должна строиться таким образом, чтобы она дошла до человека, не разделяющего его убеждений. Патологическая форма изложения материала способна только оттолкнуть тех, которых он хочет привлечь на свою сторону. (Я понимаю, что некоторой части читателей такая подача материала по душе, но ведь газета должна еще и воспитывать инакомыслящих).

Однолинейность в суждениях - признак ограниченности. Основной принцип логики - поставь себя на место того, о ком ты хочешь судить, пойми его ход действий в каждом конкретном случае и его логику.

Беспардонность, изощренность, грубая неуважительность к тому, о ком или о чем ты пишешь - это не для журналиста.

Болезненные самомнение и самолюбование - тоже не помощники.

Если об этом не думать, то вся журналистская деятельность теряет смысл. Уважай другого, если ты хочешь, чтобы уважали тебя.

Страшно, если такие стиль и почерк победят и станут характерными для газеты в целом.

Хочу пожелать „Крымскому времени” в новом веке всяческого добра, оставаться и далее нужной для многих жителей Крыма газетой.

P.S. Идеальных людей не бывает, иначе в мире было бы скучно жить. Человеку не может быть присуще только плохое, в наличие бывает комбинация этих качеств, соотношение которых и определяет его путь в жизни.

Очень прошу уважаемых много журналистов „Крымского времени” не относить на свой счет весь этот набор понятий, которые могут препятствовать журналисту стать истинным профессионалом. Каждый сам себя знает лучше других, и Бог вам на помощь.

\* \* \*

Ось такого листа я передав головному редакторові „Крымского времени” Л. І. Кондратенко. Прошу пробачити читачів, що в цій „історії” все вийшло навпаки: спочатку велася річ про „ответ”, а потім вже матеріал, який викликав цю відповідь. Це вже не з моєї вини. Така хронологія подій визначила і мою реакцію і її послідовність.

**26.03.2001г.**

В начале шестидесятых годов, когда я был начальником управления капитального строительства Крымского облисполкома, ежегодную путевку получал, обычно, в санаторий «Днепр» (бывший Харакс - имение Великого князя Георгия).

В один из приездов-заездов с моим отпуском совпал и

отпуск зам. председателя облисполкома Сергея Васильевича Сосницкого, кстати, моего куратора по работе. В один из дней узнаем, что в корпус №8 (бывшая дача архитектора Краснова Николая Петровича 0 автора царского дворца в Ливадии и корпуса №1 - бывшего дворца Великого князя Георгия - в санатории) приехал Сидор Аремович Ковпак - партизан, дважды Герой Советского Союза, тогда - зам. председателя Верховного Совета УССР. Мне - белорусскому и смоленскому партизану, еще не остывшему от переживаний войны, было очень интересно познакомиться со столь знаменитым человеком.

Ковпак - простецкий украинский дядько, с бородкой, небольшого роста = ходил по территории прекрасного санаторного парка, посаженного еще при Великом князе. Была поздняя осень, купались только любители, нравы были простые, как и развлечения: карты, домино, шахматы. Ковпак обычно подходил к играющим в карты (преферанс тогда только входил в моду, играли в дурака), смотрел, потом говорил кому-то из играющих: „Вилазь, ти не вмієш грати. Трошки повчись у мене”. И садился играть сам. Мне было интересно наблюдать со стороны сам процесс игры и взаимоотношений между игроками. Ковпак играл азартно, с присказками, с подначкой - говорил, при этом, только на украинском. Русского языка, как я понял, он толком не знал и поэтому не пользовался им. Хотя речь его была пересыпана спешными русизмами, которыми он легко пользовался, стараясь при помощи перевернутых украинский лад русских слов показать комичную картежную ситуацию. Он бывал весел, доволен, когда выигрывал, и расстраивался, когда проигрывал. При-

чем, виноват в этом бывал всегда его партнер, которого он тут же вычитывал при помощи тех же ядовитых русизмов. Но играть ним всегда было приятно, зла он долго не держал, настроение его сразу менялось, когда шла карта и ладилась игра.

В один из дней С. В. Сосницкий мне говорил: «Сегодня, после ужина, Ковпак приглашает нас в свою резиденцию. Сыграем в карты».

До этого я с Ковпаком за одним карточным столом еще не сидел. А тут такая оказия!

После ужина (Ковпак в столовую не ходил: еду ему и его жене приносили в корпус) идем к нашему главному на тот период санаторному жителю.

Корпус №8 - Красновская дача - двухэтажный, сложен из серого с зеленоватым оттенком крымского гранодиорита, очень живописный, пластичный, разновысокий (за счет рельефа), с красной черепичной (марсельской) крышей. Стоит на самом берегу, обрывистом, к морю - серпантинная лестница. Видимо, Великий князь Георгий, в благодарность за труды, отписал главному архитектору Ялты Н. П. Краснову участок земли, благодаря чему и стала возможна такая постройка.

Внизу - большая гостиная, спальни - на втором этаже. Под всем домом, на рельефе - большой хозяйственный полуцоколь, полуподвал.

Садимся играть. Я - в паре с женой С.А. Ковпака.

Жена его - молодая, привлекательная, как все в ее возрасте, женщина, спокойная и немногословная. Играет сосредоточенно, но без эмоций. Говорят, что она (забыл, как ее

звали) - родственница жены Ковпака, ухаживала за ней до ее смерти (та долго болела). Да так и осталась у Ковпака, потом он с ней законно оформил брак.

Ковпак дома играет менее азартно: нет зрителей. Однако шумно, его прибаутки по-украински - остроумны, к делу и не повторяются. Он весь полон народным юмором. Ковпак с Сосницким почти все время выигрывают, но поменять пары, что деликатно предложил Сосницкий, отказался: «Хай вчатся!».

Во время игры я один раз застенчиво сказал: „Сидоре Артемовичу, Козирі - бубні, а ви б'єте черв'яками“. „Для того й дурак, щоб махлювати. А ти дивись“.

Угощение во время игры не предлагалось. Ковпак с супругой были на таком же санаторном обеспечении, как и мы. Разносолов в корпусе неводилось.

Играли мы в гостях у Ковпака несколько раз. Но в один из приходов четвертого игрока не оказалось. „Вона трошки приболіла“, - сказав Ковпак. Злые языки говорили, что его молодая жена иногда порывалась вечерами в рядом расположенный военный санаторий «Жемчужина». Развлечения там те же, что и у нас. Но может привлекало то, что не на глазах, да и молодежь военная - не чета нашим парт- и совчиновникам. Дед был, говорят, непреклонен: «Нічого тобі там робить».

Больше на картежные вечера мы не приглашались.

### **7 июля 2001 г.**

Вот и свершилось мое 80-летие. Признаюсь, что и не мечтал дожить до такого возраста. Очень он уж почтенный.



Теперь мы с моей рыбонькой вступили в девятый десяток.

Помню, когда был директором Укрнигипросельска, в электроотделе тогда (1964 г.) работало два инженера, которым было за 60. «Господи, - думал я - в таком возрасте и еще работают». А я ведь свой последний проект «Гостиница на 100 мест, ресторан, дискотека, магазин на ул. Плотинной в г. Симферополе» (на месте разрушенного кинотеатра «Маяк») на стадии проектных предложений делал вот только недавно, в преддверии моего 80-летия.

Накануне юбилея редактор «Кримської світлиці» Виктор Владимирович Качула прислал свою журналистку Оксану Лиховецьку - чудову молоду жінку, яка нам з Тонею дуже подобалась. Газета надрукувала дуже теплу інформацію - нарис про мене і, що символічно, надрукувала моє фото „А. М. Усик з правнуком Артуром”. Так що на Артурчик неждано-негадано вперше в своєму маленькому житті, попав в газету.

Чествование проходило 29 мая 2001 г. в Доме архитектора. Очень трогательный адрес прислал через гл. архитектора Ю. Н. Безуглого Симферопольский городской голова Валерий Федорович Ермак.

Поздравляли Министр архитектуры и строительной политики Крыма В. Т. Кравченко, пред. Крымской организации Национального Союза архитекторов Украины А. Н. Гудаленко, директора институтов «Крымниипроект» Г. Н. Алексеев и «Крымпроектреконструкция» С. А. Бернадский, представители Крымской академии природоохранного и курортного строительства, бывший зам. председателя Крымского облисполкома Ю. А. Хлынов, коллеги, друзья, все, кто

мне дороги и кто сохранил ко мне теплое отношение. В баре был накрыт стол. Мы с Тоней, правда, немного устали, но держались стойко. Салон автомашины был забит подарками и цветами.

А на субботу (2 июля) приехала наша дочка Анечка (Сережа - зять - был в командировке в Киеве). Привезла в подарок от себя и Сережи чудную немецкую электробритву «Браун», с дисплеем и многими функциями (цена ее, по нашим с Тоней понятиям - невероятная).

Звонил, конечно, 29 мая из Германии наш Мальчик - внучек Дима. Мы чувствует его любовь к нам, и это нас очень и очень радует.

Звонили сваты, были телеграммы из Харькова от соратников.

Дома Анечка с мамой соорудили для юбиляра шикарный стол, пили шампанское, изумительный «Кокур. Сурож» (шесть медалей).

А на завтра я повез всех машиной в Алушту - к морю.

**Р.С.** В Доме архитектора была организована выставка моих акварелей, пастелей и графики, начиная с Ирочкиного портрета 1947 года.

### **19 июня 2001 г.**

Хочу записать свою встречу с Н. С. Хрущевым, пока не все еще выветрилось из памяти.

Н. С. Хрущев приехал в Керчь 30 сентября 1958 года. Он прибыл самолетом в Багерово (военный, тогда, аэродром под Керчью). Его знаменитая серая открытая машина (ЗИС, по-моему) прибыла своим ходом из Симферополя.

Вместе с Хрущевым было наше областное начальство: 1-й секретарь Крымского обкома Василий Григорьевич Хомяков, второй секретарь - Андрей Григорьевич Коровченко, кто-то из председателей Крымского облисполкома.

В роли принимающих гостей выступили второй секретарь Керченского горкома Никитин (первый секретарь Григорий Иванович Смородин, был, как я помню, в отпуске), председатель Горисполкома Евгений Иович Завгородний, другое керченское начальство и я, в том числе (был тогда зам. председателя горисполкома).

После непродолжительной остановки в горкоме, кавалькада отправилась в Камыш-Бурун - на железорудный комбинат. В серой открытой машине с Хрущевым - его начальник охраны (полковник, единственный в форме), Никитин, Завгородний. Мы в сопровождающих машинах.

Привезли его прямо к «отвалному мосту». Эта немецкая многовековая машина делала «вскрышу», перерабатывая в смену 8 тыс. кубометров грунта, покрывающего железную руду, добыча которого в Керчи велась открытым способом. Хрущев внимательно прослушал сообщения директора комбината о работе отвалного моста, а затем попросил пригласить поближе к нам группу техников и инженеров из obsługi моста, которая стояла у моста и в нашем разговоре участия не принимала.

Должен сказать, что я, как и другие, очевидно, чувствовали себя очень скованно и были напряжены в присутствии столь значительной фигуры, занимавшей теперь такой же пост в стране, как когда-то всемогущий и недостижимый для всех смертных Сталин. Мне, к примеру, казалось, что на

меня обращают внимание люди из охраны, что вызывало желание быть более незаметным, естественным и приводило, как ни странно меня у еще большему замешательству.

Постепенно я как-то успокоился, но пришел в себя полностью только уже после отъезда Хрущева на Кубань, когда мы все смогли немного расслабиться и отойти от всех переживаний.

Так вот, группа из obsługi моста тоже не совсем уверенно подошла к Хрущеву, который, нужно сказать, вел себя очень непосредственно и умел расположить людей к беседе.

Были робкие вопросы: помню, кто-то сказал, что в Керчи плохо с картошкой, перебои с молоком. Вопросы, прямо скажем, мало приятные для нашего областного и городского начальства. Хрущев, надо отдать ему должное, не пытался переадресовать эти вопросы, а отвечал по сути, обрисовав общую картину с сельским хозяйством в стране.

Подошедшие для разговора люди все как один были одеты в синие спецовки и, почему-то, сапоги (кирзовые). Хрущев спросил у одного, почему у его куртки такие короткие рукава. Тот не нашелся и ответил, что, мол, жена постирала и куртка села (хотя видно было, что куртка новая, просто выдан был не его размер). Эта неуклюжая обмолвка имела интересное продолжение: Хрущев расстегнул свой пиджак, затем джемпер (вот здесь я обратил внимание, во что он был одет: на нем был серый, не новый костюм - на воротнике были видны засаленные места, - с двумя дырочками от золотых звезд, которые он в повседневной жизни, видно, не носил, и коричневый шерстяной джемпер на пуговицах), достал конец брючного ремня и, показывая всем, спро-

сил:

- Что это?

Все растерянно молчали, затем кто-то негромко все же сказал: - Кожа. (На обратной стороне ремня ясно была видна ворса, и я тоже подумал, что это, конечно, кожа).

- А вот и не кожа, - Хрущев довольно рассмеялся. - Это мы Николай Александрович (Булганиным, тогда - председателем Совета Министров СССР), когда были в Финляндии, получили в подарок. Это - химия. Вот и мы теперь будем двигать развитие химической промышленности и получать материю, которая от стирки садиться не будет.

Из КамышОбуруна мы обратно через центр города двинулись на завод им. Войкова.

Впереди маячила серая хрущевская машина, сидевшие в ней, было видно, о чем-то оживленно разговаривали.

Мы же - молчали. Напряжение не проходило, все была приучены не показывать свои эмоции, а тем более, как-то комментировать происходящее.

На заводе Войкова у проходной была уже собрана небольшая группа людей. Была небольшая заминка: куда-то запропастился секретарь парткома завода, тоже - Никитин, Герой Советского Союза, который должен был вручить рапорт Хрущеву, с изложением просьбы о скорейшем восстановлении завода.

Хрущев стоял впереди, полковник - начальник охраны - слева, чуть сзади. Рядом - Хомяков, который громким шепотом спросил что-то у директора завода. Полковник немедленно повернулся к Хомякову и зло произнес:

- Не шепчитесь!

Я стоял тут же и все слышал. Это отпечаталось в мозгу, но недоумение пришло уже потом: для нас Хомяков, первый секретарь обкома, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР - бог, а для этого полковника КГБ он, оказывается, - ничто.

Вся процедура с рапортом происходила минут 15 - 20, и мы двинулись дальше - на Керченскую паромную переправу, где ждал с военным катером первый секретарь Красногвардейского крайкома партии Дмитрий Степанович Полянский, до этого - наш крымский председатель Облисполкома, а затем и партийный вождь. (Между прочим, в бытность Полянского, он, будучи в Москве, вызвал туда председателя Керченского горисполкома Завгороднего. С ним поехал и я: Евгений Иович в такие командировки без меня не ездил. Тогда, помню, мы посетили четырех союзных министров, и 12 республиканских. Уже в день отъезда пришли в гостиницу «Москва», где в двухкомнатном люксе остановился Полянский. После короткого доклада об итогах наших московских бдений, в ходе которого Полянский, видимо, заметил нашу некоторую нервозность и, когда узнал, что у нас не только нет билетов на поезд, до которого оставалось два часа, но не отмечены и командировки, тут же вызвал машину, сам с нами поехал в Совмин РСФСР, сам взял броню на билеты и отметил командировки. Такая непосредственность и простота будущего члена Политбюро ЦК КПСС меня поразила).

На переправе была только короткая информация о паромах.

Хрущев уже стоял на трапе, попрощавшись со всеми,

когда к нему подбежала женщина из obsługi парома и взволнованно попросила:

- Никита Сергеевич, мы хотим с Вами сфотографироваться.

Хрущев уже было поднял ногу навстречу ей, когда начальник охраны довольно грубовато, как нам показалось, сказал:

- Никита Сергеевич, мы опаздываем.

И Хрущев покорно повернулся и по трапу пошел в катер.

В Капканах нашим начальством было приготовлено для Хрущева рыбацкое угощение: рыбацкая уха, свежепосоленная осетровая икра - осетр был пойман только утром, рыбец, селявка, шурпа из баранины и многое другое.

Но полковник, узнав об этом, был неумолим.

- У нас обед по расписанию на той стороне (т.е. на Кубани).

Вся эта вкуснятина, под приличную выпивку, была оприходована нами на обратном пути. За столом, помню, хозяйничал второй секретарь обкома Коровченко, крупный красивый мужчина, сам не дурак при возможности погулять. Хомякова с нами не было.

P.S. Еще раз хочу подтвердить, что Хрущев мне понравился. Простой в обращении, не напыщенный, жизнерадостный, непосредственно воспринимающий все происходящее вокруг него.

Конечно, он был 100% продуктом нашей противостественной системы. Но когда его теперь пытаются оглупить, унижить, мне становится неприятно. Какова система была,

такие и вожди были у нас. Иначе не могло быть.

**18 июля 2001 г.**

Сегодня «Крымское время!» - газета, известная в Крыму своей нелюбовью к крымским татарам, переходящей иногда в прямую ненависть, и такой же «любовью» к Украине, поместила заметку «Русским людям в Крыму жить неуютно». Н. Гаврилевой.

Речь идет о том, что в Севастополе прошел очередной пикет-митинг пророссийских патриотических организаций Севастополя (братья Кругловы - известные шовинисты-украинофобы, призывавшие во времена Мешкова брать оружие и гнать украинцев из Крыма, и иже с ними). Приняли, разумеется, воззвание. В нем, как пишет Гаврилева, «боль и горечь», «очень обидные для Украины слова, которые мы здесь не рискуем повторять». Но один абзац Гаврилева все же привела, он звучит так: «Чрезмерно разбухшая и окрепшая за счет российских земель и людей, сырья и поддержки и потерявшая от такого «величия» голову, нынешняя самостийная и независимая озабочена только одним: любой ценой удержать все это случайно полученное и незаконно присвоенное».

Вдумайтесь в эти слова! Пишут их представители и патриоты народа и государства, всю историю своего существования занимавшегося завоеваниями, захватами чужих территорий, порабощением народов, их населяющих, превративших их в колонии. За сотни лет своего существования небольшая по размерам Московия превратилась в громадную империю, разбухшую до неприличия и, наконец, лопнувшую.

шая уже обычным физиологическим путем, как та вошь, напившаяся до безумия чужой крови. Но менталитет этого народа таков, что он не может признать объективности этого процесса: многие годы грабежей и разбоев разложили его, впитали в кровь последующих поколений сознание справедливости такого положения, что подпитывалось постоянным враньем своих историков и писак, вышедших и воспитанных из той же среды разбойников с большой дороги. По этой же причине этот народ и ныне ведет войну уже в своем государстве - кровавую, с неисчислимыми жертвами, безобразную и незаконную, - против чеченцев, этого несчастного народу, не смирившегося и не покорившегося русским. И опять эта бойня, этот геноцид против Чечни оправдывается, имеет полнейшую поддержку почти всех российских средств массовой информации, российской интеллигенции и всего русского народа, наконец.

Смотришь и думаешь: что вам нужно, когда вы успокоитесь, когда перестанете заглядывать в чужие земли, в души других народов, когда перестанете будоражить и себя и весь мир?

Посмотрите лучше на себя: беспробудное пьянство, алкоголизм, низкий интеллектуальный уровень основной массы населения, низкие духовные запросы молодежи - будущего нации. И эта нация претендует на какое-то особое положение в мире, а ее государство - на мировую роль! Постыдитесь!

**18 декабря 2001 года.**

Управление капитального строительства Крымского

облисполкома (первые шаги).

В 1950 году я окончил Харьковский инженерно-строительный институт и по распределению был направлен в Крым, в распоряжение областного отдела по делам строительства и архитектуры.

Прибыв в августе 1950 г. в Симферополь, я явился на прием к областному архитектору Валентину Никодимовичу Чернышеву. Из предложенных мне мест, в том числе и в облпроекте (как он тогда назывался и на базе которого был создан Крымский филиал института Гипроград, ныне - Крымниипроект), я выбрал город Керчь и должность зам. главного архитектора города.

Так, 17 августа 1950 г. я приступил к работе в Керчи.

Но засидеться долго на архитектурном поприще мне не дали.

В марте 1953 г. я был избран зам. председателя Керченского горисполкома, а в декабре 1957 года - председателем Кировского райисполкома Керчи.

Кировский район города - это, по существу, сама Керчь. Сталинский район (так тогда он назывался) - им. Войкова, а Орджоникидзевский район - поселок Камышбурунского железорудного комбината. Эти рабочие поселки были оторваны от самого города и были автономны в своей инфраструктуре.

Начал я свою работу в Керчи с проектирования отдельных срочно необходимых объектов (только закончилась война), а затем, став советским функционером, под мое ведение перешли все городское строительство и коммунальное хозяйство.

Это была школа, значение которой трудно переоценить. Мой кругозор рос, опыт - обогащался. Часты были командировки в Симферополь, а до 1954 года - и в Москву. Нам удалось добиться Постановления правительства России «О мерах помощи городу Керчи в восстановлении и развитии городского «хозяйства» (название цитирую по памяти). Правда, по теперешним меркам экономический эффект его был невелик: нам выделили 10 сборных 8-ми и 12-ти квартирных жилых дома, дали лимиты на проектирование объектов коммунального хозяйства, нескольких школ, детсадов и др. по мелочам. В процессе подготовки этого постановления я с первыми лицами города (секретарем ГК КПСС Катковым Николаем Никитичем и председателем Горисполкома Загородним Евгением Иовичем) посетил 4-х союзных министров (Бещева - ж-д транспорта, Ишкова - рыбной промышленности, Коврыгину - здравоохранения и Тевосяна - металлургии) и 12-ть республиканских.

Это тоже была школа. В октябре 1958 г. меня пригласили в Крымский облисполком, а затем - в обком партии и предложили возглавить вновь создаваемое Управление капитального строительства облисполкома.

1 ноября 1958 года решением №867 Крымского облисполкома я был утвержден начальником управления капитального строительства.

Эту дату и нужно считать фактическим днем рождения этого нового управления облисполкома.

Вначале меня разместили в пустующем на время длительной болезни кабинете секретаря облисполкома по ул. Пушкина (ныне - 3 гор. Поликлиника), и затем выделили

помещение по ул. Сергеева-Ценского, 12, где УКС существовал до окончания строительства Дома Советов.

Первым работником УКСа, которого я принял на работу, была Мария Степановна Репинская, начавшая трудиться в должности бухгалтера.

В должности начальника УКСа Крымского облисполкома я проработал 10 лет: в 1958 - 1962 гг. (с созданием двух обкомов и двух облисполкомов - промышленного и сельского - УКС распался, а в соответствующих облисполкомах были образованы отделы капстроительства, я же ушел работать в Гипроград, а затем был директором Крымского филиала «Укрнигипросельхоза») и в 1966 - 1972 годах, когда меня вновь вернули в УКС.

В июне 1972 года, после настойчивых и продолжительных предложений председателя Симферопольского горисполкома Михаила Афанасьевича Лозового, занял должность главного архитектора города Симферополя.

Так состоялось мое возвращение на чисто архитектурную стезю после многих лет работы на административных должностях в органах советской власти.

### **20 января 2002 года**

Написал письмо Президенту Украины Л. Д. Кучме по Крыму.

Глубокоуважаемый Леонид Данилович!

Прочел в одной крымской газете об готовящейся административной реформе в Украине. Суть ее, как я понял, заключается в том, что предусматривается укрупнение реги-

оных с тем, чтобы это были самодостаточные структуры и, в то же время, способствовали укреплению единства нашего государства.

В этой связи, хочу высказать свою глубочайшую обеспокоенность дальнейшего существования такого эфемерного образования на территории Украины, как Автономная республика Крым.

Мало того, что ее присутствие противоречит принципу унитарности Украины, как это предусмотрено Конституцией государства. Сама суть автономии, кА некоего русского самоправного поселения со статусом Республики в Украине, противоестественна и порождает, и всегда будет порождать те шовинистические антигосударственные волны и бури, которые постоянно будут беречь нашу Украину.

7 мая 1998 г. Вы, Леонид Данилович, вручали мне в Киеве знаки отличия Заслуженного архитектора Украины. В пределах тех нескольких минут, бывших в моем распоряжении, я, если, помните, высказал Вам свою тревогу по поводу Крыма и свое пожелание Вам твердости в решении крымского вопроса. Мне показалось (я видел это по Вашим глазам), что Вы поняли меня и благожелательно отнеслись к моим словам.

Что сейчас происходит в Крыму видно, хотя бы, по итогам 4-летнего «правления» коммуниста Грача.

Вы сами не раз вынуждены были вмешиваться в решение крымских конфликтов.

Многое до Вас не доходит. Ежедневно крымские газеты «Крымская правда», «Крымское время», «Крымские известия» (орган Верховной Рады - Грача), «Коммунист

Крыма» ведут антиукраинскую пропаганду в прямой и прикрытой форме издевательски пишут о государстве («ненька», «незалежная»), нации (приводят - выискивают - слова о «хохлах» известных русских деятелей) и т. д.

Эти антиукраинские проявления имеют тенденцию нарастать и никогда не утихнут, пока есть Автономная республика Крым.

Ликвидировать ее прямым путем почти невозможно.

А избавиться от нее при всеобщей административной реформе можно и нужно - путем образования укрупненного южного региона с центром в Одессе (в пределах, хотя бы, бывшей Таврической губернии). И вопрос об АРК как бы сам собой решится.

Поверьте мне, что многие крымчане уже поняли пагубность преобразования области в Республику и воспримут эти действия с одобрением.

Другого пути нет.

С глубочайшим уважением и верой к Вам, дорогой Леонид Данилович, обращаюсь я с этим вопросом.

Дай Вам Бог!

20 января 2002 г.

Усык Аркадий Михайлович - заслуженный архитектор Украины, лауреат премии Совета Министров Автономной Республики Крым, инвалид Отечественной войны.

95000, г. Симферополь, ул. Дыбенко, 17, кв. 17. дом. тел. 27-29-60.

**P.S.** Можно ли известить меня, что это мое послание хотя бы попало к Вам?



**20 июня 2002 г.**

Череда дней рождений: 29 мая мне - 81 год (до этого 3 марта Тоне исполнилось 82 года), 19 июня Боре (двоюродному брату, который живет в Днепропетровск) 82 года. 28 июня нашей доченьке Анечке исполняется 50 лет.

Вот время идет!

В апреле приезжал Дима. Прямого рейса из Германии в Харьков нет (мало взлетное поле - не садятся большие самолеты), поэтому из Штутгарта он летел в Стамбул, а затем в Симферополь. Самолет прилетел около 12 часов ночи, затем - таможенный досмотр, в общем, домой добрались где-то в третьем часу...

Мальчик наш стал совсем взрослым (хотя это случилось практически давно, но наше отношение к нему - нашему родному внучонку - такое, что эта взрослость как-то внутренне не воспринимается). Чувствуется организованность, появились привычки, только ему присущие, самостоятельность и решительность.

Мы с бабушкой часто со своей заботой и опекой попадали впросак, так как Дима их плохо воспринимает.

Съездили в Алушту, побывали в доме академика архитектуры А. Н. Бекетова, построившего много в Харькове, а в Симферополе - драматический театр. Я его застал до войны в ХИСИ, где он был профессором на кафедре архитектуры.

Хотя в музее был санитарный (нерабочий) день, но я представился, и нам с Димой устроили персональную двухчасовую экскурсию. Походили по Набережной, попили у моря кофе.

Было тепло, но вода в море еще холодная и Димино желание выкупаться не осуществилось.

На другой день Дима с Мариной (подругой детских лет) съездил в Ялту троллейбусом.

Из Харькова Дима опять вернулся к нам, так как отпуск его заканчивался и летел он обратно тем же путем: Симферополь - Стамбул - Штутгарт.

На нашу любовь к нему Мальчик искренне отзывается внимательностью и заботой. Да ему Бог!

**24 августа 2002 года**

20.00. Только что позвонил из Штутгарта Дима. У него гостит уже две недели Аня (успела побывать уже в Мюнхене, затем - в Венеции). Привезли к себе Артурчика: и нам удалось пообщаться с ним. Голосок у него - как колокольчик, мелодичный и нежный. Такой же голос (очень нежный) был у маленького Димы. Артурчик сказал, что помнит и дедушку Кадю и бабушку Тоню. Знает, что мы живем в Симферополе. После нескольких слов со мной, попросил бабушку Тоню. Мы его пригласили к себе в гости. Вот только осуществиться ли такое?

Мальчик наш 31 августа (день его рождения) не будет дома: поедет в Нюрнберг, а затем отдыхать - в Италию. Будем искать его по мобильному телефону - поздравить. Сегодня - день Независимости Украины - мечта моего отца и моя глубочайшая радость.

**12 грудня 2002 р.**

Не можу без болю читати цього вірша...

## **Володимир Капустін**

### **ПАМ'ЯТІ МАТЕРІ**

В пустім дворі стоїть калина,  
Як осінь тиха і сумна.  
В печалі золотій хатина  
Моеї мами мовчазна.  
Шумить трава, неначе річка,  
Листки колише осяїні.  
Здається, не зоря, а свічка  
Горить в притихлому вікні.  
Та тужить, тужить вечорами  
Холодне листя яворів,  
А я до мами, я до мами,  
Неначе птах отої летів.  
Не встиг... днем  
Тихим калиновим  
Із хати, з рідного села  
У білім човнику сосновім  
У вічність мама відпливла.

Я не встиг ні до батька, ні до мами. І хоч ховав їх, а попрощатися не зміг...

### **11 апреля 2003 г.**

27 марта 2003 г. в 6 ч. 45 м. скончалась Тоня.

Два дня, как вернулся из Харькова, где мы ее похоронили в нашей могиле (мама, папа, Ира, Неля) на кладбище №13 по ул. Пушкинской, 108.

Не могу опомниться и все время плачу: сам с собой, бродя по пустой квартире, при разговорах с соседями по

дому, просто с незнакомыми людьми.

Может ли быть горе, больше этого?!!

7 апреля с/г минула 58 годовщина нашей свадьбы.

Нужно все написать, но пока нет сил. Пишу и не вижу слов.

### **12 июня 2003 г.**

Как же все это произошло?

Ночью 10.03.2003 г. Тоне стало тяжело дышать. Решили вызвать скорую. Скорая определила возможное воспаление легких, и в 2 часа ночи той же скорой (я ехал вслед на своей вместе с Тоней) привезли в пульмонологию (ул. - Генерала Попова, пал. №5), Принимал дежурный врач Геннадий Львович, предварительный анализ - воспаление легких.

Утром я познакомился в лечащим врачом Ириной Васильевной, началось обследование, назначены лекарства (еще деж. врачом), которые я утром уже принес. Рентген будет готов только 12.03, тогда все станет ясно. Пульмонология - типичное советское медучреждение. Палата площадью метров 12, четыре человека, между кроватями не пройти, тумбочки загораживают все. Уборная в коридоре: окно постоянно открыто (больные курят, как объясняет персонал), холодина собачья, март все же. Унитаз без сидения. Кое-как помог Тоне справить нужду, постелив по кромке газеты. Как она будет без меня, ведь на унитаз ей не влезть? Да и как лечить воспаление легких при открытом окне в уборной и диком сквозняке?

Дают какое-то подобие еды, но это сейчас не главное.

Лечащему врачу преподнес свою визитную карточку, средних лет, старательная, видно, женщина. Укола, капельница.

Утром 12 марта рентген устанавливает, по мнению врачей, отсутствие пневмонии. Причина затрудненного дыхания - сердечная недостаточность.

Оставляю Тоню в больнице, еду в нашу правительственную (бывш. Куйбышевскую, теперь - Республиканский диагностический центр), где мы на учете. С лечащим врачом Ниной Ивановной Денисовой и ст.терапевтом Лилией Оганесовной Стахеевой решаем положить Тоню на следующий день утром. Основание - заключение пульмонолога (письменное), говорящее об отсутствии пневмонии.

Звоню Ане, Диме - в Германию. Дима, узнав, что бабушка в больнице (я сказал о подозрении на пневмонию), произнес «Ужас, ужас!!». Эти слова меня поразили.

ВО второй половине дня привез Тоню домой. Вечером помог выкупаться. Малейшее физическое напряжение - и задыхается. Так было и после ванны.

Но настроение, нужно сказать, несколько улучшилось. Все-таки Куйбышевская больница - не допотопная пульмонология в здании еще дореволюционной 1917 г. постройки.

Утром 13.03 отвез Тоню. Палата №2, две койки, санузел. Обстановка привычная, в этой больнице и Тоня, и я лечились не один раз.

Зав. терапевтическим отделением Татьяна Васильевна Артишевская, лечащий врач Кучеренко Ольга Николаевна. Все нас знают (кроме Ольги Николаевны - молодая, симпатичная, я ей

тоже представился, познакомился).

Получил солидный список лекарств, все привез, началось лечение. И, как ни странно, вопреки пульмонологическому заключению, рентген показал воспаление легких. Мне дали посмотреть снимок: нижняя часть и правого и левого легких не видна.

Назначили сильнейшие антибиотики, Ольга Николаевна спросила о деньгах, я сказал, что никаких ограничений - все, что нужно и по любой цене.

На другой день - 14 марта, именины моей рыбоньки. Купил цветы, две коробки конфет (одну отдал леч.врачу). И хотя тревоги остались, но благоприятная аура этой больницы, казалось, действовала на Тоню благоприятно, да и я начал понемногу успокаиваться.

Лекарства изменялись и пополнялись каждый день. Тоня начала потихоньку ходить, но спать лежа не могла (или в кресле тут же в палате, или с поднятой передней частью спецкровать). Но беспокоило ее и меня тоже сильная отечность ног у ступней и перепады давления. 120/70, 110/70 - небывало низкое для Тони. Ее нормальное давление было 150-160 на 80-85.

Но предчувствия трагического конца у меня все же не было. Может быть - вследствие моих слабых медицинских познаний. Но ведь и Ольга Николаевна, как мне казалось, была оптимистично настроена. 23 или 24 марта повторный рентгенснимок показал вроде улучшение состояния легких.



Приехала Аня, побыла три или четыре дня. Поухаживала на мамой, покормила ее домашней пищей.

И уехала с надеждой. Телефонный звонки из Харькова - каждый день.

26 марта я, как обычно, привез партию лекарств, кое-что из дополнения к больничному рациону. Поцеловал мою Рыбоньку и, как оказалось, последний раз живую.

27 марта, где-то в десятом часу утра встречаю у палаты заплаканную Ольгу Николаевну, еще кого-то из персонала.

Меня заводят в ординаторскую и сообщают, что в 6.00 утра Тоня скончалась. В 6.00 наступил жесточайший приступ удушья, кислородная подушка не помогла. Ее спасали (в белье, которое нам потом передали, была разрезанная белая безрукавочка - пытались, очевидно, запустить сердце). Но в 6.45 все кончилось.

Я потом спросил у дежурной в тот день медсестры Ангелины: «Она что-нибудь говорила?». Она говорила: «Я умру».

Утром 28.03 приехали Аня и Сережа. Все документы были оформлены. Мои попытки найти мест на старом кладбище, несмотря на вмешательство Совмина Крыма, уперлись: «А у вас кто-нибудь там захоронен? Если нет, то будем куда-нибудь подзахоронять». Меня это понятно, не устраивало. И тут Сережа, дай ему Бог здоровья, принимает единственно правильное решение. Садится за телефон, находит и нанимает микроавтобус, договаривается на Харьков на 19.00 того же дня. Мы за это время снаряжаемся все, что нужно и вечером (Сережа в кабине вместе с шофером) моя же-нушка тронулась в последний путь из Крыма обратно в Харь-

ков. Мы с Аней тем же вечером уехали поездом.

Я вже з Харкова телефонував про своє горе головному редакторові „Кримської світлиці” Віктору Володимировичу Качулі. Назвав тільки ім'я та по батькові моєї коханої, все останнє вони написали самі.

### **18 июня 2003 г.**

1 июня 2003 г. Меня посетил правнучек Артур. Собственно, увидел я его и обнял несколько дней раньше. Сват Илья проводил какой-то свой «коммунальный» семинар-симпозиум в гостинице «Ялта», и устроил своим детям (Сереже и Саше) с внуками и правнуками полный и бесплатный пансион в этой гостинице.

Аня приехала ко мне на пару дней раньше. А 27 мая мы с ней встречали Сережу с Артурчиком на вокзале.

Аня раньше увидел их у вагона и побежала вперед. А далее случилось совершенно неожиданное. Я вижу, как Артурчик, обняв на минутку Аню, устремился ко мне. Как он меня рассмотрел в этой толпе приезжих и встречающих (а перрон был забит людьми) - уму не постижимо. И вот он уже повис у мне Яна руках и прижался.

И вот мы идем рядом. Я спрашиваю: «Ты узнал меня?». Он поднимает глаза и молчит. «Ты меня помнишь?». Он в ответ говорит: «А где твоя борода?». Вот такой спешной разговор при встрече и оставленный без ответа вопрос, узнал ли он меня. Но бежал он точно ко мне, лавируя между людьми и смотря только на меня. Значит узнал!

Артурчик с дедушкой Сережей и бабушкой Аней усаживаются в спецавтобус, нанятый организаторами симпози-

ума, и отправляются в Ялту.

А вот посетили они меня только 1 июня. Я снял их с маршрутки в районе Куйбышевского рынка (Аня позвонила по мобильному), привез домой. Но в тот же день в 22.45 они отбыли в Харьков.

И все случилось это потому, что как раз в это время Вита с Артурчиком приехала в Харьков и Сереже удалось забрать внука с собой в Крым.

Вспомнил с болью разговор с Тоней в начале этого года. Я почему-то подумал об Артурчике и спросил - сказал: «Когда-либо нам удастся повидаться с Артурчиком?» Тоня вздохнула и промолчала. И вот мне удалось, а ей нет...

Где бабушка Тоня, он не допытывался. Показан не ее портрет и спроси: «А это кто?». Я сказал. Что случилось с прабабушкой Тоней - ему сказали. Он как-то это воспринял своим детским умом.

Мальчик живо, своенравный. В квартире обследовал все, перебрал содержимое серванта (домики, самолеты, сооруженные Сережей еще для маленького Димы), моего письменного стола. «А это что?» - вопрос звучал десятки раз. Сидя у меня на руках за письменным столом, вдруг заявил: «Хочешь, я тебя нарисую?».

Я ему соорудил ручку, дал бумаге. Кстати, перьевой ручкой, как видно, он пользовался первый раз в жизни - не так держал и измазал пальцы. Но затем овладел ею и попросил меня: «Ты не смотри».

Его рисунок меня поразил: так рисовать в семь с небольшим лет человеческое лицо и фигуру, ноги дано не каждому). Наблюдательность потрясающая. Рисунок я зало-

жил в фотоальбом - пусть сохранится.

В его русской речи уже чувствуется своеобразный акцент. И еще заметно, что его словарный запас пополняется плохо - некоторых русских слов он не знает, не воспринимает их в разговоре.

Играя, напевает какие-то немецкие песенки.

Жаль, что так распалась эта семья. Артурчик, по-существу, остался в семье без отца. И хотя ему не запрещают видаться с Димой, для его восприятия это ничего не дает. Немец Маркус (так зовут новую пассию Виты) ему отцом стать не сможет. Слишком многое стоит между этим русскоязычным (пока?) мальчиком и случайно, мне кажется, попавшим в гражданские мужья аборигеном. Да и Дима все время рядом, часто вместе с сыном, его любовь к нему неизмерима. И мальчик так похож на своего отца, с возрастом это сходство кажется крепнет.

Дай им Бог обоим, моим мальчикам, всяческого благополучия!

**26 - 28 июля 2003 г.**

Хочу вспомнить, как мы познакомились в Тоней.

Впервые я ее увидел в августе 1944 года. Тогда я был командиром взвода курсантов Велико-Устюгского военного пехотного училища.

Весной того года, я после окончания этого же училища, был произведен в младшие лейтенанты и единственный из всего большого выпуска, что, имея за плечами двухлетнюю службу в Московской пролетарской дивизии и три парада на Красной площади в Москве, я заметно выделялся в об-

щей массе курсантов и строевой, и физической (гимнастика) подготовкой. Отлично стрелял, на память мог цитировать многочисленные армейские уставы и наставления (год учил этому своих курсантов в полковой школе в Москве).

Полковник Тарасов - начальник училища - строил в каре все училище, и я, как в театре, показывал и выполнял ружейные приемы и демонстрировал прохождение парадным шагом все детали этого захватывающего действия, которое происходило на Красной площади.

Короче говоря, по окончании курса меня вызвали в штаб училища. Я предстал пред светлые очи полковника Тарасова, который изрек: «Мы решили оставить вас командиром взвода курсантов в училище, будете готовить пополнение для фронта».



Можно себе представить изумленные глаза полковника, когда, неожиданно даже для самого себя, я произнес: «Благодарю за доверие, но я хотел бы прежде съездить в отпуск в Харьков, я не видел семью с 1939 года», Наглость этой просьбы заключалась в том, что шла война и отпуска давались только по ранению. Да и предложение это являлось, по-существу, мечтой каждого, так давало ему шанс остаться живым (к слову, весь мой выпуск попал на 3-й Прибалтийский фронт и почти весь погиб в болотах вместе со своими солдатами, так как командиры взводов на войне не защищены от гибели так же, как и солдаты). Я не помню, что мне ответил полковник Тарасов. Но когда я на обратном пути зашел к начальнику штаба училища майору Храмову, рассказал ему, что произошло, тот не менее изумленно произнес: «Ты с ума сошел! Можешь идти». И когда на другой день я опять был вызван в штаб - добра не ждал.

Однако по веселому лицу майора Храмова понял, что хоть в училище, но я останусь.

Но то, что сказал майор Храмов, повергло уже в радостное изумление меня: «Все. Начальник училища принял решение предоставить тебе отпуск. Но поедешь домой уже офицером: жди приказа о присвоении званий».

Эти две или три недели, пока пришел приказ, я страшно переживал и дал какого-то подвоха. И только, когда получил на руки опускные документы, поверил в свое счастье. Так, в июне (или конце мая) я попал в Харьков и прижал к сердцу своих папу, маму, сестру Нелю и, конечно, бабушку.

Полковник Константин Иванович Тарасов сыграл в моей судьбе исключительную роль. Благодаря ему я остался

жив в этой войне и познакомился с Тоней. Но об этом далее.

Где-то в августе этого же 1944 года я со своим другом - тоже командиром взвода курсантов - Юркой Кононовым - сидели за обедом в офицерской столовой. Неожиданно в обеденном зале появляется молоденькая, круглолицая, с румянцем во всю щеку (как я понял потом - от смущения) девушка. В синем жакетике и такой же юбочке, она скромно присаживается за свободный столик и старается не смотреть по сторонам.

В нашей столовой в обеденном зале до этого были только одни женщины-официантки. И тут - такой пассаж. Мой Юрка конечно наострился, подсуетился и тут же донес: «Это новый военврач. Звание пока не присвоено - послали представление».

Так в мою жизнь вошла Тоня. Мне уже трудно вспомнить, как развивались мои переживания и эмоции.

В одну из ближайших суббот (или воскресений), когда в клубе были танцы под оркестр, я увидел Тоню, которая сидела с женой начальника училища Александрой Ивановой (ее добрым ангелом в тот период жизни) и о чем-то оживленно разговаривала. К этому времени мы узнали, что Тоню к нам перевели из Архангельских курсов младших лейтенантов, где она была вольнонаемным врачом и которыми до перевода к нам в училище, командовал полковник Тарасов.

Оттуда, уже с призывом через военкомат, он забрал Тоню к нам в училище.

Юрка Кононов и здесь пытался меня разыграть, видя,

что я не отвожу глаз от того места, где беседовали две дамы: «А слабо тебе пригласить докторшу на танец?».

Я не отличался особым мастерством в танцах. Вся моя учеба прошла еще в школе, где меня обучили этому премудрому делу мои соученицы. А здесь еще такая ситуация: рядом с дамами сидел и сам полковник Тарасов.

Но я все-таки поднялся и почти что строевым шагом (как и положено при подходе к начальству) подошел к ним: «Товарищ полковник! Разрешите пригласить военврача на вальс». (Самый, кстати, признаваемый танец полковником Тарасовым, который не любил танго и прочие фокстроты).

«А это уж, как она сама того захочет», - отвечивал полковник.

Тоня поднялась, и я впервые смог обнять мою будущую женушку. Еще успел увидеть заинтересованные глаза Александры Ивановны, которыми она проводила нас с Тоней. Меня она конечно знала - фигура известная в училище, историю с отпуском смаковали все. А Тоню, как я после понял она просто любила, как многие пожилые женщины, кому Бог не дал дочери (у них был сын).

Интересная это была пара. Он - офицер старой царской армии, перешедший на службу в Красную Армию. Оставался, как это не удивительно, беспартийным, избежал, мне кажется, репрессий. В партию вступил уже в училище. Она - дворянка, с благородным красивым лицом, очень воспитанная и добрая. После войны и демобилизации полковник Тарасов получил в Черновцах дом и полгектара земли, как это было предусмотрено тогдашними постановлениями.

И Тоня, уже из Харькова, ездила к ним в гости, привез-



ла вкуснейшее Александры Ивановны варенье и добрые пожелания от этой прекрасной семьи. В нашем семейном альбоме сохранились, к счастью, фотографии К. И. и А. И. Тарасовых.

До Тони я никого не любил. Детские увлечения помню. Была у нас во дворе на Пушкинской, 72, девочка Мина. Мы все, по-моему, дворовые мальчишки, были в нее влюблены. Мне было тогда 12 - 13 лет. В феврале 1945 г., когда я приезжал в отпуск после госпиталя, я разыскал ее, они жила уже рядом в Пушкинском въезде, была замужем. Чувств - никаких, она была некрасива, грубоватое южное лицо с резкими чертами.

В школе была Нина Пернач - младшая сестра моей соученицы Нины Пернач. Папа у них был чех и занимал пост зам.директора крупнейшего харьковского завода. Жили они тоже на Пушкинской в большом заводском доме с гастрономом на первом этаже и занимали большую четырехкомнатную квартиру. Я бывал у них дома, мама - украинка, семья добрая, гостеприимная. Часто оставляли меня обедать. Ничего серьезного не было. В нашем альбоме есть моя фотография с Ниной пернач.

В 9 - 10 классах проявлял симпатию к Розе Ижевской, соученице по классу. Танцевал с ней на вечерах, где мы иногда собирались и дома у Саши Эмуйдзяк, тоже одноклассницы. С ней даже не целовались. Вот и все.

В 18 лет (1939 г.) меня призвали в армию. Увольнительная не чаще 2 - 3 раз в месяц, на 2 - 3 часа. Опытные армейские ловеласы находили выход из положения. Я же был неопытен, да инее стремился убивать в Москве (столько

интересных мест - галереи, музеи, театры, каток, наконец, ЦПКиО) время на амурные дела. То, что я видел в окружении моих сотоварищей, меня не прельщало.

Затем война. Уже в окружении, зимой 1942 г. нас 25 человек прибило к глухой смоленской деревушке Лобково (Монастырщинский район). Дворов в ней было тоже 25. Мы с мл. лейтенантом Петром Ивановичем Тиньгаевым остановились в семье Лахуриных. Рядом жили сестры Шутовы, две - учительницы, младшая - училась. Деревня настолько глухая, что немцы в ней за зиму не появились ни разу. Полиция была - но своя, начальник Досуговской полиции свой же окруженец, лейтенант.

Были вечерний посиделки, танцы под гармошку. Хлопцы, конечно, закрутили скоротечные романы. Старшая из сестер - Нина Шутова - явно симпатизировала мне, да и по духу она была ближе других деревенских девчонок.

Но романа опять не было. Хотя наше взаимоотношения попали в книгу «Люди и звери» Г. Косарева (книга у меня есть). Причем, Косарев об этом узнал, собирая материал к книге о нашем партизанском отряде. Я же о книге узнал, только прочитав отрывок из нее в журнале «Огонек», после чего через журнал разыскал Г. И. Косарева, до его смерти дружил с ним, бывал у него дома, принимал его в Крыму, когда он приезжал на отдых, устраивал отдых его детям. Он был крупный партийный функционер и жил в одном доме на Кутузовском проспекте с Л. И. Брежневым и др. деятелями.

В своем повествовании я постоянно отклоняюсь от темы. Но мне хочется как-то расшифровать события и людей, ко-

которые попадают в историю нашей с Тоней любви.

Деревню Лобково мы покинули ранней весной 1942, и отряд наш действовал в Смоленской области, а затем - Могилевской в Белоруссии.

А Нина Шутова, как я узнал уже гораздо позже из переписки с нашими лобковскими «хозяевами» Лахуриными, была расстреляна немцами «За связь с партизанами». Две другие сестры остались живы. Я еще получил письмо от славшей, уже после войны.

И вот я все больше привязывался к Тоне. Она была необычная. Очень естественна, добра. Ее окружала какая-то аура теплоты, нежности. Мы много разговаривали. О чем, не помню, да и трудно теперь представить, но два симпатизирующих друг другу человека всегда найдут о чем говорить. У нас были штабные офицерские занятия, где мы - строевые офицеры обучали военной делу офицеров штаба, ПФС, ОС, санчасти. Я научил Тоню стрелять из пистолета ТТ и у нее неплохо начало получаться. В Каргополе, где стояло училище, протекала р. Онега. Благо было еще тепло, и мы ходили на реку купаться. Помню теплую и холодноватую воду, деревянные мостки.

Я с этих мостков нырял, купался ли Тоня - не помню, лето ведь северное короткое и холодное.

Прямых объяснений в любви не было, я не был обучен и этим премудростям. И чистота отношений и порядочность строго соблюдались. Я мог подержать ее за руки, неумело, по-мальчиковски поцеловать - не более. Больше мне и не нужно было: она рядом, и это для меня все. Я был истинный романтик, воспитанный на тургеневских повестях. (Чтобы

закрыть эту тему, скажу: все серьезное случилось, и по-настоящему мы стали мужем и женой только в день свадьбы - 7 апреля 1945 года).

28 декабря 1944 г. у меня случилось прободение язвы желудка. Произошло это в офицерской столовой, во время обеда. Как помню, ел рисовый суп. После нескольких ложек почувствовал адскую боль в животе - впечатление, что мне туда сунули раскаленный утюг. Еле добрался в свою комнату - благо, это рядом со столовой. И тут уже начал орать благим матом. Меня срочно доставили в Каргопольскую районную больницу. Здесь безногий молодой хирург (ногу потерял на фронте), толком не зная диагноза, руководствуясь только моими ощущениями, впервые в своей жизни, как он потом мне признался, выполнил полостную операцию на желудке.

Операция длилась из-за неопытности и его помощниц, долго. У меня начали стыть ноги, хирург приказал поставить к пяткам грелки, и неумелая сестра вдобавок обварила мне левую голень. Причем, таким кипятком, видимо, что через несколько дней, кое-как справившись с моим стулом (в спешке, перед операцией мне не очистили желудок), обнаружили, что нога обварена до такой степени, что потребуются дополнительное лечение. Полковник Тарасов, который постоянно следил за моим состоянием, взбеленился, пообещал разогнать всю больницу и приказал забрать меня в училищную санчасть. И вот 9 января 1945 года я попадаю уже в руки моей Тони, которая и являлась начальником этой самой санчасти и стала теперь моим лечащим врачом.

Нужно сказать, что с жалобами на боли в желудке

недели за две до прободения язвы я обращался к начальнику санслужбы училища майору Козетинскому. Но тот по какой-то причине не смог установить причину, предположив даже, что это может быть проявлением аппендицита. Вот такая квалификация. И все же, я очень благодарен этому фронтовому хирургу-инвалиду, который по-существу спас мне жизнь, вслепую, как получилось, начав такую сложную операцию. Жаль, забыл его фамилию. Кстати, язва, как впоследствии мне объяснили опытные врачи, была скоротечной. Причина - мои фронтовые невзгоды: бесконечные голодания и еда по принципу, когда что добудешь (в партизанах, да и на фронте в начале войны поесть получалось в лучшем случае раз в день), многодневные попытки найти возможность перейти фронт, нервные потрясения, связанные с начальными проверками нашей лояльности к советской власти уже на нашей территории, включая лагерь в Грязовце. Это - особая и болезненная для меня тема, так как постепенно породила мое отношение к партии и этому строю, который она создала, резко отрицательное, а если брать еще и Украину, то самое настоящее отвращение. Но это - теперь. А тогда не было наверное патристичнее солдата, верного своей Родине и присяге, каким являлся я.

Но результат был - продолжение скоротечной язвы желудка.

И вот за се мои страдания судьба мне подарила такое счастье: целый месяц почти, с 9 января по 6 февраля 1945 день и ночь я был под опекой человека, который становился все дороже для меня. И здесь, едва став на ноги (ожог на ноге не позволял это сделать, хотя на животе уже сняли

швы) и, держась от слабости за зеркало теплое печи, я объяснился Тоне в любви. (Не могу без смеха вспомнить мою экипировку в этот торжественный момент: нижнее белье с подвязками на рубашке). Она, конечно, замахала руками, уложила меня в постель, укрыла одеялом. Но с этого дня отношения наши изменились и приняли уже определенный оттенок.

В феврале месяце меня комиссовали и дали месячный отпуск - уже законно. Я опять оказался в Харькове. На прощанье Тоня мне дала свою фотографию (7.02.45 г. - фотография в альбоме), на которой написала: «Дорогому Кадиньке на память. Тоня». Эту фотографию я показал маме, но в подробности она не вдавалась. Ее радость была в том, что я жив, нахожусь дома, а война, по-всему, идет к концу.

Вернулся я в Каргополь уже в марте. Теперь все вечера я проводил в Тониной маленькой комнате, где она жила. Там были только кровать, комод, на котором стояло зеркало, небольшой столик у окна и печь, которую мы по вечерам вместе топили. Я сделал предложение. Я теперь понимаю, что у Тони был нелегкий выбор. Я, по существу, без профессии, образование - 10 классов. Остаться в армии - туманно, так как мне дали ограничение 2 степени. Ехать в Харьков - как там будет? Да и сторона совершенно незнакомая. Для северян Украина - что-то заоблачное, непривычное. Я думаю, что у нее были разговоры с Александрой Ивановной Тарасовой, которая заменила ей мать (Тониной мамы в тому времени уже не было в живых). Как они проходили, что ей советовала Александра Ивановна, как принималось решение?

Но моя неистребимая любовь, преданность и то чувство, которое зародилось в ней самой, все победили. 7 апреля 1945 года мы сыграли свадьбу. Каргополь в этот день был завален снегом, дорожки были пробиты в сугробах. Полковник Тарасов предложил нам свои выездные парадные сани. Но Тоня предпочла обойтись без этого, и мы отправились в Каргопольский РайЗАГС пешком. Александра Ивановна подарила Тоне серебро (кулон, медальон, ложечки), полковник Тарасов распорядился выписать со склада спирт и сухие продукты в счет нашего пайка (благо, Тоня в столовой снимала пробу). В военторге я купил дюжину бутылок шампанского (ничего другого там и не было).

И вечером был пир. На нем только мы с Тоней были трезвыми.

Мы соединили Тонину комнатку с соседней проходной. Накрыли столы простынями. Были мои соседи по комнате - лейтенант Яша Курочкин (кстати, командир моего взвода, когда я был курсантом и у которого я был помкомвзвода), ст. лейтенант Глеб Леске - зам. нач. штаба училища. С этими двумя товарищами я делил жилье в своем уже холостяцком прошлом. Вся Тонина санслужба во главе с майором Козетинским. Было начальство, Александра Ивановна. Полковник Тарасов - поздравил, но пировать не остался. Разошлись далеко за полночь. Юрка Кононов появился опять, весь в снегу, без шинели и шапки. Пришлось идти вместе с ним и разыскивать в сугробах его армейское добро. Так что выпили и погуляли все добре. Только я не мог по случаю торжества момента и от переполюнявивших меня чувств, да и болезнь не давала. А Тоня и в дальнейшей жизни могла

только пригубить.

На другой день мы отправили в Харьков свое письмо, в котором доложили моим родным о совершившемся в нашей жизни событии.

В ответ недели через две - три получили от мамы письмо с заплаканным листом, где она нам пожелала добра. Настолько все это было неожиданным для моей мамы, что она не смогла сдержать слез. Она ведь тоже понимала, что мне еще учиться надо, становиться на ноги...

Но, как оказалось потом, принципа, который исповедовала моя мама - «что ни делается, все к лучшему» - и здесь сработал. Вся наша жизнь с моей Рыбонькой - тому пример. Закончилась война. В августе 1945 г. училище было расформировано. Мы с Тоней оказались на курсах усовершенствования офицеров в Вологде. Тоня была в положении и ждала демобилизации. На курсы приехал Глеб Лемке, который уже служил в штабе Беломорского военного округа - оформлять демобилизацию офицеров курсов, которые подлежали увольнению. Посидели, выпили, вспомнил. Глеб, узнав о моем ограничении годности к службе (по существу, инвалидности в гражданском понимании), предложил включить меня в общий список, так как перспектив службы в армии у меня не было. Действо совершилось, и приказ на меня пришел даже раньше, чем на Тоню. Генерал Замировский - начальник курсов, при котором я был в качестве адъютанта, был несказанно удивлен, так как документы на мое увольнение в штабе курсов не оформлялись. Но поезд уже ушел.

Я написал родным и в ответ получил добро на переезд

в Харків.

С декабря 1945 года и по август 1950 г. мы жили с Тоней в моей семье в Харькове. Две комнаты + кухня и нас семеро: мама, папа, сестра Неля и бабушка Пелагея Фоминична, Тоня, я и 20 марта 1946 года родилась Ирочка - «пуцянька», как ее сразу назвал мой папа, ставшая всеобщей любимицей. Нужно сказать, что мою Тоню полюбили и папа, и мама - за ее тактичность, доброту, безотказность и отсутствие всяких капризов. Мама осталась в доме хозяйкой - в жизни она была лидер - Тоня с удовольствием ей помогала, выполняла все ее указания и без принуждения ей подчинялась. Жили они душа в душу. Мама относилась к Тоне даже лучше, чем к Неле.

Но жить в такой скученности было, конечно, трудно. Поэтому, защитив диплом в июне 1950 года и получив как сталинский стипендиат направление в аспирантуру при институте, я, все же, предпочел взять имеющуюся вакансию в Крым, где в облотделе архитектуры в Симферополе получил назначение в Керчь.

Хочу напомнить тем, кто прочтет эти строки, что на 7 апреля - день нашей свадьбы - приходится большой православный праздник Благовещение Божьей Матери. Так получилось.

### **14 листопада 2003 р.**

Сьогодні минає 105 років з дня народження мого батька - Михайла Андрійовича Усика (14 листопада 1898 р.). Від нього до мене перейшла, мабуть, та безмірна любов до батьківщини - рідної України, рідної мови, всього українсь-

кого. Не дожив він до цих днів. А хто з нас плекав надію на одержання державності в умовах того ладу, в якому жили. І думки не мали, що розвалиться ця жорстока імперія.

Побував у церкві, поставив свічку. Повинився перед батьком, що не зміг вчасно приїхати і попрощатися з ним, коли він був в останнє в лікарні. А він ждав... Не може цього собі простити...

### **4 января 2004 г.**

Твое последнее письмо, прямо скажу, меня расстроило.

Я не ожидал, что мое невинное замечание о том, что мои детские воспоминания будут тебе не интересны, вызовет такую нервную вспышку. И ты опять смешал все в одну кучу.

Мне кажется, что твоя предвзятость и твой субъективизм мешают разобраться во многих вопросах.

Моя позиция ясна: между Россией и Украиной никогда, видимо, не будет добрых отношений, основанных на взаимопонимании, дружбе, бескорыстии и - отсюда - доверии.

По этой причине я питаю глубокую антипатию к России.

Ты, наверное, слышал об опросе общественного мнения, проведенного в России в связи с островом Тузла. На вопрос: «Что для вас важнее: дружественные отношения с Украиной или остров Тузла» более 80% россиян ответило, что Тузла. Как ты это прокомментируешь? Причем, если для многих о. Тузла только географическое понятие, то для меня это часть прожитой жизни.

Когда меня в Керчи избрали зам. председателя горис-

полкома (1953 год), а затем председателем исполкома, этот остров вошел в сферу моей служебной деятельности. Он числился по адресу: г. Керчь, ул. Центральная. Я занимался устройством там начальной школы, маленького клубика, бытового обслуживания, благоустройством, подвозом топлива, торговлей. Всего этого после войны не было или было разрушено. Жили там в основном рыбаки (я оттуда привозил Тоне керченскую селедку №5 - такой теперь и не поймашь), часть населения работала в Керчи (мы организовали постоянное сообщение катером).

Во время путины (осенью и весной) в клубе давали пристанище рыболовецкой бригаде Темрюкского рыбколхоза (это дало право Краснодарскому губернатору Ткачеву заявить о том, что там, будто бы, постоянно размещался Темрюкский рыбколхоз).

В выборы в Советы я обязательно посещал Тузлу, он был закрепен за мной ГК партии. Ну и, конечно, много раз мы с друзьями ездили туда просто отдохнуть, покупаться, сварить рыбацкую уху. Тоня, правда, говорила, что «тех денег, что ты давал рыбакам, хватило бы дома на 10 таких рыбных супов».

И во теперь такой пассаж с этим островом.

Какой у меня, ты считаешь, осадок остался на душе после всех этих последних событий?

Ты знаешь эти известные в России фамилии: Жириновский, Рогозин, Затулин, Лужков (любитель Крыма). Тебе они ничего не говорят, если всерьез думать, как же дальше строить свои отношения с Россией?

Ты пишешь в Кравчуке и Кучме. Я их, кстати, тоже не

люблю, но по другой, видимо, причине.

На совести Кравчука лежит сдача России Черноморского флота (он, как и армейские части, оставшиеся в Украине после развала империи, должен был перейти нам) и создание на территории Крыма русской автономии, что при наличии метрополии просто нонсенс. А Кучма на протяжении своего президентства постоянно и методически сдает России одну позицию за другой. И каждый раз нам, дуракам, объясняет, как это будет выгодно для Украины. Последнее - совместное в Россией использование Керченского пролива.

Так что шампанское, о котором ты почему-то с ревностью вспомнил, пошло не впрок. Вообще, этот альянс Кучма - Медведчук - Пинчук - Суркис, а теперь и примкнувший к ним Симоненко (истинно, что эта партия всегда была проституткой и продавалась, когда это было выгодно, кому угодно: вспомни, приезд Ленина за германские деньги в Россию). Это по вопросу о моей любви. И, видимо, ответ на вопрос о моей нелюбви к теперешним коммунистам.

Вот такие дела, Юрочка.

Я, как видишь, законченный патриот Украины и таким и останусь. И я преклоняюсь перед теми людьми, которые во благо Украины положили свои головы или гнили сотнями тысяч в сталинских лагерях, как националисты, а, значит, - враги народа. Честь им и слава!

И последнее. У тебя, как я понял твое не очень разборчивое письмо, мама -украинка? Ты ее, к тому же, назван оскорбительным для ее памяти словом «хохлушка». В связи с этим мне очень жаль тебя.

Остаюсь ваш Аркадий.

**Р. S.** Юрочка, для общего спокойствия нужно, мне кажется, прекратить полемизировать на эти темы. Не трогай эти вопросы, успокойся, все будет, как положено, так как объективный ход истории мы нашими эмоциями не изменим.

И, не сердись, но пиши мне письма на «великом и могучем», так будет порядочнее.

В конце марта я должен быть в Харькове (годовщины). Встретимся. Живу один, со всем пока справляюсь в смысле быта, но очень тоскую.

**(Письмо Ю. В. Гурову).**

**29 мая 2004 г.**

Сегодня мне исполнилось 83 года. Годы, прямо скажу, нешуточные и воспринимаемые мною как некий неожиданный подарок судьбы и моего ангела-хранителя. Второй день рождения я встречаю без моей Рыбоньки. Я понимаю, что организм человеческий не обладает бесконечными возможностями и всему приходит конец, но потерять любимого человека в моем возрасте это - трагедия. Человека, который стал твоим настолько, как это бывает у сросшихся при рождении близнецов...

Вчера, как подарок ко дню рож-

дения, три мои пастели («Слагирка. Графская Пристань», «Симферопол. Парк» и «Аю-Даг в апреле») республиканская отборочная комиссия нац. Союза художников Украины приняла для экспонирования на выставке крымских художников, которая будет открыта в Доме художника.

Никогда не пытался и не думал участвовать в выставке профессиональных художников. Это - мой первый опыт. Хотя выставлялся и раньше (к своим юбилейным датам), но то был другой уровень.

Каждый раз, когда теперь происходит что-то неординарное, думаю, что это, видимо, уже последний раз. Эти мысли приходят по разным, совершенно различным по содержанию, поводам.



Анечка передала с okazji тортик. Мальчик мой Димочка позвонил из Мюнхенал. Передал поздравления от жены Алены и правнучка Давида, которому сегодня исполнилось два месяца и 4 дня. Так что теперь у меня два правнучка - Артур и Давид. Смена растет, дай им Бог здоровья.

Теперь я уже молю Бога, чтобы все было хорошо у Ани с Сережей и Димы с семьей. Переживаю за них и по пустякам, но ничего поделаться с собой не могу - слишком они мне дороги и очень я их люблю.





**2 сентября 2004 г.**

Почти месяц прошел, как я вернулся домой из поездки, которую никогда не планировал, хотя мысли о ней иногда возникали. Я побывал у Димы в Мюнхене»

А началось с того, что где-то в мае месяце Дима в телефонном разговоре спросил: «А не хочешь ли ты, дедуля, ко мне приехать?».

И хотя это было совершенно неожиданно, я тут же ответил, что «да, хочу». Уже потом, когда подумал и осознал все сложности, почти пожалел о своем поспешном согласии.

Но машина уже завертелась. Загранпаспорт дали мне почти без труда. Министр архитектуры В. Г. Кравченко позвонил зам. начальника ГУ МВД Украины в Крыму В. Е. Малахову, тот - в ОВИР Ярошу П. Г. и через пару дней прямо в кабинете Яроша мне выдали загранпаспорт.

Теперь предстояла виза. Из того, что я узнал, следовало,

что визу можно получить, при всех благоприятных обстоятельства, только после двух - минимум - поездок в Киев в германское консульство (первая - прием документов и собеседование, вторая - в заранее назначенный день - за получением результата - «да» или «нет».

Я пытался найти посредника. Мне дали киевский телефон, я переговорил и послал копию Диминого приглашения и загранпаспорта. Но на другой день, после ознакомления с моими ксерокопиями, переданными факсом, милая женщина маклер заявила, что не берется за мое дело, так как возраст у меня очень уж преклонный.

И я решил ехать сам, другого пути не было.

В Киев я приехал утренним поездом в седьмом часу утра, поэтому в консульстве (это недалеко от вокзала) я уже был около восьми.

Это дало мен возможность первому зайти в консульство (как инвалида войны, меня распорядитель пропустил без очереди). Сдал документы и получил талончик на 11.00 на собеседование.

Десяток окошек. Я опять первым подхожу, молоденькая девушка спрашивает: „Якою мовою будемо спілкуватися: українською, російською чи німецькою?“. Я машинально отвечаю, что «українською». Рас просила куда, к кому, зачем я еду, уточнила даже имя правнука. А в завершении разговора спрашивает, когда я смогу приехать за визой. Ну, думаю, все. Я начинаю объяснять, что второй раз приехать я просто не смогу. Она терпеливо выслушивает и говорит, что сразу визу не дают, рассматривает по каждой кандидатуре консул, что обращаться к нему и просить нарушить принятый поря-



док им запрещено. Я уже в отчаянии достаю свою визитку («Заслуженный архитектор Украина, лауреат...») и прошу сделать исключение. И моя девушка, дай ей Бог, здоровья, изучив мою визитку, говорит, что она рискнет и обратится прямо к консулу, а мне нужно прийти сегодня: «О третій годині». Я спрашиваю: «Коли, коли? В три години дня?». Она меня поправляет - «О третій годині» (я потом вспомнил, что по-украински будет на «в три», а «о третій».

И вот «о третій годині» я получил на руки паспорт с визой. Девушка сама была рада этому событию, поздравила меня и пожелала добра. А я ей выразил свою глубочайшую благодарность.

Билет мне Дима (туда и обратно) взял через Москву (заказал прямо по Интернету).

И вот 22 июля уже поздно вечером мой Мальчик встречал меня в Мюнхенском аэропорту.

Две недели в гостях у моего внучонка пролетели как два дня (улетел я обратно 5 августа). Дима постарался мне уделить максимум внимания, даже взял отпуск. Намотали мы с ним на машине 1000 км.

В самом Мюнхене все более или менее значимые места: центр города - Marienplatz, пивной бар, где Гитлер собирал своих «прихильників» (большое двухэтажное здание, с громадными залами, столы и лавки - толстые дубовые, и сегодня заполнено любителями пива, внутри душно), остатки старинных въездных ворот. Древний рынок (и сейчас работает). Были в старой и новой пинакотекках - незабываемое общение с работами Микеланджело, Рубенса, Рафаэля, Тициана, Дюрера, Леонардо да Винчи, старых немецких фламандских, французских мастеров. Парки Мюнхена. Кладбище, где похоронен Степан Бандера. Олимпийский стадион. Подымались на телевизионную вышку (более 300 м). Ездили в резиденцию баварских королей (загородную).

Несколько вечерних прогулок с Димой в Мюнхенских парках. Такие прогулки располагают к доверительным беседам. Я много рассказал моему Мальчику о себе, моей жизни, моей Рыбоньке.





Ездили в Альпы, правда, подняться на самую вершину не пришлось, хотя и хотели: уже на высоте 1000 м мне плохо дышалось при ходьбе, да и цена кусалась - 46 евро с человека. Были проездом в Гармишпаркирхене (вспомнил, что здесь проходили зимние олимпийские игры). Ездили в древний Аугсбург (к сожалению, фотографии, сделанные в этом городе, не получились: плохо зарядил аппарат - не подавалась пленка, а я не проследил и продолжал «щелкать»)

Ну и, конечно, и в первую очередь, - познакомился с моим вторым правнучком Давидом (ему при мне 25 августа исполнилось 4 месяца) и его мамой Аленой - умной, инициативной и симпатичной женщиной, которая уделяла мне возможное внимание. И ее родителями - Клавой и Валерием. Она - украинка, он - еврей. Химик по профессии, работал в НИИ, с распадом Союза развалились и многие институты. Он эмигрировал в Германию с семьей. Его слова: «Создали здесь сами себе гетто и живем, никому не нужные». Германия обеспечивает эти семьи всем: высокое пособие, оплачивается квартира и лечение, при желании можно работать. Но Валерий прав в том, что интегрироваться в немецкое общество почти невозможно. Немцы, по-видимому, держат дистанцию.

Семья же - изумительная. Мы почти ежедневно бывали у них. Клава - исключительная хозяйка и непревзойденный кулинар и кондитер.

Закормила меня совсем. Милейшая и добрейшая женщина, к которой я проникся искренней симпатией. И Валерий подстать ей: приветливый, доброжелательный человек. Мы с ним вдвоем совершили несколько прогулок по старо-

му Мюнхену.

Ну а правнучек - особая статья. Он уже узнавал меня, улыбался, с удовольствием шее «на ручки», хотя еще и не умеет изображать свои эмоции. Мог уже сосредотачиваться и, хотя не совсем уверенно, схватывать протянутый палец. Пишу это в прошедшем времени. Так как в этом месяце ему уже должно быть полгода, а это уже совсем другое «качество»: человек в его возрасте совершенствуется в каждом днем.

Обратно я летел также с пересадкой в Москве. И «столица нашей Родины» оставила неприятный осадок.



Прилетел я в Шереметьево-2, а улетать в Симферополь должен был из Шереметьево-1. Это - одно и то же летное поле, но аэровокзалы на противоположных сторонах, т. е. нужно переезжать на автобусе.

С тяжелой сумкой я рысью пошел искать транзитное справочное.

Там мне сказали, что автобус (бесплатный для транзитников) будет только минут через 40, а до отлета оставалось полтора часа, т.е. время подпирало. Пока я соображал, что к чему, мой саквояж подхватил здоровенный дядько и со словами: «Вы опоздаете, если будете ждать автобус» попер

меня из здания. Я за ним, но все же спрашиваю, сколько это будет стоить. Он молча доташил до своего жигуленка, а там объявил, что мое путешествие будет стоить «всего» 50 долларов. Я опешил: «Ты что, с ума сошел?». Чтобы понять наглость этого человека, нужно сказать, что весь переезд продолжается около десяти минут. Я ему предложил сто российских рублей, которые у меня были (правда, в «загашнике» у меня были еще 25 евро), но он и слушать не захотел. До остановки автобуса оставалось всего метров 150. Там я перевел дух и спросил у молодого парня, туда ли я пришел. Он, плохо объясняясь по-русски, подтвердил, что «туда» и что он сам переезжает в Ше-



ремельево-1, так как у него пересадка на самолет, летящий в Среднюю Азию (в Узбекистан? - я толком не разобрал). И сказал, что кроме бесплатно транзитного, здесь еще бегают маршрутка, берущая всего 25 рублей. Когда я ему рассказал, что с меня хотели слупить 50\$, т. е. 1500 рублей (вместо 25), он сокрушенно покачал головой.

И этот же «узбек» выложил шоферу подошедшей маршрутки 50рублей, сказав, что платит и за меня, категорически отказавшись брать с меня деньги и, называя меня «дедушкой» донес мой груз до здания аэропорта, пожелав доброго пути.

Вот такие дела. А мы еще пускаем слезу, когда узнаем, что русские вынуждены бежать из бывших среднеазиатских

советских республик, так как к ним там «плохо относятся».

### **06 сентября 2004 г.**

Что мне бросилось в глаза в Германии, в частности, в Мюнхене, а некоторые вещи просто поразили.

Первое. Простота, даже аскетичность архитектуры, как старинной, так и современной. Здания старой постройки лишены архитектурного декора, присутствует только карниз. То же - и более поздние постройки. Жилые дома (особнячки), в основном, двухэтажные, простой конфигурации (параллелепипед), нет стремления создать игру объемов, как у нас пытаются в новых постройках. Подчеркнутый практицизм,

присущий немцам во всем. Декор только по необходимости - функциональной. В исторической части Мюнхена новостройки - многоэтажные - настолько упрощены, что на плоской стене присутствуют только четко размещенные окна и все! (Новостройки Мюнхенского политехнического института). В центре города есть здания, где архитектурный декор в стиле ренессанса просто нарисован на фасаде (пилястры с капителями, сандрики, горизонтальные тяги и др.). Барокко, судя по всему, почти не коснулось Германии.

Второе. Высочайшая степень благоустройства внутриквартальных территорий. Между домами - сплошные поляны газонов с декоративными посадками, которые систематически поливаются и стригутся. Жилой дом, в



котором живет Дима, расположен в жилом районе Мюнхена, и, находясь на балконе (4 этаж), вы ощущаете свежесть воздуха и опьяняющие запахи стриженной травы.

Третье. Все городские магистрали оборудованы велосипедными дорожками. Проезжая часть имеет долговременную и стойкую разметку, все перекрестки - светофоры. На велосипедах - и стар, и млад.

Четвертое. В метро нет контролеров и турникетов. Но у людей нет даже попыток проехать «зайцем». То же в автобусах. Хотя проезд в метро, по нашим меркам, не дешев: 4,5 евро разовый билет (1 - евро = 6,4 грн.).

Пятое. Простота одежды. Люди, едущие в метро, одеты проще и «беднее», чем у нас.

Шестое. То, что автомобили на ночь паркуются у домов, мы уже начинаем привыкать. Правда, у нас их угоняют и - часто. Но немцы паркуют у домов не только автомобили. Они не затаскивают в дом и велосипеда, детские коляски. Все это оставляется у подъездов, где оборудованы площадки с гнездами для колес. Димины детская коляска - для Давида - тоже круглые сутки остается на этой же площадке у их дома. И автомобиль тоже, в ряду десятков других, стоит на прилегающей к дому улице Thargastr.



# ВОСПОМИНАНИЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДНЕВНИК

ТЕТРАДЬВТОРАЯ  
(январь 2005 — август 2010)

**14 січня 2005 року**

Днями у мене відбулася телефонна розмова з головним редактором «Кримської світлиці» В.В.Качулою. Поздоровивши пана Віктора з Новим роком та Різдвом Христовим, я висловив задоволення з приводу того, що часопис почав друкувати розповідь про Степана Бандеру. При цьому нагадав, що влітку побував на могилі Бандери, і в мене є фото цього дійства. Пан Віктор аж підхопився: «Де ці фото, давайте їх, напишіть про це». Я фото пообіцяв, сказавши, що літературна версія події може бути і за газетою. Але другого дня, подумавши, вирішив, що зроблю все сам, тобто, і фото, і розповідь.

Що з цього вийшло — дивись вставку вирізки з газети.

«Кр.світлиця» №3(1146-1147) від 14 січня 2005р

16.01.05

Сейчас состоялся неприятный разговор с Аней.

Сват Илья тяжело болен. Его детище — институт, который он создал, завоевал ему авторитет, остается без руля. И без наследства? Как мне сказали, в нем он имеет более 50% акций. Таким образом, наследники есть, но в какой роли?

Недавно Илья сделал Сережу своим заместителем. Понятно его желание: дать сыну окрепнуть в роли зам.директора института, войти в курс дела, а затем возглавить это производство и двигать его дальше.

Но , как Аня мне на днях сообщила, они с Сережей ждут разрешения на ПМЖ в Германии . И собираются сразу туда ехать и оформлять там все свои дела.

Доживать там свой век?

Но ведь Сереже только 53, а Ане — 52!

Самый возраст для Сережи работать в новой роли. Продолжить начатое отцом дело, развивать его. А затем передать уже «на ходу» и Диме.

Из моей поездки в Мюнхен, из разговоров с Димой, его тестем Валерием, я твердо уяснил, что прижиться в Германии, стать там своими нашим почти невозможно. Чужая страна, чужие люди, нравы — все другое. Чтобы зацепиться, нужно иметь свое дело. Иметь его у Димы почти нет перспектив. Мальчик трудолюбивый, ответственный, добросовестный. Но его работа — это труд рядового исполнителя. Его положение в конторе почти не зависит от него самого, даже при самом добросовестном исполнении своих служебных обязанностей. Каждое уменьшение заказов, объемов работ сразу же сказывается на его зарплате. И это уже бывало. И



потом: можно ли на равных конкурировать нашему человеку в немецком коллективе?

То есть, твердого, устойчивого положения в этом обществе Дима пока не завоевал.

И вот такие безрассудные, я уверен, действия в этой ситуации его родителей.

Теперь мы живем уже в другом государстве. Украина сегодня не та, что десять лет тому назад. Тогда люди были вынуждены уезжать отсюда: нет работы, нет достойной зарплаты, пенсии, жить трудно, многим невозможно.

Что из этого применимо сегодня к Сереже и Ане?

А если завтра, не дай Бог, Дима останется там без работы? И в Харькове все брошено!

Аня говорит: «Мы поедем, там все оформим и вернемся».

Как поедем? А институт? Кому нужен такой директор, который уехал куда-то что-то оформлять? И не понятно, где же он живет?

Почему мы, имея все под руками: жилье, налаженное дело, возможность трудиться и создавать себе полнейшее благополучие, едем в чужую страну, по существу, побиравшись, как нищие?

27 марта 2005

ПАРТЕНИТ.

Сегодня минуло два года, как ушла навечно моя Рыбонька.

Время просто летит...

Все это было, как вчера.

Сейчас только звонила Анечка. Была с Сережей на кладбище, убрали все, положили цветы. Вчера же звонил Дима из Мюнхена. 25 марта Давиду — моему второму правнучку, исполнился годик.

Господи, как все сошлось в этом весеннем месяце-марте! И Ирочка родилась и ушла в марте, и Тоня родилась и ушла в марте. Взамен бабушки-прабабушки появился в марте Димин сыночек.

Дай ему Бог здоровья!

А я вот уже две недели живу-отдыхаю в санатории Минобороны “Крым” в Партените.

14 июня 2005

Несколько знаменательных и важных событий произошло в этом мае.

21 мая я встречал на вокзале Аню с Сережей и — вместе с ними — Артурчика. Поезд пришел рано — в 6,30 утра. Но мой правнучек, вслед за бабушкой и дедушкой, с радостной улыбкой еще из вагона высмотрел-увидел меня, чем несказанно обрадовал. Бросился мне на шею, непосредственно и естественно. Мальчик такой же живой, как и раньше, но больше сосредоточенный. Слушает внимательно, как и его папа, хотя во время разговора может делать что-то свое. Замечает и реагирует на сказанное очень остро.

— Почему ты говоришь о себе в третьем лице? Меня поразила эта фраза, дословно приведенная мною, ведь сказа-

но было именно “в третьем лице”, а он же в школе русский язык не изучает?

Потом я как-то забыл об этом, и опять сказал о себе: “Кадя то-то и то-то”.

— Говори “Я”, — Артур произнес это даже с нападением.

Опять обследовал все ящики и полки в серванте, письменном столе. Но ничего не разбрасывал, все аккуратно возвращал на место. С интересом рассматривал свои фотографии, которые мне периодически присылает Дима, — их он раньше не видел.

Спросил, когда я родился. Тут же подсчитал, сколько мне лет.

— Что тебе нарисовать на день рождения? Я ему напомнил о своей профессии. Сразу загорелся, попросил бумагу, карандаши, затем — краски. Быстро изобразил какое-то здание башенного типа на фоне ночного неба, все в огнях. Я спросил: «Что это?» Он ответил: «Эмпайр-Билдинг» (самое высокое, в свое время, здание в мире). Откуда он знает о таком сооружении?

Его рисунок с надписью (писал он сам, но по моему тексту) - в альбоме, пусть будет память.

Внимательно рассматривал все рисунки, развешанные по стенам. Спрашивал, если что-то не понимал. Знаменательное внимание! Ведь многие взрослые, проходящие в мой дом, часто не обращают внимания на картины. У мальчика вкус и художественное чутье.

Сережа сказал, что Артура дома, в Имендингене, Вита-

мама куда-то определила, что-то связанное с рисованием. Жаль, не расспросил его самого.

Подарил ему книгу “Мои архитектурные университеты” (уже в Харькове отдал ее Вите с просьбой сохранить, как память о прабабушке Тоне и прадедушке Каде).

Попросил прочесть заглавие: читает по складам (опять русский?). Но, думаю, подрастет, освоит и русские тексты.

Два дня и ночь гости были у меня. Затем уехали в Ялту: у Сережи был там семинар. На обратном пути заехали за мной, и мы все вместе уехали в Харьков.

28мая принял участие во встрече с однокурсниками по ХИСИ, посвященной 55-летию окончания института. Сначала в самом институте (теперь — университете), затем в Доме архитектора.

Трогательное, но и печальное зрелище: глубокие старики (самому молодому, поступившему в ХИСИ после 8-го класса и подготовительных курсов в 1945г., теперь 75 лет). Некоторые совершенно немощные. Собрались вместе с коллегами с ПГС, окончившими ХИСИ в том же 1950году. И именно строители вспомнили по ходу встречи моего отца. Ведь он всем нам преподавал курс “Экономика строительства”. Один из них, которого я совершенно не помню, сказал даже, что до сих пор хранит конспект лекций отца. Рад за папу. Он достоин тех теплых слов, которые были высказаны в его адрес. Пожалуй, лучшего лектора, чем он, в годы моей учебы, в институте не было.

Были на даче в Научном. Молодец Сережа: старый дом превратил внутри в прекрасные помещения: кухню и

гостевую комнату будущего (надеюсь, построят) дома, проект которого я им уже сделал. Особенно замечательна лестница на второй этаж. С улицы возвели забор и ворота — фигурная кирпичная кладка тоже заслуживает внимания.

Но особенно важно чувство хозяев, которое появилось и у Сережи, и у Ани. Сережа в строительных заботах. Аня с удовольствием и подолгу возится в саду: высадила и ухаживает за смородиной, розами. Радуетса каждому новому росточку, бутончику, поливает. Дай им Бог! Уже сами с удовольствием едут в Научный и гостей туда везут.

28 июня 2006года

Письмо Ю.В.Чурову

Дорогой Юра!

Спасибо за поздравление с юбилеем, «запоздалое», как ты написал. Ты, по моим наблюдениям, не очень любишь (или забываешь?) поздравлять друзей с датами и событиями, хотя сам не прочь получать знаки внимания от других.

Письмо твое принесли мне в больницу. Была операция грыжи (в моем-то возрасте), но все обошлось. 20 июня меня оперировали, а на четвертый день я уже был дома. Аня меня первые дни обхаживала, всего наготовила впрок, и теперь я «реабилитируюсь» уже самостоятельно.

Сам юбилей (85-летие) прошел так, по- моему, пышно, что я этого и не ожидал. 27 мая — получасовое интервью по крымскому радио. 28мая — такое же интервью по крымскому телевидению. 29 мая — чествование в Совмине Кры-

ма (в зале министерства архитектуры и строительной политики). Надарили машину подарков и цветов, в том числе плазменный телевизор и микроволновую печь. Телеграммы и грамоты из Киева. Даже из Харькова ваш Чечельницкий прислал поздравление. Писали крымские газеты (часть я тебе посылаю, может пригодятся для очередного альманаха — пора это делать и по нашим юбилеям).

В Совмине был фуршет. Домой ко мне пришли мои ученики - архитекторы, с которыми я работал в институте. Моя доченька - Анечка, которая была за хозяйку, постаралась, чтобы все было как положено.

Подготовлен очерк с фотографиями моих работ в художественно-литературном журнале «Брега Тавриды», который должен выйти в июле.

В зале, где было чествование, я устроил выставку своих акварелей, пастелей и рисунков.

Да, забыл, 29 мая из Харькова позвонили Алина Глебова и Толя Нестеренко. Толька, бедный, в разговоре даже прослезился.

Я был тронут всем этим и бесконечно благодарен людям, которые меня не забыли, чтут и так высоко оценили мой, скажем, скромный жизненный путь.

Жаль, что моя Тоня не дожила до этого дня.

Жаль мне и наших друзей-однокурсников, уже ушедших, о которых ты мне написал.

К сожалению, этот процесс теперь пойдет, очевидно, с ускорением. У всех наступает «критический» возраст.

И еще. Вы часто собираетесь: ты, Лара, Нина Фурма-

нова, Лара Соколовская, Алина Глебова. Да и Вика Лившиц, Света Гапанович рядом. Не забывайте друг о друге! Вот ему-то (имярек) скоро стукнет столько-то. Это же дата (80 или 85)! Сделаем то-то и то-то. Особенно, если юбиляр далеко, не в Харькове.

Эх, ребята, ребята!

Ну, ничего, Бог простит!

Остаюсь. Ваш Аркадий.

27.10.2006г.

Письмо директору Керченской городской библиотеки им. Белинского Л.Я. ПОПОВОЙ.

Уважаемая Людмила Яковлевна!

Как и обещал в разговоре с Вами, посылаю по два экземпляра моих книжек. Книги эти субъективны. Как и всякие автобиографические творения, они отражают точку зрения автора на противоречивые события, которые происходят в настоящее время в Украине и, особенно, в Крыму. И Керчь не стоит в стороне от этого. Поэтому, заранее прошу прощения у будущих читателей, если мои высказывания и суждения им не понравятся или не совпадут с их оценкам и желаниями.

Это связано с тем, что родился я на полтавской земле, первое слово, которое я услышал, было украинским.

В моей семье (мама — учительница математики, отец

— доцент, кандидат экономических наук) говорили по-украински. Я впитал с материнским молоком любовь к своей земле, своей родине, к моему родному языку. Поэтому, в некоторых оценках я бываю излишне категоричен (сам это чувствую), но это, скорее всего, — защитная реакция на ту нетерпимость, а часто и злобу, которая проявляются в Крыму и провоцируются определенными кругами по отношению к Украине и украинцам. Как, впрочем, и к крымским татарам.

Я хочу, чтобы эти противоестественные межнациональные свары, наконец, прекратились.

Мы живем на одной земле, в общем доме, который называется Крым. От этого никуда не уйти, с этим нужно мириться. Я глубоко убежден, что все происходящее в Крыму на межнациональной почве не имеет под собой основы, многое — наносное, импульсивное, искусственно раздуваемое и поддерживаемое. Вся эта пена сойдет. С ростом экономического благосостояния улягутся страсти, утихнет и войдет в нормальное русло эта дикая политическая борьба. Как это случилось, кстати, в Прибалтике, где приличная, по европейским меркам, пенсия примирила и прибалтов с русскими, оставшимися там после развала Советского Союза, и оставила не у дел подобные нашим крымским союзы и общины.

Мое поколение всего этого уже не дождет. Но так будет, я в это верю.

Ну, а город мой, моя Керчь?

Как вы сами почувствовали из моего рассказа, это — моя любовь.

А какие люди были вокруг!

Я всех помню по именам, по фамилиям, тех, кто был рядом, с кем я вместе работал:

— Завгородний Евгений Иович — председатель горисполкома, у которого я был заместителем;

— Ашеров Абрам Моисеевич — зампредгорисполкома;

— Голяева Ольга Георгиевна — секретарь горкома комсомола, при мне — директор швейной фабрики (жена АшEROVA);

— Киселев Владимир Филиппович — начальник Керченского ГОВД;

— Русинов Михаил Васильевич — первый секретарь горкома партии;

— Катков Николай Никитич — первый секретарь горкома партии;

— Дудник Александр Игнатьевич — зампредгорисполкома;

— Попов Михаил Афанасьевич — председатель Кировского райисполкома Керчи;

— Ревкин Михаил Васильевич — секретарь Кировского райкома партии, то есть, собственно Керчи, с которым я трудился председателем Кировского райисполкома, а затем был переведен в обlisполком;

— Дмитриев Дмитрий Иванович — директор треста «Очистка»;

— Лаздын Николай Петрович — начальник ремонтноуправления;

— Читанава Григорий Антонович — директор судоре-

монтного завода, член «моего» исполкома;

— Смородин Григорий Иванович — первый секретарь горкома партии;

— Попов Владимир Николаевич — главный архитектор Керчи;

— Злобин Сергей Петрович — зав. горкоммунхозом;

— Лемехов Алексей Иванович — начальник горводоканала.

Все они уже ушли от нас, ведь были старше меня по возрасту, а память моя хранит их имена

и их облик.

Вообще, Керчь считалась рабочим городом (металлургов и рыбаков), и на фоне чиновничьего Симферополя была резким контрастом и по ментальности, и по простоте отношений, демократичности, что ли.

И керчане, в массе своей, были добрее, спокойнее, дружелюбнее, сострадательнее и моральнее, чем жители столицы Крыма. Как теперь — не знаю.

Сам город, с его новой панельной застройкой, мне, как архитектору, стал более чужд. Теряется его средневековая прелесть, эта ампириная среда зданий XVII — XIX веков тонет в новых постройках, чуждых ей. Еще в 50 годах XX столетия я мог бродить по митридатским улочкам, любоваться остатками храма Тезея на самой горе, ощущать лирику и спокойствие белокаменных построек, уютных дворишков и приветливых людей в них. Все, что спускалось уступами и полукружьями от Митридата вниз, было таким. А рынок

ниже к морю от церкви Иоанна Предтечи у Генуэзского мола? Я еще застал неисчислимое разнообразие продуктов моря на прилавках, название которым не знают наши потомки (селява, барабуля, керченская селедка №5 — ведь она шла по номерам). А чем торговала Кубань? Не было тогда паромов, но кубанское вино (оптом, на розлив — как хочешь!) виноградное, сухое, без спирта, но терпкое и пьянящее. Особенно молодое. Кубанские фрукты, овощи, арбузы, дыни, виноград заполняли ряды. Стоило все копейки. Моя зарплата председателя исполкома по тем деньгам (1958г.) была 1800 рублей. Кучка бычков (они шли почему-то не на вес, а на кучки), которых хватало на день на мою семью (четверо — двое детей), стоила один рубль. Ломились мясные лабазы. Война вынудила дать небольшую слабину народу, поубавился жесточайший контроль за попытками «капитализации», и по Митридату бродили овцы, козы и даже коровы, по дворам в сарайчиках откармливались поросята. (Помню рождественский стол у Д.И. Дмитриева, ломившийся от вкуснятины и свежатины). Везли этот необходимый продукт и с Кубани. Что могут люди, если дать волю их инициативе?!

Но еще при мне — конец 50-годов — была дана команда «ату», и пошли по дворам комиссии из санинспекции и милиции, заработали партийные бюро (посыпались взыскания, а, при рецидивах, — исключение из партии), — и все пришло за год-два в обычную советскую норму: сплошной дефицит, очереди, «из подполья» и «по блату».

Эх, родное ты мое советское государство!

Как же ты не любило свой народ, не доверяло ему,

давило, душило его, брало все на себя и по производству, и по распределению, а в результате — «пшик».

А так не может быть, это все противостоит: считать и производить по расчету спички, иголки и штаны, а затем распределять их сверху, доводить «планы», а затем добиваться их выполнения, что порождало повсеместное очковитительство и обман. И, как следствие, отсутствие всего самого необходимого.

Перечел написанное и понял, что нужны некоторые уточнения. В перечне людей и должностей повторяются на одной и той же работе разные люди. Так оно и было.

Е.И. Завгородний — мой первый председатель горисполкома, и он сосватал меня в 1953г. на должность своего заместителя. Интересный был человек — самородок, достойный всяческого уважения. Образование — коммерческое училище еще до революции.

Были поездки в Москву (Крым тогда был в РСФСР), он брал меня с собой. Вечером в гостинице садились «на телефон» (госучреждения — начальство — работали и по вечерам), он давал мне трубку и говорил: «Представляйся Завгородним и договаривайся на завтра. У тебя это лучше получается».

Посещали мы, в основном, министров, их замов и главы министерств. Вопросов и просьб было много, эффекта было мало — только окончилась война, везде дыры и прорухи.

Н.Н.Катков побыл первым секретарем горкома недолго. Но с ним в Москве мы «делали» постановление Со-

вмина РСФСР «О мерах помощи городскому хозяйству г. Керчи». Основным в этом постановлении получилось выделение городу двух 12-квартирных сборных щитовых домов. Всего!? И — все. Такая вышла «помощь» разрушенному войной городу. После многочисленных хождений, аудиенций и надежд. Дома мы получили. Стены сложили из камня-ракушечника (деревянные стеновые щиты использовали на другие нужды), а остальная начинка пошла по прямому назначению.

Николай Никитич плохо видел, был почти слеп. Это, видимо, было причиной того, что он с должности секретаря Куйбышевского обкома партии (во время войны) попал к нам. Хорошо знал лично всех министров, как союзных, так и республиканских (во время войны Куйбышев некоторое время был пристанищем союзных и российских центральных органов). Поэтому все вопросы по указанному постановлению были решены за неделю. Ходил он быстро, ориентировался на московских улицах прекрасно, только просил иногда: «Посмотри, что на вывеске написано».

Обедали мы в столовой ЦК. Первое посещение было примечательным. Пропусков у нас не было. Но Н.Н. на входе пошел прямо на сотрудников НКВД, пытавшихся его остановить, показал, не останавливаясь, какие-то корочки, и на ходу бросил, указывая на меня: «Это со мной».

В столовском меню у огромного перечня закусок и блюд не были указаны цены — бери, что хочешь, а итоговая плата «гамузом» была чисто символической.

Г.И. Смородин приехал в Керчь на смену переведен-

ному в Симферополь Н.Н. Каткову.

А предшественник Каткова М.В. Русинов покончил с собой прямо в здании горкома партии. Причина самоубийства мне неизвестна (я только приступил к работе в горисполкоме), но знаю, что Русинов крепко пил. Поездки в Симферополь на пленумы обкома и сессии облсовета заканчивались обычно посиделками в ресторане «Астория» (остатки этого здания до сих пор маячат рядом с новым зданием Верховной Рады Крыма). Домой ехали компаниями, хотя у каждого была своя машина. Первая остановка бывала, обычно, в Старом Крыму, там пересаживались в одну машину. Далее была Феодосия. Помню, однажды в феодосийском ресторане Русинов устроил разборки с опрокидыванием столов и стрельбой из пистолета (первые секретари и председатели исполкомов имели право на личное оружие). Скандал был большой, его с трудом, с помощью первого секретаря Феодосийского горкома, которым тогда был будущий председатель Крымского облисполкома Н.А. Моисеев, замяли. Но отголоски дошли до Симферополя, и у М.В. Русинова были большие неприятности.

Г.И. Смородин — добрейшей души человек и умница (с ним мы впоследствии вместе трудились в облисполкоме, он — начальником облместпрома, а я — начальником управления капстроительства). Он тоже страдал подобным недугом. Случалось, что уже в Керчи, после «симферопольского вояжа», мы с шофером с трудом доставляли его бречное тело в один из митридатских особнячков, где было жилище первого секретаря.



В те годы у Григория Ивановича был в Москве убит сын-студент, он это тяжело пережил и часто срывался.

М.В. Ревкин попал в Крым после окончания высшей партийной школы и в Керчи начал с должности первого секретаря Кировского райкома партии.

Керчь имела районное деление. Собственно город — Кировский район. Включенные в городскую черту рабочие поселки: завода им. Войкова — Сталинский район и Аршинцево (поселок железорудного комбината) — Орджоникидзевский район. Поселки были отдалены от города и жили своей жизнью и за свой кошт, то есть, за счет предприятий, их создавших.

С М.В. Ревкиным я начал трудиться с 1957 года, когда был избран председателем Кировского райисполкома, то есть, назначен, по существу, мэром города. Впоследствии мы встретились с Михаилом Васильевичем в Симферополе. Он проработал в Керчи уже первым секретарем горкома несколько лет, а затем был переведен на такую же должность в Симферополь. Прежние дружеские связи остались, и я, как мог, помогал городу: ведь в распоряжении начальника УКС'а облисполкома были немалые фондируемые ресурсы. Все это оформлялось законным путем и «по делу», иначе не могло быть. Да мы особо и не афишировали наши отношения, хотя встречи «просто так» или по случаю приезда наших керченских друзей, были и довольно теплые.

Где находятся истоки мужской дружбы?

Трудный вопрос. Но на моем жизненном пути мне пришлось сталкиваться со многими хорошими людьми. Мне

повезло? Может быть. Но мне кажется, что хороших людей в мире нашем все же гораздо больше, чем остальных. И, во многом, это зависит от тебя самого.

Еще раз вернусь к Г.И. Смородину. Я уже упомянул Н.П. Лаздына, который работал начальником городского ремстройуправления. Порядочнейший человек, отличный работник (потому и помню его). Но что-то случилось в его конторе, и прокуратура возбудила уголовное дело. Ремонтное дело вообще тяжелое, да еще в те времена, когда почти все жилье после войны было непригодно к нормальному проживанию.

Придаться при желании можно было запросто, особенно, если кому-то не угодил. Николай Петрович пришел ко мне, так как я, как зампредгорисполкома, опекал его контору. На бюро горкома должно было рассматриваться представление прокурора о привлечении его к уголовной ответственности. Я подробно расспросил Лаздына о деле, понял, что прямой вины его нет (уже не помню деталей), поверил ему и решил пойти к Григорию Ивановичу.

Смородин выслушал меня, помолчал, но так ничего и не сказал. Он не отличался сентиментальностью, был суров и строг, хотя в несправедливости его заподозрить было трудно.

Предположить что-либо было невозможно: с одной стороны — представление прокурора, которое я не видел, но знал по опыту, что обосновано оно было достаточно хорошо, с другой — мои робкие попытки что-то объяснить Смородину (я не мог быть категоричен, так как не владел фактами),

пост-

роенные больше на эмоциях и вере в человека.

И вот — бюро горкома партии. Персональные дела, как обычно, рассматривались в конце заседания. Я сижу в уголке (членом бюро я не был), недалеко от меня бледный Лаздын. Докладывает прокурор. Вопросы, не очень стройное объяснение Лаздына. В защиту — никто. Смотрю, лицо Смородина пошло красными пятнами (такое бывало с ним всегда, когда он сильно волновался).

Встает, не речь, а взрыв-тайфун: вспомнил все, что ему докладывали по РСУ, все «жалобы трудящихся», которыми тогда заваливали и горком, и горисполком. Ну, думаю, все. Ведь в предложении прокурора было исключение из партии, а это — под суд и верная тюрьма. В зале заседания бюро шмещающая тишина. Смородин тяжело садится, минуту-две молчит, потом:

— Лаздын! Тот вскакивает.

— Воевал?

— Воевал, — ответ еле слышен.

— Сколько орденов?

— Два, — тоже почти шепот.

— Сколько детей?

— Четверо.

Так было на самом деле. У Н.П., на удивление, была многодетная семья. Причем, забыл сказать, родом он был из Латвии и говорил с чуть заметным прибалтийским акцентом. Смородин опять молчит. В зале никто не шевельнется. Потом произносит:

— Есть предложение объявить строгий выговор с занесением в личное дело. Кто против? Против никого не было...

Вот так бывает. А ведь Н.П. Лаздын запросто мог загреметь на нары.

Еще раз судьба близко свела меня с Г.И. Смородиным в годы совместной работы в облисполкоме. Так случилось, что путевки в санаторий «Курпаты» на ЮБК мы получили на один и тот же срок. Замечу, что путевки — ежегодные — начальники управлений и заведомствами облисполкома получали автоматически. Заявки согласовывались заранее и подавались в

управление делами Совмина Украины, а оттуда уже приходила именная путевка. Встретились, обрадовались друг другу и поселились, конечно, в одном номере.

Вот тогда я впервые узнал, что означает для человека потерять единственного ребенка. Я не расспрашивал, как-то само собой получилось, что Г.И. сам рассказал о потере сына. Тот, как я уже упоминал, учился в Москве. Трагедия случилась на каком-то мосту, нашли мальчика уже мертвым. Что, как? — все попытки отца и матери разузнать, расследовать не дали результата. Убийц так и не нашли.

Санаторий «Курпаты» принимал отдыхающих и со стран соцлагеря. Было заведено, что встречи и проводы новой партии иностранцев всегда сопровождались за ужином вином и пивом. Смородин уже ничего не пил. Тот период, когда душевная боль глушилась вином, видно, прошел.

Я все понимал и старался защитить Г.И. от попыток соседей по столу уговорить его только «пригубить», в связи с чем его «долю» делил с соседями по столу, и все оканчивалось миром.

Была у меня еще встреча и с Н.П. Лаздыным где-то лет через 15 после тех событий. В 1971 году в Краснодаре скончался мой двоюродный брат Афанасий Петрович Денисенко. Из всех моих двоюродных братьев Фаня был ближе всех. В 30-е годы в Харькове, когда мы жили на Свердловца, 13/15, Фаня какое-то время жил у нас. Моя мама считала его за своего сына, и Фаня называл ее «мамой». Семья Фани во время коллективизации, как «куркули», была выселена в Казахстан, и там родители этой многодетной семьи (6 детей) — мой дядя Петя и тетя Тына — погибли. А ведь, и я это хорошо помню — мне было тогда 10-11 лет, кроме шестерых детей и недостроенной хаты, у них ничего не было. В детстве я жил у бабушки на хуторе, рядом (километр-полтора) был хутор дяди Пети. Его, видимо, наделил землей после женитьбы, как это и было положено, мой дед Семен. Нужно сказать, что все мамины братья и сестры жили в Полтавской области на хуторах. И вся эта громадная хуторская семья (у моего деда Семена и бабушки Палажки было двенадцать детей) была раскулачена (вернее, семьи). Все было забрано, начиная с земли, а тети-дяди и братья-сестры мои частью погибли от голода в 30-е годы, а кто спасся, как тетя Мотя с мужем дядей Гришей Городецким, оказались аж в Тбилиси, или, как дядя Гриша, — в Краснодаре.

Я часто бывал на хуторе у дяди Пети. С Борей — младшим Фаниным братом, мы были почти одногодки (он 1920 г. рождения), и хуторское безделье, если оно нам выпадало, проводили вместе.

Фаня воевал. Закончил войну капитаном, был награжден тремя орденами. Забыл сказать, что, с

помощью моей мамы, Фаня еще до войны окончил педагогический институт. После демобилизации почти 20 лет проработал директором школы в Магадане. Там платили хорошо. С деньгами и машиной в 1960 г. вернулся в Краснодар. Приезжал к нам с Тоней в гости. Я дал машину, и Фаня съездил в Севастополь, где повидался со знаменитой Л. Павличенко — снайпером, Героем Советского Союза (у нас есть их общая фотография), с которой воевал вместе.

Телеграмма о кончине Фани страшно огорчила нас с Тоней. В тот же день служебной машиной я выехал в Краснодар. В Керчи заехал к своему другу полковнику В.Ф. Киселеву — начальнику горотдела МВД: нужно было заправиться и обеспечить переправу на Кубань. И тут неожиданно появился Н.П. Лаздын. Он был таким же полным, жизнерадостным, с широкой и доброй улыбкой, как и раньше, разве только больше полысел. Пережитое им, мое участие в его беде не было забыто. И хотя об этом разговора не было, я понимал, что Николай Петрович рад мне, благодарен и искренен в своих чувствах. Киселев и Лаздын проводили меня на переправу, усадили с машиной на паром, договорились с начальством (оно было новым — этих людей я не знал) об обратной дороге.

Я много пожил и многое познал. Отношения с людьми нужно строить на взаимности. При этом не нужно искать корысти, иначе ни дружбы, ни симпатии не будет. Бескорыстная, основанная на доброте и сердечности, взаимопонимании и участии — такая дружба самая крепкая, достойная, приносящая радость и удовлетворение.

РЕМАРКА. Это мое повествование от 27.10.2006г. я начал, как письмо к Л.Я.Поповой по поводу передачи моих книг в керченскую библиотеку. Читатель, видимо, понял, что письмо Л.Я. было отправлено короткое и — по сути.

Помню такую колоритную фигуру в Керчи тех лет, как Дмитрий Иванович Дмитриев — директор треста «Очистка». Большой, грузный, рук такого размера я больше не встречал — истинно медвежья лапа. Медлительный, хитроватый, прижимистый. В его хозяйстве можно было найти все.

Тогда нечистоты возили в бочках на лошадях так называемые «золотари». Подъезжает такая боч-

ка ко двору, хозяева радостно встречают, так как долго ждали, все действо производится «черпаком в бочку». Вонь вокруг стоит страшная. Золотари люди были крепкие и уважаемые, не каждый мог это выдержать, хотя и пьющие. Дмитриев за них держался и прощал мужские слабости. Да и сам мог и — крепко. Я уже боялся посещать его контору. Как только я вступал на территорию двора — хозяину шел доклад, опережающий мое продвижение. И на письменном

столе сразу же появлялись бутылка и сало. Увещевать и стыдить было бесполезно. Лучше что-либо придумать («в горком вызывают») и отказаться. Хотя это проходило не всегда.

Держал Д.И. десятка три лошадей, вследствие чего за городом были и земелька, и посевы. Сено

заготавливалось в запретной прибрежной зоне у горы Опук, где были военные полигоны. Поэтому, ежегодные во-яжи к военному начальству для определения мест и сроков заготовки сена совершались с моим участием и обставлялись соответственно и торжественно: я знал, что и майоры с полковниками были рады нам и тому, что за сим следует.

Помню, что только у Д.И. в Керчи была исправная и ухоженная — хоть на выставку — легковая машина из первых советских, так называемая «Эмка» (М-1). Обслуживал ее глухонемой (ей Богу, не вру) механик - водитель. Читал он «по губам» прекрасно, особенно четко воспринимал «междометия», которые сопровождали речь его хозяина. На этом чуде и, естественно, с этим же шофером Дмитриев выезжал только по вызовам в горком или горисполком. А так ездил по городу на пролетке, опять таки, с тем самым глухонемым механиком-водителем. Лошадь — жеребец (не кастрированный) в этой выезде был размеров и стати, достойных хозяина. Зрелище было изумительное и сопровождалось репликами прохожих: «Смотри, Дмитриев поехал!».

Жена Д.И., почтенная и величественная Клавдия Михайловна, заведовала гостиницей «Керчь». Это тоже было мое хозяйство, я часто там бывал, принимая с Клавди-

ей Михайловной приезжих гостей. Да и мы с Тоней один раз там ночевали, когда, уже живя в Симферополе, посетили Керчь. Во дворе гостиницы был построен особнячок-филиал, но это уже для «первых лиц».

Удивительно, но имея, по существу, все, Д.И. с К.М. держали и откармливали на своем подворье (у них был собственный дом) кабанчиков и птицу. Как уже упоминал, я имел возможность

откушать у них то, что в советских магазинах и быть не могло.

Казалось бы, ну что тут особенного. Ну, жили Д.И. с К.М. на белом свете. Сколько таких! Но вот, стоят они перед моими глазами: помню их лица, фигуры, даже манеру говорить и жесты, речь помню. На таких людях раньше держалось государство: они и себя кормили, и вокруг сотню-две содержали: давали им работу и хлеб. «Кормильцы», как раньше говорили. И что с ними сделала советская власть? Хорошо, что мои симпатии оказались, все же, у дел. А тысячи и миллионы других, как мои полтавские родичи?

Весь народ был согнан в одно громадное стадо, распisan по работам: станкам, коровникам и полям. У всех было отнято прошлое, а будущее было эфемерным маревом. Жесткая зарплата и план сковывали инициативу и предприимчивость. Все в одночасье остались «без штанов», даже жилье не переходило по наследству, если дети, к тому времени, жили отдельно. Каждая семейная ячейка начинала жизнь «с нуля».

Я в Керчи относился к привилегированному сословию. Прожил там хорошую жизнь и прошел замечательную

школу. Встретил много хороших людей, оставивших в моей памяти благодарный след. Но помню и тех людей, которые приходили на прием.

До сих пор слышу жесткие слова, которые мне сказала одна женщина, не получившая у меня помощи в решении жилищной проблемы: «Моя дочь с вашей Аней в детсад в одной группе. Я знаю, как вы живете и в какой квартире. Почему я, коренная керчанка, живу в развалюхе, а вы, приезжий человек, — в трехкомнатных хоромаш?» Я понимаю, что любая власть обязана поддерживать своих чиновников, обеспечивать им приличное существование. Но при этом нельзя забывать о тех, кому эти чиновники служат. Так было и есть в любой стране, в любом обществе, кроме нашего ушедшего. Почему советское государство, «лелея» своих надсмотрщиков, отказывало остальным в праве свободно работать, зарабатывать, создавать материальное благополучие себе, своим семьям, своим потомкам и, в том числе, и самому государству? Почему было запрещено в городах и поселках строительство частного жилья, а в селах люди селились (и до сих пор живут!) в строениях, которые трудно назвать приличным жильем? Я уже не говорю о степени их благоустройства и инженерного оборудования.

Люди обязаны создавать свое благополучие сами, государство не должно им мешать и, по возможности, помогать в этом. Государство не должно быть диктатором и командовать народом.

У нас было извращенное общество с античеловеческой идеологией и неосуществимыми целями.

Потому, государство это и его общественное устройство и перестали существовать, а, вернее, в одночасье и, к счастью, бескровно и тихо, скончались.

02 января 2007г.

Письмо ст. научному сотруднику Керченского историко-культурного заповедника Владимиру Филипповичу Санжаровцу.

Уважаемый Владимир Филиппович!

Получил Ваше письмо с новогодним поздравлением. В свою очередь желаю Вам в 2007 году свершения всех Ваших желаний и доброго здоровья. Рад, что мои воспоминания вызвали у Вас такой интерес. Постараюсь ответить на Ваши вопросы, но прошу учесть, что многое забылось (я жил в Керчи с июля 1950 года по ноябрь 1958 года, столько лет прошло), так как не все события находят свое местечко в нашей памяти.

На горе Митридат были остатки храма Тезея: дорический ордер, сохранились только внешние стены, в некоторых местах сохранился и полный антаблемент (архитрав, фриз и карниз), то есть, верхняя часть ордера. Я сделал акварель этого примечательного сооружения, но где то она затерялась. Окончательно этот храм разрушили уже после моего отъезда.

Следов часовни Стемпковского уже не было, во всяком случае, я не помню ни о чем, что могло бы подсказать ее судьбу.

В.Н. Попов действительно после Керчи работал глав-

ным архитектором Кременчуга, там и умер лет 10 тому назад (он был 1914 года рождения). Года три назад прекратилась переписка и с его вдовой Лидией Николаевной.

Троицкого собора уже не было. Сквер Мира я проектировал на месте развалин, оставшихся после войны. Действительно, в сохранившихся подвалах были винные погреба. Имели они и упоминаемые Вами экзотические названия. Сквер проектировался с пологими угловыми сходами к площади Ленина, тогда же были запроектированы боковые трибуны у памятника Ленину.

Большую чашу фонтана я разместил в центре сквера (ее уже, видимо, нет). В подвале гостиницы

«Керчь» работали лепщики, числящиеся за стройуправлением облстройтреста. Вот с ними я и ле-

пил все модели для отливки оформления этого фонтана и львиные головы, изо рта которых извергалась вода, тоже. Название «Сквер Мира» придумали в горкоме партии. После войны это было модно. Летний кинотеатр на набережной проектировал, видимо, В.Н. Попов. Во всяком случае, на моей памяти он уже стоял. Я на набережной проектировал лодочную станцию судоремонтного завода (в левом углу набережной, если стать лицом к морю).

В Симферополе в крымском филиале института Гипроград (в 50-годы — облпроект) работал архитектор Михаил Алексеевич Бродецкий (Вы пишете Борецкий).

Памятником Володе Дубинину действительно занимался я. За книгу «Улица младшего сына» писатели Лев Кассиль и Макс Поляновский получили Сталинскую пре-

мию, часть которой они отдали на памятник герою этой книги В. Дубинину. По поводу памятника, места под него, организационным делам мы имели переписку с Львом Кассилем (письма он писал от руки, до сих пор помню, что он был не совсем в ладах с правописанием, что меня поразило: ведь писатель!).

Пьедестал под памятник, может быть, и проектировал М.А. Бродецкий, я теперь уже не помню.

Ведь юридическое оформление этого действия (как идеологического) принималось в Крымском обкоме партии, и смета на сам памятник могла составляться в облпроекте. Все остальное было делом наших рук.

М.А. Бродецкий мог быть и автором летнего кинотеатра «Приморский». Такие «культурные» объекты тоже шли через Симферополь (я имею в виду финансирование). В те годы областное управление кинофикации (помню начальника — некто Кожухов, очень деловой человек был) централизованно строило кинотеатры в Крыму.

Теперь, по поводу трехэтажных жилых домов заводов им. Войкова и им. Кирова по улице Ленина. Дело в том, что в те же годы интенсивное капитальное строительство велось только в поселках Войкова и Аршинцево. Особенно много строил Камыш-бурунский железорудный комбинат. Так как я по долгу службы в управлении главного архитектора города (1950-1953г.г.) был председателем госкомиссии по приемке в эксплуатацию объектов жилищного и гражданского строительства, то в моих руках был весь учет. Дисбаланс был налицо: центр города, т.е. по существу Керчь, лежал в разва-

линах, кое-что с грехом пополам делалось за счет капремонта, и — все.

Когда меня в 1953г. избрали заместителем председателя горисполкома и я начал курировать строительство, у меня появилась возможность хоть как-то изменить положение дел и повернуть часть капитальных вложений в черную металлургию на нужды города. На сессиях горсовета, пленумах горкома партии звучали просьбы и требования к Минчермету, руководителям предприятий размещать часть жилья в городе. На этой почве у меня лично сложились неприязненные отношения с директором железорудного комбината Александром Трофимовичем Петрухиным. Не знаю, как он меня воспринимал, но, будучи депутатом Верховного Совета РСФСР, Героем Соцтруда, человеком крайне амбициозным, известным в Союзе деятелем, он с трудом переносил ту критику, которая звучала в его адрес по этому поводу.

Так вот, эти два дома по улице Ленина — то единственное, что нам удалось получить в те годы от этих предприятий. В жилом доме завода им. Войкова (сторона улицы, примыкающая к Митридату), в первом подъезде на втором этаже я получил квартиру и жил там до отъезда в Симферополь. После меня в квартиру поселилась Тамара Николаевна Конжукова — зав. горно, известный в те годы и уважаемый человек в городе. Ее муж был директором мясокомбината.

Сейчас там живут, видимо, их наследники. Кстати, до этого я жил в поселке Аршинцево.

Вы спрашиваете о сквере им. Толстого, о многочис-



ленных бетонных скульптурах. Это было,

очевидно, позже. Памятник В.Ульянову и фигуры пионеров в Пионерском сквере я помню. Они в ту пору были.

Да, еще по поводу жилых домов по улице Ленина. Архитектора Тульчинского я хорошо знал.

Харьковский Горстройпроект, где он работал, проектировал по линии чермета все жилье и соцкультбыт, и он мог быть автором жилых домов по улице Ленина.

Рыбный фирменный магазин по улице Ленина был с правой стороны, если идти к площади, напротив, если не ошибаюсь, была сберкасса.

Парк в Аршинцево, как я помню, действительно носил имя Пушкина.

Еще один мой «рыбный» объект. На площади Ленина я запроектировал фирменный рыбный ресторан. Это — по левой стороне от памятника Ленину, если стать к нему лицом, визави скверу Мира, угловое здание. Что там сейчас?

Вы упомянули скульптора Евгения Алабанова. Видимо, это описка. На самом деле речь идее о скульпторе и альпинисте Евгении Абалакове? Я о нем слышал, но эту историю о памятнике Ленину не припоминаю. Очевидно, позабыл, должен же был от кого-то слышать.

А.М. Гуралов, которого вы упомянули, при мне был главным инженером горкоммунхоза (заведующим был Сергей Петрович Злобин).

Вечный огонь, ротонда и др. — это уже после меня.

Над проектированием и определением места под городской театр мы с В.Н. Поповым (я уже был в гориспол-

коме) начали работать после завершения строительства сквера Мира. Необычная посадка театра вызвана местными условиями, но уйти от площади, от центра города мы не могли, хотя сложности при проектировании были.

На проектные работы нужно было выбить лимиты. Много труда и настойчивости в этом вопросе

проявила тогдашняя зав. отделом культуры Элеонора Павловна Черкез. Инициативная, напористая, целеустремленная — без нее, мне кажется, театр бы не состоялся. Стройка его пошла уже после моего отъезда из города, но котлован действительно был вырыт и под него уже «выбивались» деньги. Э.П. Черкез была первым директором театра им. Пушкина и оставалась на этой должности, по моему, до своей кончины. Вообще, в Керчи в мое время трудились замечательные люди, многих из них я помню до сих пор. Взять тот же сквер Мира. Для фонтана нужна была вода, которой в городе было мало, да и напор невелик. Директором водоканала был Алексей Иванович Лемехов. Инвалид детства (паралич ног), с трудом ходил с палочкой, но коллектив у него был сплоченный, артезианские скважины, насосные станции были в идеальном порядке. И хотя тогда его хозяйство давало где то 8 тыс. метров куб. воды в сутки (смешная цифра по теперешним меркам), керчане, все же, были с водой, и с фонтаном Алексей Иванович справился и напор (подпитка) дал.

Вспоминаю руководителей треста благоустройства (уже упоминаемый мною Д.И.Дмитриев) и зеленхоза Василий Андреевич Бесталаный. Тоже были люди, как говорят, «на

месте», а работ в тот послевоенный период было ой сколько, да при мизерном или без одного финансирования. Так, кстати, строился сквер Мира: без денег, методом «народной стройки» (были задействованы все предприятия города).

Я был моложе всех упоминаемых мною людей, но мне приятно с ними работалось. И я всех помню до сих пор (лица, фигуры, манеру говорить, поведения, даже голоса, как ни странно).

Хочу еще раз упомянуть Николая Петровича Лаздына, начальника ремстройуправления — латыша по национальности, отца четверых детей. Из городских предприятий — директора бондарного завода Абрама Моисеевича Ашерова. Его я сменил в горисполкоме (1953 год — еврейское «дело врачей»: всех евреев повсеместно изгоняли из всех государственных аппаратов). Директора судоремонтного завода Григория Антоновича Читанаву (его я «сделал» членом исполкома).

Строили в Керчи Алексей Филиппович Таломаненко — управляющий трестом «Керчметаллуг-строй», начальники строительных управлений треста Николай Максимович Назаренко (СУ «Жилстрой» на з-де им. Войкова), Владимир Тимофеевич Коршунов (СУ «Металлургстрой» — железорудный комбинат). С ними у меня сложились теплые деловые отношения. Мы дружили и когда я уже работал в Симферополе: я был рад принять их у себя дома. В.Т. Коршунов позже тоже оказался в Симферополе, где заканчивал свою карьеру управляющим трестом «Симферопольстрой» и жил неподалеку от меня на этой же улице Дыбенко. Ему уже

было тогда за шестьдесят.

Вот такие воспоминания навеяли на меня Ваши вопросы.

Благодарю за замечательные открытки. Рад был бы получить от Вас еще что-либо, связанное с историей города моей молодости и моего профессионального становления.

Дай Вам Бог! Ваш А. Усык.

03 января 2007 года.

09 марта 2007 г.

Второе письмо В.Ф. Санжаровцу.

Уважаемый Владимир Филиппович!

Отвечаю на ваше письмо от 28 февраля 2007 г.

О Н. С. Хрущеве.

Никита Сергеевич действительно прилетел из Москвы (это не была его поездка по Украине) в Багерово. До этого туда пришел вагон с его знаменитой открытой серой машиной (ЗИЛ).

В этом открытом ЗИЛ'е он и совершил поездку по Керчи. Что это была не поездка по Украине, свидетельствовало то, что его не сопровождали ни П.Е. Шелест — первый секретарь ЦК компартии Украины (а не Киевского обкома, как Вы написали), ни Д.С. Коротченко — председатель Президиума Верховного Совета СССР. И тот, и другой были в Керчи в другое время в эти же годы (точной даты не помню).

Так вот, о встречах Шелеста и Коротченко.

Петра Ефимовича Шелеста мы привечали в Эльтиге-

не — на рыбацкой ухе. Хотя рыбакам в тот день улов не удался, а уха была доставлена из ресторана гостиницы «Керчь» (по «запасному варианту»), но поездка удалась. Для этого был задействован военный катер. Помню, мы уже плывем, и второй секретарь горкома Никитин забеспокоился, как оживить прогулку. Я ему говорю, что пусть директор ресторана (она была с нами) для начала предложит коньяк, а там — как будет.

Так и вышло: на поднос была водружена бутылка, фужеры, лимончик, и Петр Ефимович с видимым удовольствием выпил и закусил. В Эльтигене пиршество было продолжено на берегу с ресторанной же ухой.

Поездка Демьяна Сергеевича Коротченко запомнилась только тем, что еще пришлось съездить заправить его машину (тоже ЗИЛ, но крытый). Когда доставали из багажника канистры, там, к моему удивлению, я увидел два автомата ППШ с запасными дисками. С кем собиралась вести бой охрана Коротченко, мне неизвестно. Или эта привычка — таскать с собой оружие — осталась еще со времен войны: Коротченко в те годы руководил партизанским движением на Украине?

Но вернемся к Н.С. Хрущеву.

Хочу повторить дату пребывания Н.С. Хрущева в Керчи: это было 30 сентября 1957 года (а не 1958 года, как я ошибочно указал в первой тетради «Дневника...» и в «Моих архитектурных университетах»).

Никиту Сергеевича 30 сентября 1957г. сопровождали только первый секретарь Крымского обкома В.Г. Комяхов

и второй секретарь А.Г. Коровченко. В моей книге (прочтите еще раз, пожалуйста) об этом написано. На переправе с военным катером его ждал Дмитрий Степанович Полянский — первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС. И, естественно, тот поезд, в котором везли его ЗИЛ. Обед в Капканах, который Н.С. так и не откушал, был накрыт в конторе рыбколхоза под контролем, конечно, органов. Но обеда этого в «их» программе не было, поэтому наш «хозяйский» вариант не состоялся. Вернее, задействован он был, но уже без Хрущева. Изюминкой была громадная глиняная миска малосольной осетровой икры из свежевывловленной рыбы. К ней были приложены деревянные ложки. (Хрущева можно пожалеть: даже с его возможностями такое отведать случается не каждый день).

Об архитекторе Тульчинском я Вам писал. Он работал в харьковском Горстройпроекте, который проектировал жилье и соцкультбыт для з-дов Войкова и Кирова и ЖРК.

В.Н.Попов мог быть автором Азчерниро, я уже сейчас не помню. У него было два сына и дочь. Сообщаю его кременчутский адрес: г. Кременчут, ул. Победы, №1, кв.5. Его сын Андрей как-то проездом был у меня. Жену Попова звали Лидия Николаевна. У меня в книжке записан телефон: 8-05366 3-08-62 - попробуйте позвонить. И телефон Андрея (московский?) 944-95-05.

Клумба между скверами была устроена вместе со сквером Мира.

Кинотеатры, которые Вы упоминаете, были. Был театр Эстрады, в котором принимали артистов (очень редко, никто

в Керчь тогда не ехал) и проходили городские партконференции.

Приморский бульвар, городской пляж — это была особая забота горисполкома. Туда все время вкладывались, хоть и крохотные тогда, деньги. Каждый год работали саперы (мины и снаряды находили все время), водолазы. Помню бригадир водолазов Мельника Петра Васильевича — он был избран членом исполкома. Разделения пляжа на женский и мужской тогда не было.

В Вашем музее бывал, конечно, неоднократно. Помогал, как мог, и в ремонте. Директором тогда был, если не запамятовал, Гусаров — хромо́й инвалид. Он не был специалистом в музейном деле, просто человеку с партбилетом нашли место: «трудоустроили» — инвалид войны, куда его девать (завтра могли послать заведовать баней). Толку было мало, но он суетился, это помню, добрый был, в принципе, человек и порядочный. А как финансировалась после войны культура — общеизвестно.

Церковь Иоанна Предтечи была окружена какими-то постройками. Внутри был продовольственный склад.

Кладбища возле церкви не помню. Все было страшно запущено и производило гнетущее впечатление. Помню еще дикий случай. Был в те годы, когда я только приехал в Керчь и работал замглавного архитектора города, зампредом горисполкома некто Мисник — малограмотный хромо́й мужик с красным лицом. На одной из сессий горсовета он внес предложение снести церковь Иоанна Предтечи, чтобы с ней «не морочиться». Трудно представить себе подобное

кощунство, но в советские времена и не такое случалось. Слава Богу, не свершилось!

На 9 мая каждый год, в мою бытность, у обелиска на горе проводился митинг, и сотни горожан после него на склонах Митридата справляли тризну. И я, в том числе. Это было святое. И приняло это систематический характер и «узаконилось», мне кажется, в 10-ю годовщину Победы.

Пришлите, если сможете, карту города с сеткой улиц.

Пишите, спрашивайте: я очень хочу, чтобы мои сведения, воспоминания не ушли со мной, а служили на пользу городу, который я очень люблю. Посылаю Вам ксерокопию из моего дневника о людях, работавших в мое время.

Желаю Вам добра. С уважением. А.Усык.

15 июня 2007года.

День своего 86-летия провел в Харькове. Приехал 28 мая. А в день рождения (29 мая) оформили с Сережей договор купли-продажи на Вольво 740. Машина эта была в Укрниикомунпрогрессе — институте, который основал сват Илья. После его кончины в 2004году институт возглавил Сережа.

Не знаю, чья это была инициатива (думаю, все же, Димы), но я признателен и Сереже, и Диме.

Дима уплатил половину стоимости, остальное — я. Мальчик так старался, чтобы его дедушка пересел, наконец,

с Москвича на что-то приличное, и я ему очень благодарен. Машина — 1988 года выпуска.

Сережа сделал ремонты мотора, ходовой части, коробки передач. Сережа же привез меня на ней в Симферополь (1 июня мы были уже на месте). Я поменял масло, все фильтры, антифриз, все ремни (4), купил два передних колеса. В общем, довели нового моего «коня» до хорошего состояния. И вот — езжу. Машина меня спасает. Не знаю, как было бы без нее. Да еще в такую летнюю жару, как у нас каждый год (за 350), как бы я набегался? Ведь каждый день рождает свои проблемы.

По утрам я — по базарам и магазинам на машине. Прогулка — ежедневная, из-за жары перенесена на после ужина. Все готовлю, что нужно: никаких полуфабрикатов. Уже освоил кухонную технологию. Что не знаю — спрашиваю у соседок, не стесняюсь. Держу режим: много овощей, петрушки, сельдерея, укропа. Курага, изюм по утрам в творог или в овсяные хлопья. В обед — сборный овощной суп, отварные кура, рыба. Все чередую, поэтому не надоедает. Ем с аппетитом — как правило. Завтрак — в 7,30-8,00 (в зависимости от времени года), обед — в 12,00, ужин — в 16,30-17,00, на ночь биокефир. В промежутках — яблоки, летом клубника, черешня, другие фрукты. Чай, последнее время, зеленый. Ежедневный послеобеденный отдых-сон (в течение часа). И Тоню приучил к этому. Вспоминаю своих хуторских родичей-хлеборобов. Крестьянский труд «для себя» не нормирован и длится от зари до захода солнца. А летом? Это — 16-18 часов рабочего времени. Как его выдержать?

Помню: днем мои «трудари» обязательно часик — два отдыхали «під копицею, в затінку під деревом або під возом». Вот и у меня это в генах, без этого я к концу дня уже «развалина». Утром — зарядка 25-30 минут, массаж рук, ног, туловища, теплый душ (холодный уже не выдерживаю). Ежедневная прогулка-моцион вдоль Салгира, раньше велосипедная, теперь — пешеходная, 35-40 минут, по возможности — быстрым шагом. Вот так и живу. Режим держу легко — к нему привык и уже не могу: если что-то не сделаю или помешают обстоятельства — чувствую себя «не в своей тарелке».

На день рождения в Харькове (Аня, дай ей Бог здоровья, все приготовила) пригласил своих сокурсников по ХИСИ. Были: Вика Лившиц, Толя Нестеренко, Юра Чу-ров, Лара Савенко, Алина Глебова, Нина Фурманова, Света Гапанович, Лара Соколовская. Самому младшему Юре Чу-рову — 77.

Съездили с Аней на кладбище, где похоронены все наши. В кладбищенской церкви помолились «за упокой» Рыбоньки, моих мамы и папы, Ирочки, сестры Нели. Грустно...

21 июля 2008 года

Письмо В.Ф. Санжаровцу.

Уважаемый Владимир Филиппович!

Простите, что задержал с ответом. Один во всех ипо-

стасях, поэтому кручусь и иногда выбиваюсь из графика. Боюсь, что не смогу дать удовлетворительные ответы на Ваши вопросы — столько времени прошло.

Ну, по порядку.

«Строительство 565» велось по линии министерства путей сообщения (так оно, по моему, тогда называлось, министр Бещев Борис Павлович, я у него бывал по керченским делам).

Константинов имел железнодорожное генеральское звание. Стройка была автономная. Нами решались только локальные вопросы (местные стройматериалы, отводы земель, торговля и прочее подобное). Видимо, были и военные, ведь это министерство имело в своем составе железнодорожные войска. Детали их размещения не сохранились в памяти. Проектированием железнодорожных сооружений занимался в те времена союзный институт Гипротранс. Его крупный филиал был, в частности, в Харькове. Помню только, что мы хотели получить для города более крупное сооружение, но у железнодорожного начальства были свои соображения, которые и воплотились в существующей постройке.

Что касается военного городка на Керчь-2, то в те времена все, что было связано с министерством обороны, размещением воинских частей (кроме землеотводов, которые выполнялись на закрытых заседаниях исполкомов и проходили через спецчасть) и другое выполнялось централизованно, без участия местных властей. Я дам Вам адрес наших друзей, которые, может быть, Вам помогут. Она — врач, подруга моей жены, Сухотина Серафима Михайловна, ее муж

— Вася, летчик, служил в полку на Керчь-2. Их керченский адрес: ул. Пролетарская, 21, кв. 6. С ними у меня давно нет связи, как они там, не знаю. Объездная дорога через завод Войкова строилась вместе с переправой. Бутовый камень заготавливался и вывозился на стройку так, как Вы и написали.

Стройку в районе Соленого озера начинали за счет Минрыбпрома СССР (министр был Ишков), проектирование вел институт Гипрорыба. Это был комплекс промсооружений у моря и жилпоселок. Городские власти уделяли много внимания развитию рыбной промышленности в Керчи, добивались специальных постановлений правительства по этому вопросу, и все, наконец, решилось в Москве.

Трамвайная линия на завод Войкова не строилась из-за отсутствия капвложений. Местный бюджет эту стройку не тянул, а выполнить за счет Минчермета СССР не удавалось из-за нерешенного вопроса с восстановлением завода Войкова.

И, последнее. Моя должность, в которой меня утвердили по приезду в Керчь в 1950 году, была начальник инспекции госархстройконтроля — зам. главного архитектора Керчи.

С уважением. Ваш А. Усык.

05 декабря 2008 года

Дорогой мой Мальчишка!

Посылаю тебе два диска. Один — видеофильм, снятый телекомпанией «Крым» к 50-летию образования уп-

равления капитального строительства Крымского облисполкома (теперь — главное управление капитального строительства при Совете Министров Автономной республики Крым). Второй диск — рабочий материал к этому фильму, а именно, интервью со мной.

Дело в том, что организовывал УКС облисполкома и первым начальником этого управления был я. Это происходило в октябре 1958 года. Жили мы тогда в Керчи, и я был избран мэром Керчи. И вдруг, совершенно неожиданно, меня приглашают в Симферополь и предлагают возглавить вновь создаваемое управление облисполкома, в ведение которого переходило все капитальное строительство жилья, школ, больниц, детских садов-яслей, объектов коммунального хозяйства, то есть, практически все стройки Крыма.

Решение о моем назначении на должность начальника УКС'а состоялось 1 ноября 1958 года. Эта дата и стала датой появления этого органа в Крыму.

Празднование 50-летнего юбилея прошло 31 октября 2008 года в русском драматическом театре. Вначале показали видеофильм, который я тебе посылаю. А затем — речи и поздравления.

Ну, и меня чествовали, я был растроган. Закончилось торжество банкетом в ресторане. Вот такие дела. Посылаю тебе эти диски, будет хоть какая-то память.

Желаю тебе, мой Мальчик, Алене, Давиду в Новом году всех благ и — главное — здоровья.

Обнимаю вас и крепко целую. Ваш Кадя.

01 января 2009 года.

Сегодня днем звоню, слышу — междугородний. Кто это, думаю? Новгодние поздравления уже, вроде, все были, от кого ожидал. Оказалось — Леня, Алексей Петрович Денисенко — мой двоюродный брат, последний из оставшихся в живых детей дяди Пети — маминого брата. Леня — 1918 года рождения, живет в Днепропетровске. Я его уже похоронил. Почти два года — ни одной весточки: на мои поздравления не было ответа, телефон не отвечал. Оказалось, то он был в санатории, то еще где-то. Я был рад и взволнован. Много вспомнилось.

Дядя Петро с тетей Тыной (Хрыстыною) жили почти рядом с бабушкиным хутором. Дедушка Семен выделил сыну Петру надел в километре от своего хутора. Дети: Фаня (Афанасий) — 1911 года рождения, Наташа — 1913, Леня (Алексей) — 1918 и младший Боря — 1920 года рождения.

Сколько было земли у моего дедушки Семена, я не знаю (не знает и Леня — я об этом спросил его).

На эту тему в советские годы говорить было опасно. Как моя мама выкручивалась в своих биографиях-анкетах (непременный атрибут того времени), трудно сказать. Помню, кроме дяди Петра, хутора имели дядя Гриша (с ним жила бабушка) и дядя Илько (Илья), самый старший, по моему, мамин брат. Мы ездили к нему до голодомора 30-годов, это где-то в 4-5 километрах от нашего хутора (дяди Гриши). Видимо, земли было достаточно, чтобы наделить не только сыновей, но и дочек. Типичная украинская хлебороб-



ская семья, прообраз фермерского сельскохозяйственного устройства России, как сказал Петр Аркадьевич Столыпин (председатель Совмина при Николае II).

У моей мамы было 11 братьев и сестер, она была предпоследней. Она единственная окончила гимназию в Кобеляках. Но и остальные не были неучами, хотя бабушка моя Палажка, их мама, так и оставалась неграмотной. А дядя Илько и дядя Гриша в войну 1914 года дослужились до офицерских чинов, что, по законам российской империи, давало им право на дворянство.

Так, вот, история семьи дяди Пети. По ходу коллективизации почти все Денисенки бросили своих хутора и свою землю и подались, кто куда. Дядя Илько коротал жизнь в Днепродзержинске, где работал впоследствии в торговой сети. Дядя Гриша — в Краснодаре (я называю места пребывания, где они закончили свой земной путь, а до этого были годы и годы скитаний). Дядя Гриша Городецкий — муж маминой сестры Маруси, оказался с ней в Тбилиси (он приезжал ко мне в Симферополь в 70-е годы). Бабушку мама забрала к нам в Харьков. Только дядя Петро оставался на своем хуторе в недостроенной, как сейчас помню, хате. Его в 29 или 30 году раскулачили, забрали все до последней нитки и вывезли со всей семьей в Казахстан. А четверо детей, которых я назвал, поодиночке, уже без умерших с голоду родителей, вернулись в Украину. Фаня поселился у нас, до конца жизни называл «мамой» мою маму. Выучился, кончил войну в звании капитана, лет 20 в Магадане был директором школы. Вышел на пенсию, поселился в Краснодаре, там и похо-

ронен. Приезжал к нам с Тоней в Симферополь. Наташа жила и похоронена в Одессе (я был у нее в гостях). Боря жил и работал в Днепропетровске, с ним мы много общались и встречались и у него, и в Симферополе, его уже тоже нет.

Я рассказал об одной семье — дяди Петра, потому что мы были близки, жили рядом, и я рос вместе с его детьми. Но были ведь другие семьи моих дядей и тетей и детей у них было не мало, как и во всех хлебобобовых семьях. Что с ними, с моими двоюродными братьями и сестрами, случилось в те страшные годы, да и потом, кто остался жив? Я ничего не знаю, да и не узнаю никогда. Вот и врут нам сейчас и у нас, и в России, что не было никакого голодомора. Сколько таких осталось, как я, кто хоть что-то помнит и может что-то сказать? А, кто и жив еще, то у некоторых из них и память отшибло, потому и бегают, задуренные, под красными флагами во главе с проходимцем Грачом, выкрикивая: «Голодомора не было, голодомора не было!». Или с триколором русским: «Геноцида не было, геноцида не было!».

Теперь вот звонок от Лени, Алексея Петровича. Последнего из этой с трагической судьбой семьи, жертвы имперского геноцида против украинского народа.

Цель этого геноцида — подорвать самые корни украинского народа, истребить его основу — вольных хлеборобов, носителей его генов, его языка, культуры, традиций. Те, кто выжили, ушли-бежали — единицы — в города, и их потомки уже не страшны. Это не тот монолит народный, существовавший до геноцида. Затем — русификация школ, печати, миграция — заселение украинских земель далеко не лучши-

ми представителями русского народа.

И, вот результат: народ разобщен, украинский язык не востребован, идет дикое сопротивление его возрождению, а, если по серьезному, — его существованию. Империя тратит бешенные деньги на подрыв возрождающегося украинства, патриотизма. Делается все, чтобы протащить второй государственный язык, сорвать вступление в НАТО (единственное спасение Украины от империи), в ЕС. Утвердить Черноморский флот в Крыму. Подкуп, шантаж, провокации, смехотворные обвинения (вроде — продажа оружия Грузии), ежегодная комедия с перекрытием газового крана, поддержка, моральная и финансовая, подпитка всего антиукраинского.

Стыдно за Россию, за ее народ, который сам себя считает великим. Но, на самом деле, морально деградирован в своей массе, спившийся, задурманенный, и, посему, жалкий и нелюбимый во всем мире.

Среди моих знакомых - две русские шовинистки, обе — с высшим образованием. Обе ненавидят Украину и все украинское. И обе — пьют, причем, «сами с собой», как говорят. Третья — помоложе, часто составляет им компанию. Пьют и матерятся, без этого у них не получается разговор. Я себе с трудом представляю пьющую украинскую женщину, хотя за годы советской власти выросло и украинское пополнение «останавливающих на скаку ». А матерщинницу? Впрочем, бабы в России всегда пили и сквернословили наравне с мужиками, а, иногда, и похлеще...

03. января 2009 года

Позвонил Лене и уточнил, что детей у дяди Петра с тетей Тыной было семеро. Кроме Фани, Лени, Бори, Наташи и самой младшей Сони, были еще, перед Ленией, Ваня и Сережа. Последний умер маленьким. Соню я вспомнил (восемьдесят лет прошло ведь с наших хуторских времен!), а Ваня не вернулся с высылки.

А как было отчество нашего деда Семена, и Леня не смог вспомнить.

И — еще. Дядя Илько, который, как я уже говорил, как и Леня, жил в Днепропетровске, оказывается, был арестован и расстрелян в 1937 году. До сих пор жива его дочь, которая добилась реабилитации отца. С ней я, к сожалению, не знаком. А дядя Илько?! За что?

Еще вспомнил: с Наташей мы постоянно переписывались, она приглашала нас в гости. Дима знал, что у меня сестра живет в Одессе, просился туда съездить. Мы собирались это осуществить летом, на машине. Все откладывали, а потом Наташи не стало... Я, правда, посетил Наташу в шестидесятые годы, когда работал в Гипрограде и был в Одессе с комиссией Госстроя СССР.

23 мая 2009 года

Перебирал старые фотографии. Собрал, чтобы отправить Ане: она хочет сделать альбом для Артура. Не думал, что так разволнуюсь. Смотрю на фото тех лет и возвращаюсь в прошлое, которое не вернуть. Сердце щемит...

Нашел общую фотографию, где мы с Тоней еще молодые, а девочки уже большие. Позы непринужденные — красивая семья!

Тут же поехал, отдал увеличить и — в рамку. Повесил на нашу стенку, где все другие фото.

Думал, успокоюсь. Но — тоска не проходит. Бросил мыть посуду (только поужинал), и вот — пишу...

14 июня 2009 года

Уже две недели, как я в Судакe, в санатории министерства обороны Украины. Приехал на своей машине: тяжело уже таскать чемодан, да и взять можно с собой все, что нужно (не «на горбу» же).

Территория санатория — большая, прекрасные деревья, но все запущено и мало ухожено. Видно,

что санаторий переживает не лучшие времена, министерство обороны — бедное нынче ведомство.

Кормят нормально, сытно. Среди обслуживающего персонала много крымских татарок. Разительно отличаются от «наших» приветливостью, услужливостью, добротой. Корпуса постройки, видно, пятидесятых годов. Архитектура — грубая, мрачная. Лоджии с глухими ограждениями, море рядом, но его не видно, нужно вставать из кресла. Палаты маленькие, мебель старая. Оборудование санузлов и душевых (при палате, слава Богу) допотопное. В общем, комфорт еще совковый, и, при существующей системе и ведомственной подчиненности, его не изменить.

А я, как это всегда бывает со мной в первые санаторные дни, перестарался: начал много ходить и по жаре — тоже. К магнитотерапии (ноги) добавили морские ванны (t 370), а это нагрузка солидная. И, как результат, вчера давление пригнуло к 200/100. Начали сбивать и сегодня, кажется, все приходит в норму. Ванны, естественно, отменили, о чем я и не жалею.

Осталась неделя, нужно добыть. Главное: я немного «развёялся», отдохнул от «готовки-мойки-уборки», побыл «на людях» и подлечился. Что еще человеку в моем возрасте нужно?

21 июня 2009 года

Привожу ответы на некоторые вопросы, поставленные мне газетой «Зодчий Тавриды».

ВОПРОС: Какие из искусств для вас дороги, важны?

ОТВЕТ: Архитектура, которую я чувствую душой и сердцем. Совершенство пропорций, игра объемов — светотень, пластика, соотношение цветов, — чем еще можно так наслаждаться?

ВОПРОС: Что вас больше всего радует?

ОТВЕТ: Все прекрасное, в том числе человек. Не утратил способность любоваться прекрасными женщинами. Люблю наблюдать их в танце: только в танце женщина раскрывается полностью, ее чувства, даже против ее воли, обнажаются.

ВОПРОС: С кем из животных вы бы себя сравнили?

ОТВЕТ: С кошкой. Очень остро чувствую фальш и

лицемерие, что сразу же порождает антипатию. Могу встать и уйти, даже не соблюдая приличий, если становится тоскно и неприятно.

ВОПРОС: Ваши семь основных ценностей?

ОТВЕТ: 1. Право человека на свободу, как духовную, так и физическую. Нет идеалов или целей, которые могут быть дороже свободы. На этой почве имел несколько неприятных стычек с умным и уважаемым мною человеком: как можно защищать систему, которая уничтожила миллионы людей за «свободомыслие», то есть за естественное человеческое желание быть свободным в своих уподобаниях, поступках и действиях.

2. Возможность строить свою судьбу самому. Государство должно не мешать, но помогать.

3. Не ущемлять и не унижать человеческое достоинство, в том числе, и по национальным признакам.

4. Уметь понять своего визави, что не значит с ним во всем соглашаться. Поставь себя на его место и постарайся понять его доводы.

5. Не завидовать и не ревновать по любым поводам. Быть довольным тем, что у тебя есть. Значит, иного ты не заслужил.

6. Уметь владеть собой и своими желаниями. Уметь заставить себя делать то, что не хочется, но нужно.

7. Быть оптимистом. Человечество давно бы погибло, если бы могли осуществиться планы недостойных в своих стремлениях людей.

12 июня 2010 года

Только что закончил набор рукописного текста второй тетради моего дневника. Теперь можно вести его при помощи ноутбука. Господи, никогда и не мечтал, что перейду на современные формы интеллектуального производства. И все — Дима. Мой Мальчик буквально заставил меня приобрести ноутбук (за его же деньги), поверить в себя и в свои способности овладеть им, что я сейчас и демонстрирую, разговаривая с читателем при помощи ноутбука. И получать, вдобавок, удовольствие от своего действа.

Я не устаю повторять, у кого еще есть такой внук? Сколько для меня он делает, и чем я смогу отблагодарить его в мои оставшиеся дни. Разве только радостью бытия, которой Дима наполняет мое существование, и теми моими чувствами, которые я ему адресую.

14 августа 2010 года

Завтра жду моего Мальчика в Симферополе.

21.08.10

Сегодня Дима должен уже быть в Мюнхене. Короткий вояж — дома маленький Роник (так мне хочется его называть — получится ли?). В Харькове решался основной вопрос поездки: покупка в Научном соседского участка (примыкает к заднему торцу нашего, те же 18 соток). Сразу скажу: пока не получилось. Семья: бабушка 92-х лет, дочь больная (инсульт), две внучки (обеим должно быть за 40). Про-

сят по 2 тыс. \$ за сотку, всего 36 тыс.\$.

Дима может дать 31. На участке небольшой дом. Как Дима говорит, на первом этаже может получиться приличная гостиная и кухня, спальня — в мансарде.

С Димой обговорили у меня вариант моего переселения, после всех ремонтно-перестроечных работ, в этот домик. Я ухватился за эту идею: Аня — рядом (дом свой они должны же заканчивать стройкой, хоть и трудно с деньгами); и — потом — сколько еще я здесь протяну в Симферополе один? Дима, правда, уже побывав на месте, в телефонном разговоре остудил несколько мой пыл: — А приживешься ли ты, дедуля, на новом месте? Золотой мальчик: и, правда, в моем возрасте, незнакомые коммуникации, окружение, другой, наконец, климат. А — врачи? Здесь у меня своя больница «для начальства», в которой я уже больше 50 лет. Дима сказал: « Симферопольская квартира пусть пока стоит, концы рубить сразу нельзя».

Решение всех дел по участку отложено на сентябрь: «пусть созреют», как считает Дима. Риск есть, хотя реальных претендентов на участок, вроде бы, нет.

## АРМИЯ. ФРОНТ

Хочется написать о днях своей юности. Она пришлась на лихие годы. Мало в ней было того, что ей должно быть присуще: свободы, радости, друзей, встреч, игр, веселья. Много было того, что должно быть в более зрелые годы. Мы стали мужчинами досрочно. Причем, не в физиологическом смысле этого слова. Судьба возложила на наши неокрепшие юношеские плечи тяжкие мужские обязанности и великую ответственность, которые в обычных условиях должны нести зрелые muži.

Октябрь 1939 года

Меня берут в армию. Родители в это не верят, так как у меня близорукость. И, кроме того, я почти не слышу на левое ухо (в детстве оно долго болело, что-то мне мама об этом говорила). Но это уже проще. При проверке не так уж трудно все услышать и на правое.

Я помню свое тогдашнее состояние. Мне было бы стыдно перед всеми, если бы меня признали негодным к службе.

Итак, все свершилось. Военкомат рядом моей 133 средней школой, которую я закончил. Нас строят. Мы идет к вокзалу. Рядом идут родные, близкие. И моя мама тоже.

Что я думал тогда? Трудно сказать. Но я, кажется, был рад. Моя учеба в институте? Я был принят без экзаменов, как окончивший школу с аттестатом отличника. Почему мне не было жаль расставаться с этим моим заслуженным, что ли, положением?..

Мы едем в Москву, нам уже об этом сказали. Со

мной несколько моих друзей и просто знакомых харьковчан. Сережа Попов — мой постоянный партнер по теннису на кортах «Динамо», Теплицкий — известный волейболист.

«...Пишу вам со станции Курск. Приехали сюда в 8 ч. утра. Едем туда, куда я и думал, куда я сказал папе по телефону. Вчера дали нам по пять рублей и обед. Только что позавтракали. Едем в теплушках, человек по 35 в каждой. Спать пришлось часов 4 — 5 — мало места.

Ну, пока и все. Вчера выехали из Харькова в 8 часов вечера с товарной станции. Перед этим была баня...» (Открытка от 30 октября 1939 г., посланная родным с дороги).

Москва

«...Ну, вот я и в Москве. Приехали вчера, 31.X, в 8 утра. На вокзале нас построили и повели в одну из школ Москвы, которая временно занята под казармы. Пробудем здесь дней 10 — 12 — на время карантина, потом перейдем в казармы. Сложили здесь вещи и сразу же пошли в баню. Там выкупались и получили форму (белье нижнее, штаны, гимнастерку, сапоги, шинель, шлем, перчатки, пояс). Повели нас пообедать и в 5 ч. вечера легли спать. Спали мы аж до 6 ч. утра. Я сам удивился, когда проснулся, что так много проспал. В дороге мы очень устали и поэтому спали, как убитые, без всяких снов и прочей чепухи.

Комнаты наши большие, светлые, кровати с никелированными углами, хорошие байковые одеяла, белье все чистое. В общем, приняли хорошо.

Служу я в первой Московской дивизии, которая рань-

ше называлась Пролетарской. В каком роде войск служить буду, не знаю, узнаю после карантина. В какой дивизии служу, никому, пожалуйста, не говорите. Кормят нас хорошо...» (Письмо от 1.XI. 1939 г.).

Помню баню. Распаренные, покрасневшиеся, стриженные — мы одеваем все армейское. Белье, форму. Выглядим, кажется, смешно. Мы это видим и с интересом поглядываем друг на друга. Что-то велико, не все ладится. Наши командиры стараются нам помочь. Самое трудное — справиться с портянками. Мы уже как будто другие. И даже сами себе не принадлежим. Форма внешне обезличивает. Со спины и друга не узнаешь. И когда раздается команда, мы становимся в строй с новым чувством. Пока оно приятно. Юноше всегда приятно надеть военную форму. Все мы в детстве участвовали в «боях» и были влюблены в военные атрибуты.

Мы идем по Москве. Мы поем. Поем украинскую песню «Копав, копав криниченьку...» (кстати, в своей дальнейшей службе я убедился, что многие украинские песни прекрасно поются в строю и в нашей дивизии их помногу и охотно пели). Видимо, не очень стройно. Прохожие останавливаются. Больше женщины, думая, видимо, о чем-то своем. Им понятно, что ты новобранец. Это видно и по нашему мешковатому виду, и по нашим еще мятым шинелям, и по нашему не совсем стройному маршу. Хотя мы и стараемся, но нас видно. А мы так старались, изо всех сил! Мы хотели выглядеть настоящими воинами. Трудно передать это наше чувство, но я твердо знаю, что такого единогодушного желания, порыва что ли, как в этом первом строю, мы, кажет-

ся, больше не испытывали. Во всяком случае, по поэтичности. Это было чувство, к которому не было примешано в этот раз нисколько служебной обязанности, оно не имело себе равных. Чувство восемнадцатилетних, одевших военные шинели!

(Написано в 60-х годах).

«Дорогие папа и мама!

Написал еще вот эту вещь. Вам посылаю первым — не знаю, что с ней делать. Не написать не мог. Меня это переполнило.

Форма, принятая мною, вам, видимо, понятна. По-другому я написать для людей не мог.

Меня только смущает, не очень ли она эгоистична, что ли.

Обычно всегда, прочтя что-то, думаешь, а зачем он это написал? Какую цель он преследует?

Моя цель, очевидно, выражена совершенно ясно. Но не идет ли она вразрез с тем коллективизмом, который нам прививался и в котором заложен, видимо, большой смысл? Действия одиночек не особенно поощряются. Хотя, может быть, это капли того потока, которые потом создают реку.

Поздравляем вас, наших дорогих, с наступающим Новым годом! Целуем вас, желаем вам всего самого, самого хорошего.

Ваши Кадя, Тоня, Аня.

26 декабря 1968 г.

P.S. Как у папы дела с лекарством? Может быть еще что-то нужно? Пишите».

## СЕМЬ ДНЕЙ В АВГУСТЕ

(Рассказ)

Передо мной записки моего друга по партизанскому отряду. Зовут его Виктор Семенович Денисенко. Он вступил в войну с нервах дней ее. Писал он эти воспоминания недавно, но они не лишены интереса, так как искренни и правдивы.

\* \* \*

После окончания войны прошло много лет. Очень многие детали, естественно, утеряны, другие - потускнели, забылись. Но дни начала войны, события первых месяцев настолько драматичны для каждого из ее участников, что основа их не может забыться. Поэтому я без страха за свою память берусь за эти записки, тем более, что картины тех дней много раз мысленно проходили передо мной, и большинство из них укоренились в моей памяти навсегда.

Война началась для меня в Алабино, под Москвой, где наша дивизия была в летних лагерях. Три дня учений, проведенных накануне, обещали нам заслуженный отдых. В то воскресенье подъем был назначен на более позднее время, чем обычно.

Но нам не удалось доспать свое положенное. В строю, на плацу нашего лагерного стадиона мы прослушали речь Молотова, переданную по радио.

Нет смысла загромождать этот рассказ ненужными подробностями во многом однотипными, известными каждо-

му, пережившему то время.

В 6 часов вечера того же 22 июня мы были в наших московских Чернышевских казармах и на другое утро выехали своим ходом на фронт. Дивизия была мотострелковой, и на каждые шестнадцать человек строевого состава была положена автомашина-полупанк.

С дороги я написал два письма моим родным. Одно из них я видел после войны, но оно где-то затерялось. А второе - вот передо мной. Думал пересказать его содержание, но, очевидно, лучше просто воспроизвести его, тем более, что оно короткое:

« 25.6.41 г. Здравствуйте, дорогие папа, мама, Маечка! Пищу вам на большом привале. Едем на машинах на фронт, это вам, конечно, понятно, скрывать не стоит.

Настроение хорошее, т.е. не хандрю, не унываю. К бою готов - не даром же 2 года в армии, да еще в полковой школе. Так что, если придется, то не одного немца убью, прежде чем сам погибну. Или, как у нас ребята говорят: «Все равно я ему раньше глаз выбью, чем он мне».

Жалею только, что мама ко мне не успела приехать. Так хотел ее увидеть!

Ну, вот, пока что и все. Приеду на место, напишу. Сейчас находимся около города Вязьма.

А вы также, мои дорогие папочка, мамочка и Маюшка, не унывайте, все будет хорошо. Наше дело правое, как сказал Молотов, победа будет за нами!

Не скучайте, много не думайте обо мне.

Целую вас всех крепко, крепко, крепко.



Ваш Витя».

Что мы знали о войне? Это мы думали о тех испытаниях, которые выпадут на нашу долю? Но мы, кажется, без страха вступали в эту войну. Мы были молоды и полны сил.

Это было второе и последнее письмо. После этого я канул в лету для моих родных на долгие месяцы вплоть до освобождения моего родного города в августе 1943 года.

В бой мы вступили под Борисовым. Вместе с Борисовским танковым училищем держали оборону на Березине. Битву на Березине! Наша полковая школа, теперь уже первый батальон мотострелкового полка, окопалась вдоль шоссе Москва - Минск. Две яркие вспышки оставили в моей памяти невыправимый след.

Первая: ко мне в окоп вваливается танкист. До сих пор у меня перед глазами его измазанный грязью и кровью комбинезон, висящие руки с опущенными, как плети, кистями и бело-розовые обнаженные кости.

- Где, браток, здесь санчасть?

Как он мог в таком состоянии говорить, да еще двигаться, - уму непостижимо!

И вторая: опушка леса на противоположной стороне шоссе. Во весь рост, не прячась, несмотря на Содом и Гоморру вокруг от взрывов снарядов и мин, стоит полковник Крейзер с группой командиров. Он, конечно, сейчас этого не помнит, но я, впервые попавший под огонь, старавшийся как-то вжаться в землю, я - юнец тогда - отчетливо помню, как вел себя в ту минуту наш командир дивизии. (Через двадцать семь лет никчему, может быть, пафос и возвышенные слова.

Но я должен отметить это событие, отбившее в моей памяти такую метку. Мне стало как-то легче в ту минуту, и я перестал так тоскливо себя чувствовать в моем одиночном окопе).

Потом была дана команда на отход, но я тоже отчетливо помню, что велся он быстрее, чем это было нужно. Пришли в себя мы через несколько километров быстрой ходьбы, переходящей в бег, и то только после властного окрика какого-то батальонного комиссара, довольно энергично размахивавшего пистолетом.

Я начал собирать свое отделение, в котором, к несчастью, тоже были потери. Появился командир батальона капитан Шурухин, все начало становиться на свои места.

После этого были другие бои. Помню нашу контратаку у какой-то деревни. Наступали по не скошенной ржи, низкорослой, уже поспевающей. Немцы начали нас осыпая минами, они рвались со всех сторон. Они косили рожь, как серпом, это было непонятно и страшно.

Впереди меня вдруг вскочил боец, повернулся ко мне. Отчетливо помню застывшие в ужасе глаза, и каску, пробитую насквозь выше его лба. Мины уже накрыли нас.

В какое-то мгновение, уловив систему минометного огня, я понял, что наше спасение только в движении вперед. Я крикнул «Вперед!» и кто меня услышал в ту минуту и последовал за мной, остались, видимо, живы. Обессиленный, весь мокрый, я долго лежал, вдыхая кислый запах металла, разогретой земли и поспевающего хлеба. Разрывы мин все дальше и дальше уходили от нас, а затем и совсем прекрати-

лись.

Мы учились воевать, и наши неосмысленные действия все чаще уступали место здравому рассудку и опыту, приобретаемому кровью.

И, наконец, наступил день, когда я вот так, прямо перед собой, увидел немцев. До этого мы их не видели. Это может странным казаться, но такими были наши первые бои. Были отступления с ночными изнурительными маршами, бесконечными окапываниями и тревожными предутренними снами. Потом артиллерийский и минометный обстрел, бомбежки, автоматная стрельба и разрывы пуль со всех сторон. Опять очередной отход и - ни одного живого немца.

Мы были кадровыми солдатами, и притом, лучшей в Армии дивизии.

Полк наш растерял три четверти личного состава. Правда, основной урон был нанесен на Березине. Но мы, имея хорошую подготовку и высокие боевые качества, были битыми. Мы были битыми, находясь в отличной форме, видимо лучшей, чем противостоящий нам противник. Я говорю о нашей дивизии, и я в этом глубоко убежден.

В этот раз я вел в разведку свое отделение по всем тем канонам, которые вошли в кровь за два года службы в полковой школе.

Мы их взяли в сарае на окраине деревни. Трех немцев у телефонного аппарата, передовой, видимо, пост какой-то наступающей части. Что они в сарае - мы уже знали. Нам сказал об этом старик, встреченный в этой, словно вымершей,

деревне, когда мы, прячась за хатами, проходили по ней. Мы лежали за плетнем, сарай был впереди метрах в семидесяти. Рубленый, с большими темными щелями между бревен, он обращен был к нам торцом. Я думал, как лучше приступить к делу.

Как мы преодолели пространство до сарая, я не помню. И сами события в сарае развивались, как в полусне. Немцы были настолько ошарашены, что не смогли даже толком отдать оружие, и мы его повыдирали у них из рук. Мы их не обыскивали, за что нам потом попало от начальства.

Зато отчетливо помню, как мы вели их в расположение батальона, а затем в штаб полка. Солнце нещадно палило, кровь тяжело бухала в висках, липкий пот стекал из-под каски. Немцы затравлено озирались, еще надеясь, видимо, на что-то.

Я был возбужден и не мог сдерживать волнения. Это была удача, и она была настолько неожиданной, что мне казалось - закрой я на минуту глаза и вновь открой их - немцев я уже не увижу.

Вздохнул я спокойно только тогда, когда увидел радостные лица командира полка подполковника Петрова и начальника штаба капитана Бакланова. Это были первые пленные в полку. Мне говорили потом, что за это дело мы были представлены к наградам. Но события дальнейших дней не дали, видимо, возможности дойти этим реляциям до нужного места.

И, наконец, наша победа над врагом, выразившаяся в

разгроме тыла какого-то крупного войскового соединения. Я до сих пор помню эти предутренние часы и брошенные в ложбине грузовые, легковые машины, автобусы. Десятки их стояли недвижимо, здесь же валялись трупы немцев. Передвижные склады обмундирования, в том числе офицерского. (Здесь я взял себе хромовые сапоги с застёжками и высокими задниками, так как мои пришли в негодность). Полные машины продуктов. Вина, консервы, шоколад. Именно шоколад, это нас поразило особенно. Все брошено в панике, без попыток обороняться.

...Как жаль, что в те дни немцы успели вселить в нас неуверенность. Неуверенность в наших силах и способностях. Будь тогда немного по-другому, имей мы на своих флангах, что ли, такие же войска, уже вкусившие радость хоть временных удач, все могло сложиться иначе. Ведь так оно было, если говорить об истории, в 1943-44 годах. Мы были тогда уже уверенными в своих силах...

Затем сдача Орши, отступление к Смоленску, переформировка и бои в окружении опять западнее Днепра. Нас переправили паромом около местечка Дубровно уже тогда, когда немцы шли к Смоленску. (Я не знал тогда, что этот путь через Днепр я проделаю ещё не один раз).

Бои в окружении. Об этом тяжело рассказывать. Как тогда что складывалось, мне невозможно объяснить, почему мы попали в окружение и зачем было именно нас ставить под это испытание, не могу судить. Я и сейчас, помня все, как было, зная своих товарищей, командиров, наши настроения, думаю, что мы могли бы принести больше пользы, придержи

кто-то нашу мотострелковую дивизию после Смоленска где-то восточнее. (Я был в звании младшего сержанта и не мне судить о стратегических планах. Но я читаю теперь воспоминания больших военачальников, которые отмечают тот факт, что в какой-то момент Москва была почти не прикрыта войсками. Может быть, младшие сержанты не имеют права на такие суждения?)

Я не согласен с теми, которые говорят теперь о том, что мы не готовы были бить немцев в первые дни войны. Это неправда. У нас была достаточно высокая выучка и уж конечно более высокие моральные качества. Я не думаю, чтобы немцы меньше нас любили свою родину. Но они, как потом оказалось и когда пришло это время, не смогли оборонять ее так, как мы свою.

Может быть, это - непередаваемая никому черта нашего народного характера. При всех трудностях того времени и несмотря на них наш народ показал свое величие.

Я никогда не забуду капитана Шурухина, в мирное время - начальника нашей полковой школы. Говорили, что он бывший беспризорник. Если это так, то что-то от этого осталось. Он презирал интеллигентские замашки, а они проявлялись - с нашим пополнением в полковую школу пришли десятиклассники, призванные из городов. Мы страшно мерзли на тактических занятиях в тридцатиградусные морозы зимы 1939-40 годов. Мы ходили на них в деревню Черемушки, которая, кстати, тогда была в 3-4 километрах от окраины Москвы. Мы не могли скрывать своего состояния, реакция наша на холод была иногда детской (нужно учесть,

что нам было все же по 18 лет). Это вызывало яростное недовольство капитана Шурухина. «Мокрые курицы» и другие, более яркие эпитеты сыпались на нас дождем. Капитан, когда волновался, очень картавил, но это не мешало восприятию его совершенно справедливых слов. Перед нашим строем он был в неизменных хромовых сапогах и никогда не опускал отвороты шапки-ушанки. Я не думаю, чтобы он меньше мерз, чем мы.

Он учил нас стойкости. И при всем нашем неведении, она постепенно впитывалась в нас.

В один из тяжелых дней окружения, в дождь, где-то под деревней Чепелинка Могилевской области, я отдал капитану Шурухину свою плащ-палатку. На другой день он послал меня с группой в разведку, и больше я не видел ни капитана, ни оставшихся с ним людей. Мы вернулись на то место, где оставили батальон, но не нашли никого,

И вот эти дни оторванности от всего привычного. За два года службы в армии, да еще в такой части, я усвоил многое. Причем усвоил непосредственно, так, как оно было нам преподано, всей своей душой, понимая, что так и нужно. Я, видимо, никогда не смог бы пойти в «самоволку». Для меня страшным испытанием было бы, если бы мне объявили взыскание. Говорят, что тот не солдат, кто на «губе» не сидел. Я не сидел на «губе». Я старался нести службу по велению своей совести, и она тогда меня не подводила. Я был к тому времени на доске почета Московского военного округа и награжден знаком «Отличник РККА». Я не хочу, чтобы кто-то воспринял эти слова как желание чем-то вы-

делить себя. У меня другая цель, но я пишу, как оно было, а это - факты, их никуда не денешь.

Я не представлял себя вне армейской системы, и это будет понятно всякому, кому дисциплина была привита в такой степени, как нам. Но наши отчаянные попытки найти в могилевских лесах капитана Шурухина не привели ни к чему. Большими категориями я не мыслил, и встречи с блуждающими группами, кроме разочарования, у меня больше ничего не вызывали. Два-три дня бесполезных исканий убедили нас в том, что мы предоставлены самим себе.

Нужно было что-то думать. Фронт отдалялся все дальше на восток, мы отчетливо себе это представляли. Значит, наша цель - движение туда, и этому мы подчинили все свои порывы.

В один из дней, вернее ночевок на сеновале, я остался вдвоем с незнакомым младшим лейтенантом. Это был Петр Иванович Тиньгаев, с которым меня связала судьба на многие дни. В это время мы находились уже в Смоленской области, в почти безлесной местности, вблизи фронта. В армейской одежде наше движение вперед было немыслимо. В какой-то деревне мы переоделись. Я облачился в полотняную крашенную в синий цвет «пару», Тиньгаев - в бумажный полосатый костюм и свои же сапоги. Я был вынужден снять мои трофейные немецкие, получив в обмен старые парусиновые туфли.

Мы достаточно наголодались за эти дни окружения. В деревнях с нами делились последним, русские люди видели в нас своих сыновей. Но нас было слишком много, и по

этому «маршруту» на восток через одну и ту же деревню иногда проходило сотни окруженцев. В обычном случае - картошка, молоко. И это, как правило, раз в день.

Мы приближались к Ельне. Уже по утрам слышна была артиллерийская стрельба. Небо на востоке озарялось вспышками. Мы, казалось, были у цели.

В один из дней обычное благоразумие изменило нам. Тиньгаев - старше меня на десять лет, более выдержанный, рассудительный, и тот дрогнул, и мы в середине дня зашли в какую-то деревню.

Мы ничего не можем сказать плохого о хозяйке этой хаты. Видимо, - такое стечение обстоятельств. На столе, за которым мы сидели, в тарелке лежало крупно нарезанное сало, и хозяйка уже несла от печи миску с дымившейся картошкой, когда в хату зашел какой-то с виду невзрачный мужичонка с бегающими глазами. Он сказал приветливо и, вроде, радостно:

- Здравствуйте!

И вслед за ним, сразу же, ввалились в хату два немца.

- Хальт!

Направленные на стол автоматы заставили нас приподняться.

Нас вывели на улицу. Под столом в хате остались лежать наши котомки, в которых вместе с нехитрым скарбом были пистолеты.

Нас подогнали к машине, около нее уже было несколько человек таких же, видимо, как и мы. Молодой немец содрал с меня фуражку.

- Солдатен? - спросил он, посмотрев на мою стриженную голову.

- Найн, студент, - ответил я.

Немец что-то буркнул, усмехнувшись. Он внимательно присмотрелся и к Петру, увидев, очевидно его хрозовые сапоги, хотя и прикрытые брюками навывпуск.

Через час езды в большой деревне нас воткнули в какой-то полутемный сарай. Он был до отказа набит людьми.

Так мы попали в плен. Это было десятого августа сорок первого года.

Глупо и необъяснимо. Тем более, что мы уже слышали о том, что немцы очищают в прифронтовой полосе все деревни от мужчин старых и молодых - способных носить оружие.

Много мы передумали в эту ночь, осмысливая наше положение, такое трагичное и такое неожиданное, что в него даже трудно было поверить. К утру только забылись в тревожном сне. Петро, мой родной Петро, которого я любил за эти дни скитаний всей любовью младшего брата, был со мной. Я к нему льнул всей душой, и хотя мы были несхожи характерами (я был более впечатлительный, нервный, деятельный) и, может быть, вследствие этого мы крепко сдружились и нам было бы очень трудно друг без друга в последующих событиях.

На другой день нас привезли в Починок. Я не могу вспомнить теперь, что это за городишко и в какой части его находился лагерь. У меня перед глазами только проволока и

выбитая тысячами ног голая земля.

Мы не могли, естественно, сидеть все время на одном месте. Голод и страшнейшая тоска по свободе толкали нас по этому людскому муравейнику. Мы поневоле впитывали все, что видели вокруг.

Что это была за картина! Большинство было в выдавшей виды армейской форме. Много было раненых, сидевших или лежавших на земле. Были и в гражданской одежде, но я узнавал во многих из них таких же, как и мы солдат, успевших до плена где-то переодеться.

Нечего было и думать достать здесь что-либо поесть, хотя мы и замечали, что еда кое у кого была. Можно было раздобыть щепотку табаку или окурочек. Чаще это удавалось мне, и тогда мы с Петром где-то пристраивались и блаженствовали те короткие минуты, на которые хватало нам добытого курева.

В этих бесконечных перемещениях по лагерю мы наткнулись на группу довольно резко выделяющуюся на фоне серой массы пленных. Почти в новой армейской форме, добротных ботинках, с плотно набитыми вещмешками. Среднего возраста дяди, они старались обособиться, курили из только что начатых пачек махорки, не обращая внимания на окружающих. Не разобравшись вначале что к чему, я было сунулся к ним с надеждой закурить, но отскочил, как ошпаренный, хотя мне, как будто, ничего особенного сказано и не было.

Да, в плен люди попадали по-разному! Я еще потом замечал несколько таких же компаний, солидных, с уверен-

ными движениями, знающих себе цену и то, что нужно делать, людей.

Тысячи мужчин собралось на солнцепеке на этом небольшом клочке земли. Вчера они дышали одним воздухом и делали общее дело. А сегодня их судьбы обособились, разделились, и воздух, казалось, у каждого был свой. Что делает с людьми такой страшный и для большинства непредвиденный поворот судьбы! Как сразу проявляются характеры, люди начинают смотреться резче, контрастнее, становятся понятнее.

Мы с Петром скоро установили, что это далеко не безразличная ко всему, кроме голода, масса. Мы толкались в толпе, слышали обрывки разговоров, как и большинство, хотели найти знакомых, однополчан. Носились слухи о том, что местных, опознанных родными, а также жителей западных областей Белоруссии и Украины немцы отпускают домой. Велись разговоры о последних неудачных боях под Ельней, повлекших за собой пленение многих воинов.

Души раскрывались не сразу - в толпе шныряли какие-то подозрительные личности. Но симпатии определились довольно безошибочно. Души все же были обнажены, и гниль из них выходила в большинстве случаев наружу, что давало возможность быстро разобраться в человеке. Нам с Петром наша линия была ясна сразу, без всяких недомолвок, - бежать и только бежать. Бежать чего бы это не стоило, не зависимо от того, что за этим следовало.

На другой день разыгралась трагедия. В полдень привезли баланду. Несколько подвод с дымящимися бочками

въехало на территорию лагеря. Вокруг них сразу же образовалась галдящая толпа, обраставшая, как снежный ком, бегущими со всех сторон людьми. Мы с Петром не имели никакой посуды, что лишало нас возможности получить что-либо. Мы бросились искать эту проклятую посуду. Возле «куркулей», как мы сразу же назвали солидных дядей с зажатými в руках вещмешками, я нашел две пустые консервные банки. Дяди не шелохнулись при виде подвод с баландой, им она, видимо, была не нужна.

Когда мы вернулись обратно, все было кончено. Немцы не дали себе труда навести порядок с раздачей пищи. Несколько автоматных очередей уложили десятка полтора людей, и толпа сразу же отхлынула от бочек. Палками и ударами прикладов была создана очередь. Лагерь тут же был разделен на две половины, в одну из которых направлялись получившие баланду. Возможность получения второй порции была исключена.

Это была первая еда за три дня плена. Мутная горячая жижа, в которой плавали кусочки брюквы и гнилой картошки. Мы мигом проглотили наши порции. В желудке стало тяжело, как будто туда бросили подогретые на огне камни. Раздача баланды закончилась к вечеру. Лагерь постепенно затихал. Бродили только вновь поступавшие пленные, партии которых периодически выбрасывались в ворота. И мы с Петром пристроились в каком-то месте. Легли, тесно прижавшись друг к другу и натягивая на себя концы Петькиного пиджака. Это была наша третья ночь в плену.

Постепенно лагерь расслаивался. Стихийно группиро-

вались местные. Так называемые «западные» и просто гражданские тоже хотели обособиться. К ним приставали случайные люди, единственным желанием которых было хоть куда-нибудь пристроиться и найти в этом хоть какую-то возможность решить свои ближайшие цели.

Немцы старались быстрее разгрузить лагерь, находившийся в такой опасной близости к фронту. На третий день пребывания в лагере мы попали в партию, которую должны были отправить дальше на запад.

И вот мы в машинах. Немцы размещаются в кабине. Я до сих пор не знаю, зачем нам предоставили такой комфортабельный путь движения. Но важно, что мы движемся. Сотни вариантов роятся в моем мозгу. Ему ни минуты нет покоя. Мы сидим в последнем ряду крытой машины, перед нами пейзажи прекрасной смоленской земли в пору ее зрелости - в августе месяце. Но глаза замечают только свое: вот машина снизила скорость, вот следующая за нами скрылась за каким-то поворотом, здесь - лес рядом, густой кустарник, где можно скрыться. Петро безмолвно понимает мои мысли, он тоже больше ни о чем не думает. Наши колени прижаты, они фиксируют то, что можно было бы в другой обстановке выразить словами. Сзади слышны приглушенные разговоры, перешептывания. Люди вдыхают в себя пьянящий хвойный воздух, их тоже неодолимо тянет на волю.

Наконец, кажется, момент найден. Дорога безлюдна - наша машина натужно берет подъем. Вокруг лес. Петро командует:

- Быстро, хлопцы!



Я приподнимаюсь, и одна нога уже за бортом. И в ту же минуту в меня вцепляется, как клещами, сосед слева. Он хрипит, говорит что не хочет умирать, что это безрассудство. Дрожь бьет его тело, но меня он не отпускает.

- Ребята, все успеем, погибнем иначе!

Это Петро хочет разрядить обстановку, вдохнуть в притихших людей решительность, мужество. Еще несколько мгновений борьбы, сзади чувствуется движение. Но в это время в поле зрения опять появляется идущая за нами машина.

Эх, люди, люди! Что вы думаете, что движет вашими поступками? Вывалиться из машины каким-то двадцати человекам - нужны секунды, и мы в лесу. Сердце переполняет невыразимый гнев. Я стараюсь получше запомнить лицо этого подлого труса, хотя и понимаю, что он почти неуязвим. Нашим счастьем будет, если он нас не продаст по приезду на место. Машина набирает скорость...

Так мы попали в Оршанскую тюрьму.

Интересны судьбы у тюрем. Уже после войны я жил в городе, несколько раз переходившем из рук в руки. Он был разбит до основания. Тюрьма осталась цела. Во многих городах, бывших в оккупации, по странному стечению обстоятельств, тюрьмы остались целы. Оршанская тюрьма уже тогда была разрушена. Остались коробки зданий, часть территории немцы пригородили колючей проволокой.

Здесь - тоже кипящий муравейник, тоже тысячи из-

можденных, оборванных людей. Также чувствуется атмосфера пересыльного лагеря, хотя «порядка», видимо, больше. Уже мелькают одетые щеголевато, упитанные, с какими-то повязками на рукавах молодчики, уверенно себя чувствующие в толпе. Они создают группы из пленных, куда-то ведут их. Мы начинаем понемногу осматриваться. На вновь прибывших пока никто не обращает внимания, и мы разбредаемся по лагерю.

Эти дни в оршанской тюрьме тоже вспоминаются отрывками. Помню спуск к Днепру, куда под конвоем гоняли пленных по воде. На наших глазах были убиты в воде несколько пытавшихся бежать солдат. Но это тоже был вариант, и мы долго присматривались к этому близкому к нам берегу реки.

На ночь мы забирались в разрушенное здание тюрьмы.

Укладывались на валявшихся в коридорах листах кровельного железа и опять тесно прижимались друг к другу. Ночи уже были прохладными, а здесь меньше дуло.

Мы постепенно теряли силы, баланда в этом лагере досталась нам всего один раз. Даже Петро - широкоскулый краснощекий крепыш - и тот начал сдавать. Нужно было что-то решать.

Мы приткнулись к группе гражданских, называвших себя «западными» и ожидавших отправки. Мы мало были похожи на них, даже в разговоре нас можно было сразу отличить, но мы все же рискнули. Нас быстро отшили, причем не без помощи самих же пленных. Я схватил при этом

такой удар плеткой, что до сих пор это воспоминание вызывает во мне определенные эмоции.

Некоторые уже начали приспосабливаться к лагерному быту. Они экономили на всем: в движениях, в переживаниях, в еде. Обзаводились первостепенной необходимостью вещами: котелками, одеждой. В широком ходу был обмен - всем, чем можно было. И на черном лагерном рынке действительно почти все можно было достать. И опять мне припомнились дяди из починковского лагеря с туго набитыми вещмешками.

Они смирились с настоящим своим положением. Их единственным желанием было выжить. Во что бы то ни стало! Все же здесь стреляли редко. Не лезь, куда не нужно, не противься, и тебя не тронут. Война для них уже проходила стороной и не думаю, чтобы все они поголовно желали победы врагу. Может быть даже наоборот. Но без них! С них довольно!

Я не хочу обижать десятки тысяч воинов, пробывших в фашистском плену до конца войны. Разные были судьбы, и не все могли бежать. Я только не могу согласиться с «непротивленцами». Их было достаточно в те дни. Они вызвали во мне неприятное чувство, я не мог считать их полноценными людьми. (Может быть, я по другому был воспитан, кто его знает. Или роль играл возраст. Хотя, мне кажется, что я вел бы себя так же и сейчас, через двадцать семь лет после тех дней). Человек должен захотеть, тогда ему нет преград. Это точно, и я много раз на собственном опыте убеждался в этом. Результат не всегда бывает желанным, трудно преду-

гадать его заранее. Человек с твердыми убеждениями всегда рискует. Иногда это - импровизация, так как все рассчитать вперед невозможно.

И вот опять у нас перспектива покинуть Оршанскую тюрьму. Нас строят по двадцать человек и собираются куда-то везти.

Опять мы с Петром живем надеждами. Мозг работает лихорадочно. Что будет с нами в этом пути?

Наша двадцатка гуськом покидает ворота тюрьмы. Впереди вышагивает долговязый немец, автомат болтается у него не шее. Я предпоследний, Петр - сзади меня. Мы увидели стоящие здесь же на улице автомашины. Вдоль них теснились люди, в основном, женщины. Они с надеждой вглядывались в каждую очередную партию пленных. Немцы прикладами старались создать дистанцию.

Нас подвели к крытому серым брезентом грузовику. Передних немец уже заталкивал в кузов. Я оглянулся на Петра. До людей было метров десять. Наше спасение было рядом, нужно было решиться.

Я собрал всю свою волю и двинулся к толпе. Петру - я чувствовал - последовал за мной. Только бы не дрогнуть, не побежать. Больше безразличия и уверенности. О, эти проклятые консервные банки- атрибуты лагерного быта. Как они жгут нам руки! Ноги сделались ватными, но они несут нас вперед. Все решал момент, мгновения. Если кто-либо из немцев заметит наше бегство - мы погибли. У немцев были достаточно твердые «педагогические» принципы - попытки

к бегству наказывались только смертью.

Мы воткнулись в толпу, люди нас заслонили. Банки сразу же полетели в кошелку рядом стоявшей женщины. Нужна была хоть мгновенная передышка. Страшное нервное напряжение сковало движения. Кто-то сунул нам кисет с табаком. Я инстинктивно оглянулся. В памяти отпечатались наш немец, бегущий обратно к воротам тюрьмы и что-то раздраженно кричавший на ходу. Нужно было немедленно уходить.

Мы двинулись вдоль людей, все ускоряя шаг. Толпа начала редеть, и мы пошли улицами Орши. Мы только один раз остановились около двух немолодых евреек, стоявших у дома. Они нам показали дорогу на мост через Днепр, дав на прощанье несколько картофельных лепешек. Я до сих пор помню их печальные лица и темные, пронизанные болью, глаза.

Через несколько минут мы опять были за Днепром, на его восточном берегу.

Это было семнадцатое августа сорок первого года.  
1968 г.

Послесловие к «Семи дням в августе»

Все, что написано в «Семи днях в августе», - рассказ о пережитом мною.

Виктор Семенович Денисенко — это я. Фамилию и отчество я взял от своей мамы (Евдокии Семеновны Денисенко).

Всю правду, как она здесь описана, я рассказал на

единственном допросе у следователя в лагере по спецпроверке в Грязовце Вологодской области, куда меня завезли в январе 1943 года после перехода линии фронта, который осуществила наша партизанская бригада отрядов «Бати» в декабре 1942 г. В лагере я находился около месяца и отсюда попал в 34 зап. стр. полк 24 зап. стр. бригады в Вологде. Из запасного полка в сентябре 1943 г. меня направили в Велико-Устюгское пехотное училище.

Вот коротко и все.

За время пребывания в лагере я понял, что распространяться о пребывании в плену не стоит. Хотя ко мне лично никаких претензий на допросе и потом предъявлено не было, я уже начал понимать нашу репрессивную систему, которая в каждом видеела потенциального врага. Я ни в чем не был виновен, к моему поведению нельзя было придраться, но я был в плену. Как бы ты ни был честен, порядочен, готов пожертвовать даже собой во имя Родины, - ты уже был запятнан, заклеймен и ходу тебе не было никуда.

Поэтому уже при первой переписи в запасном полку в Вологде я сказал только об окружении.

Эти семь дней плена были выброшены начисто из моей биографии. Об этом знают сегодня только моя Тоня и КГБ, а до этого мои родители.

Это мое первое письменное свидетельство о пребывании в плену после допроса сначала в пересыльном лагере в Калининской области, а затем — в упоминаемом мною выше Грязовецком.

Мои дети, сегодня это только Аня, мой внук и до сих

пор не знают об этом.

Кстати, в Керчи в 1950 году, когда встал вопрос о моем допуске к совершенно секретной работе (по долгу службы - зам. главного архитектора города) и меня пригласили в КГБ, где уже были, видимо, данные о моих показаниях в Грязовце, я сказал, что мое признание о пребывании в плену было вызвано желанием быстрее пройти процедуру проверки.

Но что ни делается, все к лучшему. Вызов в КГБ и отказ в допуске заставили меня бросить все и поехать в Горки Могилевской области, где был тогда в роли председателя колхоза мой командир бригады «Звезда» Войстров П. И. По его характеристике бюро Горецкого райкома компартии Белоруссии подтвердило мое пребывание в партизанском отряде. А затем в Керчь пришла и архивная справка, которую я подал в Керченское КГБ, получил допуск к совершенно секретной работе.

И после этого на протяжении всей моей жизни вопрос о плене нигде не возникал, хотя мое дальнейшее продвижение по службе в каких-то ситуациях, о которых я не знаю, было, видимо, с этим связано.

Достаточно было того, что я был в окружении и в партизанах, а значит, проходил проверку, данные о которой запросить было не трудно.

04 февраля 1993 года.

P.S. Я не один так поступал. Миллионы людей в советской стране вынуждены были скрывать свое или своих родителей происхождение или прошлое: дворянское, поповс-

кое, купеческое; службу в царской армии; наличие лошади, скота, земли в крестьянском хозяйстве (кулак); пребывание на оккупированной территории, в окружении или в плену; работу в годы оккупации (неважно где), хотя кормить семью нужно было.

Ноябрь 2004 года.

Письмо Героя Советского Союза генерал-полковника Г. В. Бакланова.

В 1941 году в звании капитана Бакланов был начальником штаба нашего 6-го ордена Красной Звезды мотострелкового полка 1-й Московской мотострелковой дивизии.

Речь идет о рассказе «Семь дней в августе».

«Москва, 2 дек. 70 г.

Многоуважаемый Аркадий Михайлович!

Примите мои извинения за столь долгое молчание. Прочел с большим интересом и Ваше творчество и письмо. Когда читаешь — нет никаких сомнений в правдивости и искренности воспоминаний. Для меня особенно, ибо изложенное Вами в первой половине (до плена) переживал и помню и я. Даже в группе Крейзера на шоссе я был и это помню.

Что касается изложения, то оно для рассказа не подходит. Если Вы имеете ввиду эти записки иметь только для себя, дома, то, вероятно, они Вас могут полностью удовлетворить. Но, если Вы хотите их где-то опубликовать, то нужна, конечно, большая литературная обработка Вашего подроб-

ного, фактического материала. Тогда это может читаться с большим интересом.

Вот мое мнение с предельной прямоотой и откровенностью, за что прошу не сетовать. Такова уж моя натура. Лстыть не могу.

Спасибо Вам за поздравление с праздником и добрые пожелания.

Пользуюсь случаем выразить Вам и Вашей семье лучшие чувства к наступающему Новому году.

С искренним уважением Бакланов».

Письмо Г. И. Косареву — автору книги «Люди и звери» (изд. Московский рабочий, 1964 год).

Г. И. Косарев, тогда — ответственный работник ЦК КПСС, был членом комиссии по расследованию зверств немцев в Смоленской области. Какими источниками пользовался автор при написании книги — мне неизвестно. Предлагаемое письмо родилось уже после издания книги и моего знакомства (по переписке) с Г. И. Косаревым.

«Уважаемый Георгий Иванович!

Я хочу сказать о героях Вашей книги то, что знаю о них, и то, что думаю.

Нина ШУТОВА

Их — три сестры. Интеллигентная семья с глубокой смоленской деревне (до районного центра — Монастырщины — 12 км). Две, как я помню, уже кончили педагогическое училище, младшая — Анна — училась, помещала

война.

В 1941 году, когда мы пришли в деревню, отца и матери их не было. Были дедушка и бабушка (оба или один из них — сейчас не помню). Где отец и мать Шутовых — тоже сейчас трудно сказать. Мне — сквозь туман многих лет, кажется, что отец был репрессирован. А, может быть, и нет.

Почему я говорю об интеллигентности? Видимо потому, что в те времена в одной семье три учительницы встречались редко.

Я попал в эту деревню в сентябре 1941 года. Шли мы из окружения вместе с Петром Ивановичем Тиньгаевым — младшим лейтенантом, 1911 года рождения. Он был на 10 лет старше меня. (Я был младшим сержантом 1-й Московской мотострелковой дивизии — бывшей Пролетарской, - в которой служил срочную службу с 1939 года. Дивизия попала в окружение под г. Орша).

Мы думали пробиться через фронт. Это была трудная задача, если учитывать обстановку, сложившуюся в то время на этом участке фронта. К тому же — осень — дожди, слякоть, но, основное, - успехи немцев на этом, главном на Москву, направлении.

Чем ближе к фронту, тем сложнее становилось двигаться. Немцы в прифронтовой полосе подчистую забирали всех мужчин призывного возраста, особенно окруженцев. Население, напуганное различного рода приказами немцев, часто остерегалось проходящих через деревни чужих. Нужно было осмотреться, решить, как действовать дальше. Мы с

Петром вынуждены были где-то остановиться. Остановились в д. Лобково Монастырщинского района Смоленской области, что 3 км от Досугово, где был сельсовет.

И как остановились? Мы проходили через Лобково. Выдался редкий в сентябрьскую полу на Смоленщины солнечный день. Одеты мы были довольно скверно. Петро — в пиджаке и полосатых бумажных брюках, в командирских, которые он все-таки не снял, хромовых сапогах. Я — в полотняных рубашке и брюках, крашенных в синий цвет, и в парусиновых туфлях, полученных в обмен на армейскую форму в д. Чепелинка Могилевской области, от отца призванного в армию тракториста. Теплого ничего не было.

Около гумна курят мужики.

- Куда вы, ребята?

- Дайте закурить, - мы в ответ.

Закурили.

День хоть и солнечный, но холодный, а одеты мы не ахти как. Один из мужиков говорит:

- Пойдемте ко мне, ребята.

Так мы с Тиньгаевым попали в семью Лахуриных. Отец — Николай, мать (имени не помню), сын — Прокоп, его жена — Анна.

Приняли, как родных. Первым делом — баня. Деревенская, рубленая. Раскаленные камни, ведро воды на них — и нечем дышать. Зато прошибает пот — до костей. Все снимает — грязь, усталость, плохое настроение. Анна принесла нам чистое белье — Прокопа ли или его отца Николая — мы были благодарны.

Вы сами это понимаете. Сентябрь, немцы прут к Москве и вдруг — о, баня!

Мы благодарны этой деревне и людям, живущим в ней. Их, таких деревень, были сотни и на Смоленщине, и в Белоруссии.

Но — о Нине Шутовой. Нас, окруженцев в деревне Лобково было 25 человек. На 50 дворов. Это много. Почему мы уцелели зимой 1941 года — об этом позже.

Среди 25 окруженцев или «пленных», как называли нас местные жители, тоже была разные люди. По возрасту — не старше 30 лет.

Сестры Шутовы являлись центром сосредоточения, если можно так сказать. Я до сих пор помню их дом, деревянное крыльцо, ведущее в него. В доме, а, чаще, на крыльце (несмотря на зиму) собиралась деревенская молодежь и мы — окруженцы. Возникали и взаимные симпатии. Были и танцы под гармошку. Помню, они проходили через один или два дома от Шутовых. Видимо, какая-то одинокая женщина сдавала свой дом для молодежи. Здесь я, городской житель, впервые узнал такие танцы, как под-эспань, польку и другие.

Наступил ноябрь, затем декабрь месяцы. Деревню завалило снегом. Тревожные слухи о взятии Москвы. Это было тяжелое и неопределенное время. Я помню, как один из проходящих из окружения солдат-украинцев — звал меня с собой, говорил, что «все кончилось» и что незачем здесь сидеть, можно уже идти «по домам». Он так и ушел.

И как удар грома среди ясного дня — «Правда» с докладом Сталина о 24 годовщине Октябрьской револю-

ции. Это теперь кажется, что тут такого. Нужно понять то время, сложившуюся обстановку, вспомнить, кем был для нас Сталин, тогда все будет ясно.

Как попала «Правда» к Шутовым, я сейчас не помню. Не первой свежести экземпляр, уже побывавший в руках, но как он дорог нам был! С каким благоговением мы на него смотрели, читали и не верили, что это правда!

Наше общение с сестрами Шутовыми, с Ниной, которая была старше не только по возрасту, но и по своим другим качествам, с молодежью и жителями Лобково, несмотря на все слухи, не верившими в наше поражение, вселяло уверенность в хорошем будущем. Народ не смирился, не пал духом — это главное.

Мы завоевали молодежь, она влияла на старших. Я об этом говорю потому, что содержание в такой маленькой деревне 25 человек военнослужащих ничего хорошего жителям ее не сулило. За укрытие солдат — расстрел, все это хорошо знали.

Нина имела большое влияние на молодых лобковцев. Их помощь нам имела громадное значение. Мы постепенно подкапывали оружие. Ведь наше пребывание в деревне носило временный характер.

Нужно сказать, что в эти первые месяцы войны не было условий для развертывания массового партизанского движения. Всюду — и в Белоруссии, и на Украине — оно только становилось на ноги. Операции, если они и были, не носили постоянного характера. Нужно было укрепить и нам, присмотреться друг к другу, узнать, кто чем дышит.

Нам нужно было во что бы то ни стало продержаться какое-то время в Лобково. В этом нам крепко помогли Нина Шутова с молодыми лобковцами и Лукашов (о нем — позже).

Я в этот период сдружился с Ниной. Меня призвали в армию после окончания десятилетки. Духовная общность сыграла свою роль. Она знала все обо мне, о моей семье. Мои родители жили в Харькове. Сразу же после освобождения Смоленщины от немцев они получили письмо из Лобково, уже от Марии — сестры Нины, так как Нина погибла, — где сообщалось обо мне и моем пребывании в Лобково.

## ЛУКАШОВ

Где-то в декабре 1941, если память мне не изменяет, началась регистрация немцами всего населения, в том числе и окруженцев. До этого мы уже слышали о Лукашове — начальнике досуговской полиции. Нам говорили, что он — младший политрук, местный житель. Попал в окружение, вернулся в родную деревню, стал начальником полиции — значит, служит немцам. Предатель, враг?

Мы жили в постоянном напряжении, в постоянной готовности немедленно уйти. Ведь Досугово — всего в трех километрах. Бургомистр там — немка (фольксдойч Майер), правая рука ее — Лукашов. Встреч он с нами не искал. Ему это тогда и нельзя было делать. Ни мы его, ни он нас не знали.

Я сейчас хочу осветить одну сторону деятельности Лукашова в тот период, которая имела громадное значение для



сохранения в эту смутное время для активной деятельности десятков солдат и офицеров Советской Армии, осевших по воле случая и судьбы на оккупированной территории в сфере влияния Лукашова, в волости, где он был начальником полиции. Это не нашло достаточного отражения в Вашей книге, а это очень и очень важно. Кстати, и Лукашов не был бы Лукашовым, которого мы теперь глубоко ценим, если бы не это обстоятельство.

Регистрация — дело серьезное. К этому времени у нас в Лобково появился и староста, некто Денис, местный житель, худощавый мужик лет 50-ти, покладистый, не вредный и, к нашему счастью, понимавший, что к чему. 25 человек окруженцев на 50 дворов — большая сила! К этому только немного сознания и совести — и уже немцы не так страшны.

С Денисом мы поладили: мы перестали его бояться, он побаивался нас. Как я теперь понимаю, он не хотел служить немцам. Слепой случай и слабоволие сделали его старостой. И он, с нашей помощью, более или менее благополучно выполнял свои обязанности, и был, в общем-то, безобидным.

Никто из нас при регистрации не рискнул причислить себя к местным жителям. Да это и невозможно было сделать в этом краю, где каждый каждого знал до седьмого колена. Я записался под действительным именем, назвав местом жительства Люботин (поселок под Харьковом, куда мы мальчишками ездили купаться).

С тревогой мы ждали результатов этого шага немцев. Мы понимали, что этот шаг предпринят для выявления осев-

ших в деревнях военнослужащих Советской Армии и для принятия по отношению к ним определенных акций.

Проходит январь, половина февраля — спокойно. В Лобково несколько раз в сопровождении полицейских был Лукашов, мы его видели, он, очевидно, нас. Встречался он со старостой. После каждого такого визита — несколько дней тревоги.

## ТИНЬГАЕВ

К этому времени большое влияние на нас всех приобрел Петр Иванович Тиньгаев — человек изумительно выдержанный, спокойный, всегда не унывающий и веселый, розовощекий крепыш, которого я безгранично любил любовью младшего брата. Я к нему льнул всей душой, и трудно сказать, что было бы тогда со мной и всеми нами, если бы не Тиньгаев.

## ЛУКАШОВ

...В феврале — марте через деревню одиночками, по двое-трое прошли окруженцы, бежавшие из деревень Белоруссии, других районов Смоленской области. Немцы начали подбирать и отправлять в лагеря всех не местных жителей.

Нас пока не трогали. Да и в соседних деревнях, где мы знали, осел наш брат, было спокойно.

Нам тогда трудно было это понять. Мы рады были этому, но тревога, пожалуй, усиливалась.

Что же такое Лукашов? Нужно знать то время, чтобы понять наш вопрос. В те времена случались такие непости-

жимые вещи, что сразу разобраться во всем было трудно. Самые устоявшиеся понятия летели вверх тормашками. Начальник полиции — политрук и, значит, член партии? Идти к немцам с такой «биографией» и не пытаться выслужиться? Было над чем голову поломать.

Немцы в нашей деревне за весь этот период были два или три раза. Но и то — заготовители «яик» и «млека» из Монастырщины, приезжавшие небольшими партиями и имевшие дело с Денисом. Мы их не трогали. У нас были более важные дела. Мы им тоже не были нужны. Внешне мы ничем не отличались от местных жителей, и если кто из нас и попадался им на глаза, они нас не замечали.

## ЗОРАК

Где-то в это же время побывал в Лобково и Зорак. Видимо, по своим врачевным делам. К Лахуриным привел его на ночлег Денис. Зорак был в армейской шинели, на костылях. Почему к Лахуриным — я до сих пор не знаю. Может быть потому, что здесь был Тиньгаев, которого уважал и боялся Денис?

Беседа наша с Зораком была в общих тонах. Он расспросил, кто мы, откуда, сколько нас в деревне, кто они такие. Он расположил себя к нам. Да нам, собственно, и скрывать было нечего. Мы были на виду, в Досугово о нас уже знали.

Хозяева поставили на стол самогонку. Все без стеснения, выпили. Я до сих пор помню, что Зорак не старался перед нами показаться иным, чем он был на самом деле.

Откровений особых не было. Их и не могло быть между людьми, встретившимися первый раз. Но никто и не «темнил».

Зорака положили спать на печи. Запах больницы, которым он пропитался, остался у меня в памяти. Несколько дней он чувствовался в доме Лахуриных.

## ЛУКАШОВ

Это очень важно, что я пишу о Лукашове. Это, пожалуй, настоящий подвиг. Не каждый может взять на себя ответственность за судьбы десятков военнослужащих Советской Армии, осевших в деревнях Досуговской волости, которые по всем тогдашним немецким законам должны были быть отправлены в лагерь. Лукашов эту ответственность на себя взял. Трудно сказать, как это ему удалось. С одной стороны, видимо, благородство и безграничная человечность тех русских людей, в чьих семьях мы находились в то время. Над их головой все время висел дамоклов меч расстрела за укрытие солдат и командиров Красной Армии. С другой стороны — бесстрашие и твердость самого Лукашова, который в любую минуту мог попасть на виселицу по первому же доносу какого-либо предателя. Ему нужно было очень осторожно вести себя, малейших промах грозил провалом.

## АФОНИН

Об Афонине мы тогда еще ничего не знали. В условиях зимы, жесточайшего террора немцев, мы не могли выходить за пределы деревни без крайней на то надобности.

Каждому из нас, остановленному немцами или полицейскими где-то на дороге между деревнями, грозил, как минимум, лагерь. Местные жители имели какие-то справки, удостоверяющие их коренную принадлежность к этой местности. У нас этих справок не было. Поэтому о наших людях, пребывающих в соседних деревнях, мы знали только понаслышке. Личных контактов почти не было.

### ТИНЬГАЕВ

Приближалась весна. Рядом с Лобковым начинался лес, который соединялся с белорусскими лесами, шел к Каспийским лесам на Смоленщине, и был нашей, пожалуй, главной надеждой на случай каких-либо непредвиденных обстоятельств. Мы уже начинали себя чувствовать увереннее. Это потом, когда был накоплен опыт партизанской борьбы, было установлено, что зима не худшее, а, пожалуй, по некоторым соображениям, и лучшее, чем лето, время для партизан. Тогда же нам казалось, что наше спасение и наша активная борьба связаны только с весной, когда лес оденется зеленым нарядом и станет нашим родным домом.

Старшинство Тиньгаева к этому времени признали уже все. Все чаще мы собирались группами, все вместе, используя для этого все возможности и, чаще всего, вечерние сборища молодежи. Вопросы рассматривались конкретнее, применительно к нашим действиям по выходу в лес. За зиму наши взаимоотношения прояснились, товарищество окрепло, всем было понятно, что от организованности и сплоченности зависит успех нашего дела (забегая вперед, скажу, что в лес ушли 24 человека. Только один — узбек, по-моему по на-

циональности, тихий и незаметный парень, почему-то остался и был впоследствии захвачен немцами. Судьбу его дальнейшую я не знаю).

Наши хозяева Лахурины тоже, видимо, чувствовали, что мы скоро уйдем. Как-то само собой получилось, что без лишних просьб и разговоров мы довольно прилично экипировались. Лахурины снабдили меня хорошими сапогами, почти новой фуфайкой. Одеты были и Тиньгаев, и другие наши товарищи.

### ШУТОВА

Мы уходили в лес, оставляли Лобково, благодарные людям этой деревни за их высокий патриотизм. Я не думаю, что наше пребывание в этой деревне всем лобковцам нравилось. Кроме обычных симпатий-антипатий здесь могло быть совсем другое человеческое чувство — страх за свою жизнь. Лобковцы с честью вышли из этой борьбы чувств.

Я оставил адрес моих родителей Нине Шутовой. То же сделал и Тиньгаев. Трудно было предположить, что с нами будет дальше. Нам хотелось, чтобы мы не исчезли бесследно в этом водовороте событий. Расставание было грустным — мы оставляли людей, с которыми сроднились и в которых поверили. Что будет с ними после нашего ухода? Не принесет ли он им несчастья? Я помню слова Нины, сказанные на прощанье: «Лобково — ваша родная деревня, здесь живут близкие вам люди. Надейтесь на нас. Будет плохо — мы всегда рядом». Нужно сказать, что пока отряд находился в лесах, расположенных вблизи Лобково, мы были

частыми гостями там. И — опять крыльцо дома Шутовых, опять задушевные беседы, радость встреч. Но мы теперь были иными. В наших руках было оружие, лобковцы не могли скрыть своего уважения к нам.

## АФОНИН

Афонин на несколько дней опередил нас с выходом своей группы в лес. Это послужило толчком и для нас. Тем более, что с приближением весны резко возросла активность немцев. Нам нужно было немедленно оставлять деревню, чтобы не навлечь беды на наших гостеприимных хозяев. По каким-то каналам мы сразу же узнали об Афонине.

И вот мы все вместе. Группа Афонина насчитывала семь человек, нас пришло 24. Но приоритет был сохранен, и отряд начал называться по имени его командира — отрядом «дяди Саши». Сам же «дядя Саша» - Афонин — молодой человек, невысокого роста, суконная армейская гимнастерка, синие брюки, сапоги, военная фуражка, ремни — таким он мне запомнился на всю жизнь.

## ЛУКАШОВ

Почти одной из первых операций отряда был разгром досуговской волостной полиции. Операция была разработана блестяще, в ходе ее был «захвачен» партизанами начальник полиции Лукашов с группой полицейских. Часть полицейских была расстреляна на месте. В руки партизан попала денежная касса.

Так в отряде появился комиссар — младший полит-

рук Лукашов. Где была в момент операции бургомистр Майер и почему к ней ничего не было предпринято — мне трудно теперь сказать. Время, к сожалению, не лучший друг нашей памяти.

## ТИНЬГАЕВ

В эти дни погиб Петр Иванович Тиньгаев. Нужно же было так случиться, что именно он стал первой потерей в нашей отряде.

В один из вечеров мы небольшой группой пришли в Лобково. Как всегда, расположились на крыльце Шутовых. Тиньгаев ушел ненадолго по каким-то своим делам. У нас была твердая договоренность о действиях на случай встречи с немцами и намечен пункт сбора. Не прошло, буквально, и получаса, как в деревню ворвался немецкий карательный отряд. Это было крайне неожиданно, но мы все же успели уйти огородами в лес. Принимать бой было нельзя. Лобково и его люди нам были крайне дороги.

Ушли, но Тиньгаева с нами не было. Мы его прождали в условленном месте несколько часов. Из деревни доносился бешеный лай собак, одиночные выстрелы. Что с деревней, где Тиньгаев?

Тиньгаев был убит по дороге к лесу, в нескольких десятках метров от деревни. Отстреливаясь, он пытался уйти. Это ему не удалось. Деревня, к счастью, осталась цела.

Тиньгаев был похоронен на лобковском кладбище. Сейчас его прах покоится в братской могиле в с. Досугово, куда он был перенесен уже после войны.

Когда началась война, семья Тиньгаева (его жена ждала ребенка) осталась где-то в военном городке в городе Горьком. У меня был это адрес, и после перехода линии фронта, уже из военного училища, куда я был зачислен курсантом, я писал несколько раз его жене. Однако ответ так получен и не был. Тиньгаев, по национальности мордвин, женился еще до армии в родной деревне, находящейся в Горьковской области. Видимо, с началом войны, учитывая городские трудности, жена его вернулась в свою деревню. К сожалению, куда — я не знаю, адреса у меня не было.

Так и не пришлось мне сообщить грустную весть близким Петра Ивановича Тиньгаева, рассказать о последних днях его жизни. Писала в Горький, я знаю, и Мария Шутова, но тоже безрезультатно. Еще один «пропавший без вести» для семьи. А мы, все знавшие о нем, бессильны были что-либо им сказать.

## ЛУКАШОВ

С приходом Лукашова в отряде начал устанавливаться строгий порядок и вводиться воинская дисциплина. Это очень важно было, учитывая то обстоятельство, что мы находились в том же районе, где провели зиму и где у нас были друзья и знакомые.

В памяти остался один тяжелый случай. Впервые в моей жизни на моих глазах был расстрелян человек. Один из партизан нашего отряда заболел и отпросился на несколько дней в деревню, где он жил, с тем, чтобы подлечиться. Вскоре он был приведен в отряд. По достоверным све-

дениям он вел в деревне разгульный образ жизни, рассказывал всем и все об отряде, вооружении, количестве партизан, наших намерениях. Это было, конечно, предательством. Его расстреляли перед строем, он стоял молча и был, как будто безразличен, ко всему происходящему. Перед залпом закрыл лицо руками и закричал. Я до сих пор помню его звериный крик на одной высокой ноте: «А-а-а-а!..»

Смотреть было тяжело. Но все сразу поняли крайнюю необходимость этого жесточайшего акта. Не каждый может поднять руку на своего ближнего. Вынести ему смертный приговор. Только высокие общественные цели, сознание своей ответственности за других, ведущих борьбу в тяжелейших условиях немецкого тыла, могут привести к правильному решению. Это, видимо, была именно та крайняя необходимость.

## АФОНИН

Отряд рос. В небольших пока операциях ковался боевой дух партизан. Мы учились воевать. Хотя большинство из нас были кадровыми солдатами, да и призванные из запаса успели побывать в боях, опыта партизанской борьбы у нас не было. Нужно было его накапливать. Афонин и Лукашов усиленно разрабатывали планы операций, используя для этого наши связи с местными жителями и сведения о немцах, получаемые от них. На фронте я был помкомвзвода разведки батальона. Был и некоторый опыт. Мне поручили разведку. Это было мне по душе, и в дальнейшем разведка стала моим родным партизанским делом. Когда часть отряда влилась в партизанскую бригаду «Звезда», действовавшую в Моги-

левской области БССР, я и там был назначен помощником начальника разведки бригады.

В это время остро встала проблема продовольственного снабжения отряда. Та помощь, оказываемая на первых порах нашими друзьями из местных деревень, не могла уже нас удовлетворить. Да и мы теперь не могли злоупотреблять добротой людей, у которых почти ничего не было и для себя. Нужно было переходить на свои хлеба.

Была осуществлена операция по ликвидации крупного немецкого госхоза, созданного на базе нашего совхоза. Мы довольно хорошо разведали охрану, расположение отдельных объектов в госхозе. Наметили, кто и что должен делать. Сложность операции заключалась в том, что хозяйство находилось всего в 10 — 12 км от Смоленска, буквально в получасе езды на автомашине. Но охрана поэтому была не ахти какая: что-то человек двадцать немцев, два — три поста.

Разведка шла впереди. Мы довольно бесшумно ликвидировали часовых, но захватить врасплох казарму, размещенную в одном из бывших рабочих общежитий совхоза, не смогли. Без стрельбы не обошлось, и несколько немцев ушло под покровом ночи. Смоленск — рядом, времени у нас было в обрез. На наше счастье, убежавшие, видимо, не пошли прямой дорогой на Смоленск, опасаясь преследования или засады. Это дало нам выигрыш по времени.

Мне почему-то поручили свинарник. Знай я хоть немного этих проклятых животных, я бы, конечно, принял все меры к тому, чтобы отказаться.

Со мной и несколькими хлопцами увязался Лешка — адъютант Афонина, которому, как мне казалось, не совсем по душе были его обязанности. Душа его льнула к разведке, к острым ощущениям, к импровизации. Мы с ним первыми ворвались в свинарник. Нашли какой-то фонарь. Свиньи начали пробуждаться, но, не потревоженные, добродушно похрюкивали. Мы соображали, как приступить к делу. Азарт удачно начавшейся операции, общее возбуждение, а также отсутствие времени толкнули Лешку на форсирование событий. Лешка вынул пистолет и успел произвести несколько выстрелов по облюбованным им свиньям.

Боже мой, что тут было! Обезумевшие животные бросались из одного угла в другой, все сметая на своем пути. Кто-то успел закрыть двери, мы еле спаслись на имевшихся в помещении каких-то ларях, подоконниках и других возвышенных местах. Я ругал Лешку последними словами, а под нами носились взбесившиеся звери. Казалось, что нам здесь пришел конец, нас самих нужно выручать из беды, в которую вовлек всех бесшабашный и нетерпеливый Лешка.

К счастью, свиньи скоро утихомирились. С подоспевшими на помощь умудренными в этих делах хлопцами, нам удалось отеснить свиней в угол, сделать что-то вроде загородки и, выпуская по одной, уже без помех приканчивать и складывать в подъехавшие повозки. Часть связали и уложили живыми.

Мы вывезли из госхоза подвод тридцать муки, круп, меда, сахара, угнали около сотни коров, стадо овец, вывезли убитыми и живыми более сотни свиней. С нами ушло не-

сколько рабочих совхоза, крепко нам помогших в осуществлении этого дела. Мы взяли с собой шесть человек наших военнопленных, которых немцы заставили работать в госхозе. Проблема снабжения отряда продовольствием была на некоторое время решена. Коров и овец мы поручили московскому ополченцу, моложавому бородатому деду с парабеллумом на боку, прибившемуся к нашему отряду. Часть скота и муки вернули тем людям, которые так самоотверженно помогали нам в трудную минуту.

В июле погиб командир отряда Афонин. Я уже писал Вам, как это случилось. Он был убит сразу. Мы его нашли на улице выселка. Он лежал на спину, раскинув руки. Немцы успели снять пистолет с ремнем, планшет и армейскую фуражку. Лешка-адъютант соскочил с коня сразу и ушел огородами, прибежал к нам на опушку леса почему-то босой, с дикими глазами, потерявший дар речи. Командир хотел уйти на коне...

Мы приехали в эту деревню часов в десять утра группой человек в 10 — 12. С нами был «Максим» на тачанке. Встретили приветливо, начали жарить яичницу. Ми сидели около хаты какой-то бабки, ждали. В полукилометре от деревни — выселок в несколько дворов. Там — сборный пункт молока. Афонин: «Лешка, поехали. Надо разбить бидоны». Нам приказал ждать. Кто мог предположить, что так все получится?

Мы выбили немцев из выселка сразу же. Нам сказали, что их было четыре машины. Будь немцы немного понастойчивее, похрабрее что ли, мы все бы там остались. Деревня

и выселок расположены были вдоль опушки леса. Услышав автоматную стрельбу и разрывы гранат, мы в считанные минуты были около выселка. Нужно было преодолеть метров 200 открытого пространства. Очередь из станкового пулемета, и мы в рост пошли к хатам, к своему командиру, надеясь все-таки его спасти...

Вы в своей книге написали немного по-другому. Может быть, так и нужно, я не знаю. Я пишу о том, что произошло на моих глазах.

Жму Вашу руку.

С уважением А. Усык.

Май 1968 г.»

Март 1944 года

(Написано в Каргополе, в Велико-Устюжском военном пехотном училище)

В октябре 1942 года наша 4-я партизанская бригада отрядов «Бати» Смоленской области в количестве двухсот человек снова перешла по отрядам фронт после небольшого отдыха на «Большой Земле».

Местом для расположения был выбран лес, прилегающий к реке Каспля, довольно большой по площади.

В первую очередь приступили к строительству землянок: приближалась зима, нужно было обеспечить себя жилищем, которое могло бы скрыть партизан в часы отдыха от мороза, снега. Старик-партизан нашего взвода Быков, знающий толк в подобного рода строительствах, явился нашим прорабом.

Несколько групп партизан занялись отыскиванием и перевозкой в лагерь складов зерна, которые были здесь созданы еще летом, так как наша бригада до перехода через фронт действовала в этом же районе. Одновременно выкапывали и перевозили картофель из сожженных деревень, прилегающих к лесу (деревни вокруг леса были почти полностью выжжены немцами еще в период августовских боев 42 года).

В общем, шла кипучая подготовка к зиме. Стучали топоры, раздавался треск поваленных деревьев, визжали пилы. Только в короткие минуты завтрака, обеда затихал лес.

Чувствовали мы себя свободно. Лес большой, лагерь был от опушки в 5 км, на всех опушках были выставлены секреты и посты. Кроме нас в лесу были расположены 5-я партизанская бригада, партизанский полк подполковника Гришина, партизанский полк подполковника Садченко, отряд Анисимова. В общем, силы собрались порядочные — до 1000 человек. Кроме строительства землянок, заготовки продуктов, велась и другая подготовка. Работали сапожники, девушки вязали теплые носки, рукавицы. Была отправлена одна группа, которую повел «папаша» Быков, как мы его называли, — местный житель, отлично знавший район — на железную дорог Витебск — Смоленск. Ею был удачно взорван эшелон противника с продовольствием и боеприпасами. Кроме того, они принесли ценные сведения о расположении гарнизонов полиции и немцев в нашей округе.

К концу октября землянки были выстроены, созданы запасы зерна, картофеля. У семей полицейских было рекви-

зировано более десятка коров. Сделали жернова — партизанскую мельницу. С хозяйственными работами в основном было покончено. Можно было приступать к выполнению тех задач, которые поставил перед нами штаб 4-й ударной армии Калининского фронта.

В первую очередь командование бригады решило уничтожить крупный гарнизон полиции, расположенный в двух деревнях Спас-Липки и Сыро-Липки, разделенных небольшой рекой. Он был расположен ближе всех к нам, возглавлялся изменником Родины бывшим агрономом Болтуном.

Сюда был собран различный сброд: раскулаченные, поднявшие голову с приходом немцев, бывшие заключенные, осужденные за разного рода преступления против Родины, и другие. Была, правда, часть силой, обманом вовлечена немцами в полицию, некоторые из них потом добровольно перешли на нашу сторону.

Задача была трудная. Обе деревни были хорошо укреплены (вырыты окопы, дзоты, все подходы были заранее пристреляны). Очень мешала река.

Как бы то ни было, а гарнизон должен быть разгромлен, так как он держал в своих руках все близлежащие деревни. Полицейские под маркой сбора налогов занимались разнузданным грабежом, пресекали всякие попытки связи с нами, с помощью немцев жестоко расправлялись с теми, кто не хотел служить немцам. Но осуществить сразу эту операцию не удалось. 1 ноября наша разведка обнаружила, что в сторону д. Чачино, расположенной на опушке и сожженной ранее немцами, движется карательный отряд немцев силой



до двух батальонов. Остановились они в Спас-Липках и Сыро-Липках.

2 ноября они сожгли небольшую деревеньку на опушке леса, в которой уже никто не жил. С нашей стороны были приняты меры предосторожности. На опушке леса были усилены караулы, вокруг лагеря вырыты окопы.

Рано утром 3 ноября немцы совместно с полицией, отлично знавшей наш лес (большинство их — местные жители), начали наступление. Прямо по дороге, ведущей к лагерю, пошла их небольшая группа, которую не пропустило наше боевое охранение. Большой же частью сил каратели обошли посты и секреты и пошли на нашу бригаду, ближе всех расположенную к опушке.

Здесь им был дан должный отпор. Наткнувшись на наш огонь, потеряв большое число убитыми и ранеными (их всех они, правда, успели унести), вынуждены были отойти. Наши потери были: двое убитых и один раненый. Нужно сказать, что немцы в лесу ведут себя неумно. Разгоряченные выпитой водкой, которая, однако, не приглушает их страх перед лесом, партизанами, немцы страшно шумят, беспорядочно стреляют. Со стороны можно подумать, что охотники гонят большого зверя, такой крик, стрельба сопровождают движение немцев.

Кроме страха перед неведомыми и страшными для них людьми — партизанами, шум был вызван также и другой причиной: испугать партизан, заставить уходить, прятаться по лесным чащобам.

В ответ мы приняли другую тактику. Ага, вы шумите,

- хорошо, тем лучше для нас: мы всегда будем знать, где вы. Поэтому и сорвалась их попытка взять нас «на горло». То, что они вошли в лес, не спросив разрешения у «зеленого прокурора», дорого им стало. Короче, победа была за нами.

Но успокаиваться было нельзя. Этот шаг немцев можно было считать попыткой боем разведать наше расположение, наши силы.

Поэтому комбриг наш ст. лейтенант Молчанов, «дядя Костя», как мы его дружески называли, решил с согласия командиров других бригад переменить место расположения лагеря. Жалко было бросать с таким трудом вырытые землянки, обжитые уже, ставшие родными. Кроме того, стало уже подмораживать, земля днем не отходила, вот-вот мог выпасть снег. Но, ничего не поделаешь. Каждый понимал, что оставаться здесь нецелесообразно.

Место для нового лагеря было выбрано в двух километрах от старого, за 5-й бригадой и полком Садченко. Землянки разрушили, все ценное забрали и к вечеру начали рыть землянки на новом месте. Ночь пришлось провести в наскоро выстроенных шалашах.

Дружной работой землянки к октябрьским праздникам была в основном выстроены. На каждый отряд (их было в бригаде четыре) выстроено по просторной землянке с двумя железными печками, нарами. Начато было строительство землянки-бани.

7 ноября 1942года — великий праздник советского народа — был отмечен и у нас. Из Москвы дошел сюда, в смоленские леса, голос великого Сталина, подводившего ито-

ги Отечественной войны. Наш радист слушал по радио доклад т. Сталина, приказ, записал основные положения. Здесь же в лесу собрали митинг, поклялись выполнить тот приказ, который дал т. Сталин партизанам.

Командование решило отметить праздник проведением операции по разгрому полицейского гнезда в Сыро-Липках и Спасс-Липках. Уже темнело, когда бригада по отрядам покинула лагерь, оставив караулы, и двинулась на выполнение операции. Наш 2-й отряд, которым командовал мл. политрук Бекетов, совместно с другими отрядами, должен был атаковать деревню Спасс-Липки.

Отряд бесшумно движется по дороге, ведущей в Спасс-Липки. Впереди с двумя разведчиками идет командир взвода Алексей Марков — смелый, боевой командир. Не доходя деревни метров 200, залегли. Ночь темная, хоть глаз выколи, это хорошо. Воздух прорезала длинная очередь станкового пулемета. Это из деревни. Традиционная стрельба, без которой полиция спать не ложится. Самое страшное для них — ночь. Вот они и «пугают» партизан. Минут пять во всех направлениях воздух прорезывают трассирующие пули. Затем все стихло, и взвод Маркова пополз к деревне. Его задача — снять посты. Если это будет сделано, то сигналом для движения остальных будет тихий свист.

Томительное ожидание. Слышно вскрик: видно какого-то полицая неаккуратно «побеспокоили». Затем — тихий свист.

Бригада поднялась, почти бегом бросилась в деревню. Заранее было установлено, что полицейские на ночь собира-

ются в кирпичной школе, которая окружена окопами, в окнах выставлены пулеметы. Теперь задача — незаметно подойти к ней. Вскочили в деревню. Около школы раздался одинокий выстрел — видно заметил часовой, затем автоматные очереди, взрывы гранат. Раздалась короткая очередь из станкового пулемета и захлебнулась.

Бригада разделилась: один отряд должен был обследовать все хаты, остальные — штурмовать школу.

В это время раздалась стрельба, взрывы гранат и по другую сторону реки, в Сыро-Липках. Часовой у школы опоздал. В ответ на его одинокий выстрел в окна полетели гранаты. В каких-то десять минут со школой было покончено. В ней нашли себе могилу более двух десятков полицейских — никто из них не ушел. Трофеи — один станковый пулемет, винтовки. Между тем, в Сыро-Липках не утихала стрельба. По нам и по мосту через речку начал бить миномет. Очевидно, что-то предполагая и, может быть, каким-нибудь способом узнав о готовящемся на них нападении, полицейские в Спасс-Липках оставили лишь небольшое прикрытие. Основные же силы сосредоточили в Сыро-Липках. Как помочь 5-й бригаде?

Небольшой мостик через реку они обстреливают из миномета, пулеметов. Комбриг решает три отряда послать вброд через речку, наш отряд оставить в Спасс-Липках.

Но момент неожиданности уже потерян. Пока наши отряды переправлялись через речку, 5-я бригада уже отошла. Сыро-Липки были укреплены лучше, там было около десятка станковых пулеметов. Через их огонь партизаны не смог-

ли прорваться. Как было установлено потом, полицейские потеряли в Сыро-Липках больше десяти раненых и убитых. Наши потери — несколько раненых.

Из Спасс-Липок мы увели 8 коров, вывезли девять подвод хлеба, принадлежавших полицейским.

Так закончилась операция против этого гарнизона. Он хотя и не был полностью разгромлен, но все же полицейских «попугали» крепко. Это было для них грозным предупреждением.

Ноябрь месяц 1942 года прошел в дооборудовании лагеря. Закончена была землянка-баня, начали строить лесной госпиталь.

В ноябре же одна группа успешно сходила на железную дорогу Витебск — Смоленск, взорвала эшелон противника. Была также послана группа через фронт за боеприпасами, которых было в обрез.

20 ноября 1942 года лес окружила танковая и пехотная дивизии немцев. С ними было до 900 полицейских. Все дороги, просеки они заблокировали танками, броневиками.

Командование всеми партизанами, находящимися в лесу, взял на себя подполковник Гришин. Хотя и недостаточно было боеприпасов, но решено было не уходить из леса.

В этот же день немцы со всех направлений начали наступление на нас. К этому времени выпал снег, все они были одеты в белые халаты. Первым бой принял отряд Анисимова. Три раза пьяные немцы ходили в атаку, неся большие потери, и, все же, вынудили отряд отойти.

Подошла ночь. Немцы из леса не ушли. Это было

впервые, обычно на ночь они в лесу никогда не оставались.

На второй день они подошли в 5-й бригаде. Наша бригада пришла на помощь. Залегли метрах в стах перед землянками. Все ближе и ближе крики, стрельба. Вот уже замелькали между деревьями белые халаты. Немцы идут полуколымом, стараясь охватить нас с флангов. Долгожданная команда «огонь». Крики и стоны раненых немцев, падают убитые. Первая атака отбита.

Минут десять затишья. Перезаряжаем диски к автоматам, пулеметам.

Слышны команды офицеров, опять подымается шум, стрельба. Стреляют разрывными. Они рвутся над головами, сзади, спереди, создают видимость окружения.

Вторая атака также была отбита. Но все же кольцо окружения сузилось, нам для отхода оставался лишь узкий проход.

Поняв, что атакой в лоб не возьмешь, немцы вырубili площадки для минометов, мины начали рваться над головами, осыпая дождем осколков. Трех человек ранило. Получен приказ отходить. По группам организованно отходим.

В этот же день бой принял полк Гришина. Но здесь немцы не прорвались. На следующий день бои шли у нашего лагеря и опять таки у лагеря полка Гришина. К вечеру немцы атаковали и полк Садченко.

В этот день мы не отступили ни на шаг. За ночь были вырыты окопы. Вечером подсчитали боеприпасы. Гранат почти нет, патронов остались считанные единицы. Ночью была получена радиogramма с разрешением выйти из лесу.

Прорвав кольцо окружения, ночью бригады покинули лес. Хотя мы и оставили лес, но победа была на нашей стороне. Немцы желаемой цели - разгромить, уничтожить партизан, не добились. В результате трехдневных боев было уничтожено более трехсот гитлеровцев, взято несколько десятков винтовок, автоматов, несколько пулеметов. Наши же потери исчислялись единицами.

Примечание. Сегодня, 26 ноября 2004 года, я свидетельствую, что это был мой последний бой с немцами.

Все бригады и два полка пошли к фронту и в декабре 1942 года его перешли.

Письмо А. А. Дуде

«Дорогой Афанасий Антонович!

Увидел Ваш адрес в дополнении к книге ветеранов дивизии и почти на 99,9% процентов уверено, что это Вы, которого я знаю по полковой школе.

Сам я в 1939 году был призван в нашу дивизию и сразу же был зачислен курсантом полковой школы 6-го полка. Вы были в полковой школе писарем. Так?

Если это так, то Вы должны меня вспомнить. Я — Усык Аркадий Михайлович.

Учился в школе отлично. В 1940 году был занесен на доску почета Московского Военного округа и награжден знаком «Отличник РККА». Все эти представления готовились для Павла Ивановича Шурухина, конечно, через Вас. У меня даже есть справка о том, что я служу в 6-м полку, и

выписана, как мне кажется, тоже Вами (послал ее тогда домой и мама сохранила).

И еще один сюрприз в этом конверте для Вас. Вы его уже видели. Эту вырезку из газеты с фотографией тоже сохранила моя мама. Я стою во втором ряду и отмечен «галочкой». Фамилии перечислены только тех, кто попал в первый ряд. Думаю, Вы будете рады этой неожиданности, если у Вас не сохранилась такая же вырезка.

В двух словах о себе: живу сейчас в Симферополе, работаю, но уже получаю персональную республиканскую пенсию. Архитектор по профессии.

С первых дней войны был все время в том батальоне у капитана Шурухина, который был образован из полковой школы. Я Вам не сказал, что после окончания полковой школы в 1940г. я был оставлен в ней командиром отделения. После окружения прошел партизанский отряд, с которым перешел фронт в декабре 1942 года.

Из наших товарищей по школе помню Рябошапку, Вальченко, Кулиша, Кутно (был запевалой в школе, если помните), того же Кузьменко, что на фотографии вместе с нами, Павла Шило, Петрик (замполитрука), из призыва 1940 года Гришина (у меня есть фотография вместе с ним после парада 1941 года, как получу Ваш ответ — вышлю), замполита школы Вьюнкова (он сейчас, кажется, живет в Калининграде).

О всех перечисленных товарищах ничего не знаю, кроме Васи Кулиша, которого случайно встретил в Харькове в 1946 или 1947 году, он учился там в партийной школе. Но

его фамилии что-то нет в книге ветеранов.

Командиров взводов почему-то не помню, только помню, что перед войной на должности командиров взводов пришли в полковую школу молодые ребята только что после училища.

Напишите о себе и о тех наших сослуживцах, которых помните, кто погиб и кто жив. О Петрове — комполка и Кабанове — полковом комиссаре. С капитаном Шурухиным в окружении я был все время вместе и даже отдал ему свою плащ-палатку.

Но в один вечер где-то в лесу он послал меня с группой разведать на опушке деревню. Мы обнаружили нам немцев, понаблюдали за ними, но когда вернулись, капитана Шурухина на том месте уже не нашли. Несколько дней ходили по этой округе, но его и след простыл. Напишите, пожалуйста, о себе в те дни. На Березине — до Смоленска, обратно через Днепр и окружение. Где были, что делали?

Получу от Вас ответ, вышлю свою фотографию тех лет и теперь.

Пришлите и мне свою.

Обнимаю, дорогой друг-однополчанин.

Крепкого Вам здоровья».

(отправил 23 января 1985 года, когда были готовы репродукции).

Письмо В. Е. Фоменко

«Уважаемый Владимир Елисеевич!

Только что получил Ваше письмо, и так как сегодня

суббота, есть время, я Вам сразу же отвечаю.

Война застала нас действительно в летних лагерях, это — ст. Алабино по Московско-Киевской ж-д. Там были постоянные лагеря нашей дивизии, где мы часто бывали и зимой.

Служил я в полковой школе 6-го ордена Красной Звезды полку мотострелковой дивизии, сначала — курсантом, а затем ком. отделения в этой же школе. Так в 1941 году назывался наш полк и дивизия (раньше полк был 1-м). В дивизии был еще 175 мотострелковый полк, артполк, танковый полк и др., что положено.

Командовал полковой школой капитан Шурухин Павел Иванович, впоследствии — генерал-майор, дважды Герой Советского Союза. Так что все правильно.

При полковой школе была, как и положено, канцелярия. Старшим писарем был мл. сержант Дуда Афанасий Антонович, я о нем Вам писал. Писарем у него был Николай, в звании красноармеец, что тоже точно, так напечатано и в газете. Кто учился в школе — были курсантами, это Вам тоже понятно. Насколько я помню, Николай в полковую школу пришел в 1940 году, видимо, из стрелкового батальона нашего же полка. Может быть, и при помощи Дуды, так как тот до призыва учился в театральном училище в Харькове. А после войны и до самой своей кончины в прошлом году работал художником-оформителем (художественного образования не получал). Послевоенная судьба Дуды сложилась трудно, так как он в 1941 году, будучи раненым, попал в плен, мытарствовал там долго, был освобожден в конце войны. И

хотя в 1941 году был награжден орденом Красной Звезды, отношения к нему, как побывавшему в плену, было отвратительное. Я считаю, что преследование и недоверие к тем нашим воинам, которые побывали в плену, является позорным для нашего общества, о чем сейчас говорят, но прошлого не вернешь. Судьба у Дуды была исковеркана, в театральный институт после войны он не попал, в театре работать не смог, морально был подавлен. Горечь и обида остались до конца его дней, о чем он мне написал, когда мы обнаружили друг друга (тоже благодаря этой же фотографии, которую я Вам послал). Это было в 1985 году.

Я немного отклоняюсь от Ваших вопросов, но хочу подробнее Вам написать, чтобы было понятнее.

Я в полковую школу (и в армию) был призван после окончания десятилетки в Харькове, с первого курса института, в 1939 году, восемнадцатилетним (я рождения 1921 года). Это был первый призыв по новому закону, по которому после десятилетки призывали в армию восемнадцатилетних.

Я был строевым (Вы понимаете, конечно, разницу между писарем и курсантом или ком. отделения в полковой школе), но с Дудой дружил, а через него — и с Николаем. И хотя служба у нас была разная (у меня - несравненно тяжелее, так как полковая школа нашей дивизии славилась на всю армию, как образцовая, и на ней проверялись всякие новшества по линии наркомата обороны), но в свободное время встречались, как друзья.

Я помню, что у Николая были очки, но постоянно он

их не носил. Тогда к «очкарикам» отношение было другое, поэтому и старались мы в них не особенно «щеголять».

Николай с Дудой были заняты в канцелярии, делали тоже нужное дело, но нам, насколько я помню и понимаю, не завидовали. Я, кстати, как писал об этом Дуда, служил действительно добросовестно, был занесен на Доску Почета Московского Военного округа, награжден знаком «Отличник РККА», отделение мое было лучшее в школе. Это требовало много труда и пота, поэтому-то Дуда и написал, что Николай не хотел бы попасть ко мне в отделение. Это было сказано по-товарищески и, конечно, с должным уважением к нашей действительно нелегкой строевой службе в полковой школе.

Дивизия, полк наш, полковая школа почти сплошь состояли из украинцев, это было по традиции — комплектовать Пролетарскую дивизию из украинцев. Делалось это из уважения к тем достоинствам, которыми наш народ действительно обладает, и мы были, конечно, горды оказанным нам доверием. А где украинцы — там и песни. Мы и в строю, шагая по Москве (в баню, на парадную подготовку в ЦПК им. Горького) пели украинские песни: «Копав, копав криниченьку...», «Ой ти, Галю...» и др. Эти песни прекрасно поются в строю, и москвичи всегда встречали нас восторженно.

Так мы попали все вместе и на эту фотографию, которую я Вам послал. Это, как я помню, было в 1941 году, в лагерях в Алабино, куда мы ежегодно, сразу же после майского парада, буквально через день-два, переезжали.

21 июня 1941 года мы вернулись с больших трехднев-

ных тактических учений. Помню, были дожди, холодные. Вернулись мы в Алабино поздно ночью, и подъем поэтому был назначен на 22 июня (как помните было воскресенье) позднее обычного. Но нас подняли по тревоге, и на дивизионном стадионе мы узнали, что началась война, и услышали речь Молотова. Вечером мы уже были в Чернышевских казармах в Москве. В лагерях бросили все свои личные вещи, которые у каждого, хотя и в небольшом количестве, имелись.

По имевшемуся, видимо, мобилизационному плану прошла переформировка. Полковая школа была преобразована в 1-й мотострелковый батальон нашего полка, командиром батальона был назначен П. И. Шурухин. На другой день мы на машинах (дивизия уже была укомплектована полуторками — по 16 человек в каждой, на них мы летом 1940 года освобождали Литву и Латвию) по шоссе Москва — Варшава выехали на фронт.

Сосредоточение дивизии должно было произойти где-то в районе Минска, но мы успели доехать только до Борисова. Вот здесь, на Березине, и состоялся наш первый и знаменитый теперь по истории бой, где наша дивизия вместе с Борисовским танковым училищем дала первую битву немцам в этой войне.

Что это был за бой, я Вам могу сказать только следующим примером: из 3,5 тыс. штатного состава, который имел наш полк, из боя вышло меньше 400 человек. Страшные потери были, правда, в меньшем количестве, в 175 МСП нашей дивизии. Почти полностью погиб танковый полк (тан-

ков Т-34, по-моему, еще не было, но было несколько КВ, это я точно помню).

Я немного отвлекся и не написал о Николае. Как мне кажется, и насколько это следует из тех писем, что мне написал Дуда, Николая с ним уже не было. Наверное, в батальоне, которым стала наша полковая школа, положен был только один писарь, и с Шурухиным остался, конечно, Дуда. Николая же, видимо, перевели в другой батальон, может быть, даже в строевую роту, не писарем.

После Березины мы отступали до Орши, затем до Смоленска. Все это в состоянии если не окружения, то полуокружения, так как я не помню, чтобы справа и слева от нас кто-то был. Нас постоянно пополняли, дивизия была очень стойкая, командный состав высокого качества, и это позволяло сохранять и боеспособность и дисциплину в то тяжелое время.

Под Смоленском (это начало июля) нас в течение полусуток в очередной раз пополнили и бросили опять под Оршу. Через Днепр у местечка Дубровно наш полк переправили на пароме, мосты уже были взорваны. И здесь мы уже оказались в самом настоящем окружении, так как отход на восток отрезал Днепр, который немцы справа и слева от нас форсировали, тут же был взят Смоленск.

Наши бои в окружении — это особая история. Для меня все это кончилось только в декабре 1942 года, когда я в составе партизанской бригады перешел фронт, а затем, через запасной полк, уже попал курсантом в пехотное училище. Николай же, как теперь можно определить, в этих боях, если

не погиб, то мог быть ранен и, как Дуда, как тысячи других мог попасть в плен.

Остаться живым в плену — это удел немногих посвоему счастливых, если считать счастьем то, что человек выжил. Николая, может быть, судьба обошла.

Вот такая история может быть, дорогой Володя, с Вашим братом.

Инвалид, о котором Вы пишете, откровенно что-то путает.

Николай начал войну вместе с нами и в том же звании красноармейца, в котором он находился на нашей фотографии.

Два слова о себе. После войны я окончил в Харькове институт, архитектор. После окончания все время работаю в Крыму. Сейчас получаю республиканскую персональную пенсию, но пока работаю главным архитектором в проектном институте.

Живу с женой. Дочка с зятем и внуком — в Харькове.

За приглашение спасибо, но воспользоваться им уже трудно. Получите это письмо — черкните пару слов, чтобы я знал, что оно дошло.

Жму Вашу руку.

23.05.87 г.»



**Аркадий Усык**  
**Заслуженный архитектор Украины**

## **МОИ АРХИТЕКТУРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ**

**Любимой доченьке — в память о маме**  
**Симферополь-2004**

Среди крымских архитекторов мне очень импонирует Ефим Васильевич Крикун. Он — талантливый архитектор — неординарен во многих делах. Многогранность его личности проявляется в рисунке и акварели. Пишет прекрасные книги по истории архитектурного наследия Крыма. Язык его сочен, метафоричен, увлекателен. Специфичная, казалось бы, тема — архитектура — становится доступной широкому кругу читателей, у которых есть хоть какой-то интерес к прошлому Крыма. Начало так называемых «перестроечных» процессов, развал Советского Союза и последующие за этим события мы с ним воспринимали по разному, и тому были причиной субъективные, свои для каждого из нас, обстоятельства.

Сейчас, мне кажется, эти противоречия постепенно сгладились, и мы оба одинаково желаем добра как Украине, так и украинскому народу, к которому мы принадлежим не только по факту рождения, но и по сознанию.

На днях Ефим Васильевич посоветовал мне заняться воспоминаниями, связанными с моей архитектурной деятель-

ностью.

Я вначале колебался — ну что здесь интересного? Обычная жизнь обычного человека, архитектора по профессии.

Серые будни, монотонная работа — не всегда в радость, редкие проблески.

Но я всю жизнь что-то пишу: воспоминания, дневник — хоть и нерегулярно, статьи в газеты, доклады, проекты решений и постановлений наконец (в Керчи, в Симферополе — облисполкома, обкома партии). Никогда не пользовался услугами «негров», хотя сам бывал в этой шкуре (многие начальники, кроме безграмотных резолюций, на другое мало способны). Меня все время окружают люди, с которыми вместе работал, просто встречался на служебном пути, дружил, ссорился, обижался — как все. И пытался делать, все же, добро как для них, так и для дела, которому посвятил жизнь. Как об этом не вспомнить? И я решился, и вот — сижу пишу.

Нужно сказать, что, как я сам себя понимаю и тому свидетельство — мой жизненный путь, сам процесс архитектурного проектирования, то есть то, что у нас называется «сидеть за доской», для меня настолько привлекателен и увлекателен, что я могу себя считать архитектором по призванию. Свою последнюю работу — проектирование торгового центра площадью более 7 тыс. м<sup>2</sup> по ул. Маяковского в Симферополе, где сейчас разместились общеукраинские фирмы «Фуршет» и «Фокстрот», я закончил, когда мне исполнилось 81 год (вместе, естественно, с бригадой проектировщиков из моего института Крымпроектреконструкция).

Занимаясь практической архитектурной деятельностью последние двадцать лет, я старался непосредственно разрабатывать рабочие чертежи архитектурно-строительной части многих проектов, выполняемых под моим руководством. А начиная любой проект, я сам выполнял предпроектные разработки генплана, планов этажей, фасадов. И, если объект крупный, только после предварительных согласований в органах архитектуры, отдавал его в работу исполнителям. Сам процесс архитектурного творчества, работа на ватмане доставляет мне истинное удовольствие. И не важно, что я проектировал: кооперативный гараж или гостиницу с блоком обслуживанию, мне доставляло радость то, что рождалось под моими руками.

А так как последние годы я работал дома, то для меня не существовало ни выходных, ни праздников. Доска стояла на столе, и часто, уже ложась спать, я вскакивал и садился опять за нее, чтобы внести на чертеж то, что мне показалось необходимым и важным. И так все дни и недели, пока объект был в работе. А мне в это время уже было далеко за 70.

Но жизнь моя и, естественно, трудовая деятельность сложились таким образом, что «сидеть за доской» мне приходилось периодами.

Официальный мой трудовой стаж — то, что записано в трудовой книжке, составляет 61 календарный год (с сентября 1939 г. по октябрь 2000 г.).

Начался он службой в армии, затем — война, учеба на архитектурном факультете Харьковского инженерно-строительного института, который я окончил в июне 1950 г.

Уже в августе 1950 г. я приступил к исполнению обязанностей зам. главного архитектора города Керчи. Этому предшествовало посещение в Симферополе областного отдела по делам строительства и архитектуры, куда я был направлен по распределению по окончании института, начальником которого в то время состоял В. Н. Чернышев. Он, узнав мое семейное положение (жена и дочь), посоветовал ехать в Керчь, где легче, по его мнению, можно было решить вопрос с жильем, и оформил мое согласие соответствующим приказом. Кстати, семья и отсутствие жилья в Харькове (я жил в семье родителей, где, кроме них, моей сестры и бабушки, в двухкомнатной квартире ютились еще нас трое — всего семь человек) заставили меня отказаться от аспирантуры в институте, которая была мне предложена как сталинскому стипендиату (все годы учебы, начиная со второго курса).

И вот я в Керчи.

Город этот, растянувшийся длинной многокилометровой полосой от Азовского до Черного морей, состоял из трех частей: собственно Керчи и двух рабочих поселков — завода им. Войкова и Камыш-Бурунского железорудного комбината, которые входили в административные городские границы.

Сам город меня поразил своей своеобразной красотой. Представьте себе жилое образование, состоящее, в основном, из одно-двухэтажных белоснежных жилых домов ампишной, преимущественно, архитектуры, раскинувшееся подковообразно у подножья горы Митридат на берегу темно-синего моря. На Митридате еще сохранились тогда остатки дорического хра-

ма Тезея. Плюс с этому — август месяц, летняя обволакивающая жара, упоительные приморские вечера, когда на городской набережной полно людей, легкий бриз с моря, запахи морских водорослей, а тебе — 29 лет.

Эту красоту керченскую не могли затмить ни разрушенные и не восстановленные многими местами постройки, ни отметины на стенах зданий от снарядов и осколков бомб. Аура этого города действовала безупречно и отметала напроць эти следы военного лихолетья на своем теле. Как мне жаль теперь той, старой по времени, Керчи. Она почти растворилась — кроме Митридатских склонов — в серой, скучной типовой панельной многоэтажной застройке, этого неизбежного для советского периода нашей истории архитектурного зла.

В тот период в Керчи было два архитектора: Владимир Николаевич Попов — главный архитектор города и я — его заместитель. Оба поселка — завода им. Войкова и Камыш-Бурунского железорудного комбината, строились по проектам Харьковского института Горстройпроект, который обслуживал объекты черной металлургии. Сам же город, кроме проектно-сметного бюро, еле-еле успевавшего делать документацию для ремонта и восстановления жилья и мелких объектов коммунального хозяйства, проектных организаций не имел. Сотрудничество с Облпроектом (позднее — Крымским филиалом института Гипроград) было налажено уже при нас, после появления в городском бюджете ассигнований на капитальное строительство. А жить нужно было. В. Н. Попов уже начал проектирование здания городского комитета компартии. Поэтому я включился в разработку проек-

тов других важнейших на тот момент объектов для города.

Кстати, всю документацию, которая нами разрабатывалась, мы оформляли через проектно-сметное бюро, обеспечивавшее нас и смежниками. Первыми на очереди были площадь им. Ленина и центральный сквер, прилегающий к ней. Затем — реконструкция городской набережной. Сквер я решил в классической планировке, с размещением в центре многостовольного фонтана, с широкими ступенями, нисходящими к площади и памятнику Ленину. Лепщиков мы нашли своих, городских, они сохранились, к счастью, еще с довоенных времен, работали в подвале восстанавливаемой гостиницы «Керчь». И были приписаны к керченскому управлению Облстройтреста.

Я с ними быстро сдружился и сработался. Для своего фонтана сам делал модели для львиных морд, из пасти которых извергалась вода, лепил йоники и другие детали, по которым потом отливались формы.

Вы спросите, а где мы с Поповым брали время, ведь нужно было выполнять прямые служебные обязанности? Нашими были вечера и выходные дни. Мы были молоды (Попов старше меня на 7 лет — 1914 года рождения), энергичны, трудолюбивы, сидели за доской до 10 — 11 часов вечера. Я еще, попутно, выиграл всекрымский конкурс на памятник партизанам Крыма на Ангарском перевале, который, к сожалению, из-за отсутствия финансирования так и не был осуществлен.

Затем на участке разрушенных строений, прилегающем к центральной площади, я спроектировал фирменный ресторан рыбных блюд «Керчь», вскоре построенный. В это

же время по моему проекту на главной улице Ленина был сооружен также фирменный рыбный магазин Керчьгосрыбтреста.

Много труда мне стоила разработка проекта реконструкции городского стадиона, где кроме примитивного футбольного поля, ничего не было. Заказчиком выступал городской совет общества «Пищевик», председателем которого был человек со странно звучащей для меня фамилией — Демшамеш (в городе, как я потом, узнал, чудом сохранились от депортации несколько то ли греков, то ли армян, вовремя записавшихся или русскими, или евреями, Демшамеш был один из них).

Еще одна маленькая деталь. Никаких денег мы с Поповым за свою работу, естественно не брали, все было построено на энтузиазме. Да по-другому и быть не могло: мы были членами партии, и любые попытки перевести наши отношения с заказчиками на «капиталистические» формы тут же были бы сурово наказаны. Проектно-сметному бюро заказчики за его услуги что-то платили, но мы были чисты.

Так вот, на стадионе, кроме поля, я запроектировал другие спортивные секторы, площадки для ручных игр, беговые дорожки, трибуны. Здание, где размещались бытовые службы, тренировочный зал, я решил в коринфском ордере, с лоджиями в сторону поля (трибуны для почетных гостей). Двухэтажное сооружение так и было построено. Не знаю его теперешнюю судьбу.

Уместно будет сказать, что в ту пору никаких типовых проектов не существовало. В работе руководствовался

«Справочником архитектора», все тома которого я приобрел еще в студенческие годы. Были некоторые нормали, издававшиеся в 40 — 50-е годы. А если говорить о господствующих архитектурных стилях, то это был период «сталинского классицизма», как его теперь называют.

И еще. Меня поражают многотомные фолианты рабочих чертежей даже для небольших объектов, выпускаемые теперь проектными институтами. Тогда же на стройку выдавался минимум чертежей. На детализацию и «конструктивизацию» существовали нормы и правила и непосредственное содружество архитектора — автора проекта и производителя работ. Крупные и особо важные объекты имели, естественно, и больший объем проектных проработок. Все же массовое строительство осуществлялось благодаря профессионализму, как проектантов, так и строителей, с минимумом бумажных листов.

Сейчас, я чувствую и вижу, эта тенденция возрождается. Строительные фирмы обзаводятся собственными проектными бюро, где дорабатываются и детализируются основные чертежи, полученные ими от заказчиков. Такая тенденция существует во всем мире. Поэтому, для меня не совсем ясна будущая перспектива таких монстров проектного дела (применительно к объемному проектированию), как Крымниипроект.

Документацию на керченский городской стадион нужно было утверждать в Москве, в ВЦСПС. И здесь я вынужден рассказать о трагикомическом случае, произошедшем со мной и моим заказчиком.

Было это 5 или 6 мая 1952 года, сразу же после майских праздников.

В Керчи стояла изумительная теплая летняя погода. Демшамеш посоветовал мне одеться по-летнему, чему я по своей молодости и самоуверенности последовал буквально: на мне была полотняная белая летняя пара и, естественно, белые парусиновые туфли. И представьте себе ужас, который нас обуял, когда мы ступили на перрон Курского вокзала в Москве: с неба сыпал снег с дождем при температуре 2 — 3° тепла.

Наше появление в ВЦСПС в таком одеянии вызвало шок. В гостинице вечером мы кое-как обсушились и оправились. Три дня пролетели, как в тумане. Однако проект стадиона мы утвердили. Как мы не получили в результате всего воспаление легких — одному Богу известно. Меня спасла, видимо, фронтальная закалка. Керчь по возвращении нас встретила тем же теплом и солнечным сиянием.

Моя творческая архитектурная деятельность в Керчи закончилась, к сожалению, в марте 1953 года. В связи с «делом врачей» заместитель председателя Керченского горисполкома Ашеров Абрам Моисеевич (кстати, мой ближайший и в дальнейшем, до самой его кончины в 1964 году, друг и единомышленник по многим вопросам «бытия»), еврей по национальности, был освобожден от занимаемой должности, а я избран на его место. Ашеров, естественно, к «делу врачей» никакого отношения не имел, но акция против евреев имела всесоюзный характер.

В декабре 1957 года я был избран мэром Керчи, но

уже в ноябре 1958 г. решением обкома партии меня перевели в Симферополь и назначили на должность начальника управления капитального строительства Крымского облисполкома.

В Керчи (хочу добавить) я в числе других руководителей города встречал и сопровождал Н. С. Хрущева (30 сентября 1958 г.), Д. С. Коротченко и П. Е. Шелеста. Но это уже тема другого разговора.

Хотя о посещении Н. С. Хрущева стоит рассказать. Впервые в истории города руководитель партии и государства почтил его своим присутствием. Вспоминаю несколько эпизодов. Первым было посещение железорудного комбината. Мы стоим небольшой группкой около немецкого отвалного моста, докладывая о котором главный инженер комбината подчеркнул, что этот мост способен дать в смену 8 тыс. метров кубических «вскрыши» (керченская руда добывалась открытым способом).

Никита Сергеевич внимательно слушает, но он подвижен, словоохотлив, любопытен. Его внимание привлекает группа людей, стоящая у самого отвалного моста. Узнав, что это инженеры и техники — обслуга агрегата, Н. С. просит пригласить их к нам. Все они одеты в новенькие синие комбинезоны, выданные им «по случаю».

Н. С. расспрашивает, заводит на разговор, узнает, что все, вроде нормально, но есть перебои с молоком, картофелем. Не сваливая на местное руководство, Хрущев рисует перспективы развития сельского хозяйства, в результате которых, по его словам, «все будет». В конце разговора Никита Сер-

геевич вдруг замолкает, вглядывается в спецодежду собеседников. Затем расстегивает свой серенький пиджак (не первой свежести, я еще заметил две дырочки от звезд Героя Соцтруда), темно-коричневую шерстяную кофточку под ним, и достает из брюк конец ремня. Поворачивая его обратной стороной, Н. С. хитровато спрашивает: «Что это?». Мы недоуменно смотрим на этот ремень, но все молчат: ремень, как ремень. «Вот, - говорит Н. С. довольно. — Молчите, так как думаете, что это кожа и чего, мол, он это спрашивает? Это — химия. Когда мы с Николаем Александровичем (Булганиным, тогда председателем Совмина СССР) были в Финляндии, нам подарили эти ремни. Вот и мы сейчас движем химию в быт, и тогда будут такие материалы, что при стирке не будут садиться, как у тебя». Он показывает на брюки одного из инженеров, которые явно коротки, были в стирке, не из новой пары.

Второй момент. Мы на площадке у входа на восстанавливающийся завод им. Войкова. В горкоме, я знаю, заготовлена петиция в Политбюро и Правительство об ускорении работ по заводу. Я стою за Хрущевым, рядом с ним Василий Григорьевич Комяхов — первый секретарь Крымского обкома. Рядом со мной — полковник, начальник личной охраны генсека. Петицию читает Герой Советского Союза Никитин, который, на счастье, был в коллективе завода: так солиднее — звезда на груди сияет.

Толпа здесь побольше, чем в Камыш-Буруне — сотни полторы людей. Полковник по сему случаю взвинчен, встревожен, нервно озирается по сторонам. В это время В. Г.

Комяхов поворачивается к директору завода и что-то у него спрашивает. И я слышу раздраженный приглушенный голос начальника охраны, адресованный Комяхову: «Не шепчитесь!». (К слову сказать: В. Г. Комяхов был членом ЦК КПСС, для нас — почти Бог).

И третий эпизод. Мы везем Н. С. в порт «Крым», где в наше время восстанавливается паромная переправа, и откуда тот должен отбыть на Кубань. Я знаю, что в Капканах (рыбацком поселке по ходу движения) приготовлено для почетного гостя угощение, но кортеж почему-то проскакивает мимо (я вместе со вторым секретарем горкома, по совпадению, тоже Никитиным, еду во второй машине). В порту Н. С. уже ждет военный катер, около которого прохаживается Д. С. Полянский — первый секретарь Краснодарского крайкома в ту пору.

Мы уже попрощались с Никитой Сергеевичем, все уже на катере, кроме него самого, стоящего еще на трапе, и полковника. Вдруг из толпы работников переправы подбегает к трапу женщина и слезно произносит: «Никита Сергеевич, мы хотим сфотографироваться с вами». Н. С. делает шаг вперед, ей навстречу, но полковник преграждает ему путь и произносит: «Никита Сергеевич, мы опаздываем». И Никита Сергеевич смущенно подымает руки, разводит их и послушно уходит на катер.

Мы вернулись в Капканы и уже под руководством второго секретаря обкома А. Г. Коровченко благополучно угостились всеми теми рыбацкими деликатесами, приготовленными для гостя. «Василий Григорьевич, у нас обед на той

стороне», - так отвечал на предложение В. Г. Комяхова пообедать в Капканах пресловутый начальник охраны, не дав ответить своему патрону. Это нам рассказал Коровченко, который слышал этот разговор.

В целом, я не принадлежу к числу тех, которые огульно осуждают Н. С. Хрущева. В расцвете сил он был энергичен, деятелен, искренне старался что-то сделать для людей. Одно то, что при нем была сказана правда о И. В. Сталине, как бы это потом ни трактовалось, многого стоит. Не его беда, что вся эта затея с созданием «рая» в отдельно взятой стране, с распространением потом его благ на всю цивилизацию, оказалась бредом. Он был воспитан по-другому и верил в то, что делает. Как и многие из нас, воспитанные в том же духе.

Итак, УКС облисполкома. Это управление я создавал «с нуля», так как такого органа в системе государственного аппарата до этого не существовало. Четыре первоначальных года моей деятельности в роли руководителя этого управления я вспоминаю с удовлетворением.

Это была, без преувеличения, школа жизни, приобщившая меня к другому размаху деятельности. Чтобы понять это, я скажу, что УКС Облисполкома осуществляло от имени местных Советов строительство в Крыму по линии госкапложений всего жилья, школ, детских учреждений, лечебных заведений, административных объектов, а также крупнейших сооружений коммунального хозяйства. В первые годы существования УКСа в городах и районах области не было наших структур, поэтому финансирование всех этих строек,

обеспечение оборудованием и кабельной продукцией, технический надзор, проектные работы, приемка в эксплуатацию и прочее велись силами и средствами областного управления. Среди крупнейших строек были троллейбусная линия Симферополь — Алушта — Ялта, Счастливенское для Ялты, Партизанское для Симферополя, Изобильненское для Алушты водохранилища. Работа шла напряженная, я в течение недели успевал проводить две — три планерки. И я, и работники УКСа систематически бывали в командировках не только в Киеве, но и в других городах (поставки для троллейбуса, к примеру, шли со всего Союза, этот объект был на контроле высших должностных лиц). Я посмотрел свой телефонный справочник тех лет: десятки и десятки фамилий по Крыму, Украине, Москве, даже в Прибалтике, Сибири.

И, совершенно неожиданно, через четыре года все круто изменилось. Н. С. Хрущев затеял перестройку хозяйства, в Крыму появились два обкома партии и, соответственно, два облисполкома — сельский и промышленный. В облисполкомах были созданы новые отделы капитального строительства, и я ушел в Крымский филиал Гипрограда руководителем проектной мастерской. С этим институтом и его директором П. И. Сафоновым у меня до этого были теснейшие связи: УКС был основным заказчиком по проектным работам.

Как ни странно, но в денежном отношении я ничего не потерял: оклад — тот же, плюс премии, которых в УКСе не было.

И почти совершенное спокойствие. Ни тебе заседаний облисполкома, ни бюро обкома партии, где почти каж-

дый раз нужно было за что-то «отвечать» (хотя ни там, ни здесь я за свою работу ни разу не получил взыскания), ни жизни «на колесах» с соответствующим режимом питания. Работа «от и до», и все.

В стране начался процесс типизации и индустриализации строительства. Этот процесс неизбежен, и через него прошла вся мировая система капитального строительства — во всех странах.

Но нигде все это не было доведено до такого абсурда, как у нас. По типовым проектам предлагалось строить все — от примитивной уборной до театра или дворца культуры.

Творческая работа и роль архитектора были сведены на самую низшую ступень. Дошло до того, что так называемые главные инженеры проектов, а это были инженеры-строители по образованию, возглавили проектный цикл, а ГАПы (главные архитекторы проектов), хотя и остались в номенклатуре, но отошли «на задворки». Проектные институты и их филиалы, которые всегда возглавлялись архитекторами, получили новых руководителей из числа, к примеру, специалистов дорожного строительства или кандидатов наук по производству стройматериалов, как это случилось в крымском Гипрограде, впоследствии ставшем Крымниипроектom.

Города тотально заполнились безликими однотипными жилыми домами, школами, больницами, детсадами и яслями. В Симферополе это — весь Гагаринский массив, район Кечкеметской, Юго-Западные жилые кварталы. Все города Крыма похожи друг на друга, как и всего Советского Союза, что вызвало появление на экраны серии кинокомедий о

приключениях их героев на почве абсолютной идентичности того или иного жилого дома, построенного, скажем, в Москве или Ленинграде.

Со мной могут не все согласиться, но я считаю это трагедией для советской архитектуры.

Общественное устройство, отрицающее частную собственность, ничего другого не могло родить, это теперь совершенно очевидно.

Короткий период существования независимой Украины говорит о многом. На наших улицах появилось много зданий неординарной, скажем так, архитектуры. Пора запретов на применение проектов индивидуального, личного творчества архитекторов закончилась. А что было до этого? Я припоминаю десятки постановлений и инструкций, определяющих, где можно или нельзя применять в строительстве природные каменные материалы, цветные провода и кабельную продукцию. Регламентировалась строго «по ранжиру» та или иная штукатурка. В 50-е годы, когда внедрялись плоские кровли и блочные стеновые дома, в Крыму по указанию обкома компартии закрыли и уничтожили все кирпично-черепичные заводы (сейчас приличный кирпич и черепицу завозим из других областей). Получить разрешение не облицовку фасадов здания плиткой пильного известняка можно было только в Госстрое СССР, на переработку фасадов типового проекта — там же.

Да и сама такая «переработка» была мукой для архитектора: что можно было сделать с четырьмя плоскими сторонами жилого, предположим, дома, на котором кроме балко-



нов ничего прилепить было невозможно. Ведь внутреннюю планировку, а вместе с ней и объемно-пространственную компоновку типового здания менять запрещалось. Архитектура была в совершенном «загоне», а сами архитекторы в системе проектного производства выполняли непонятную подсобную роль.

Я с радостью и надежной смотрю на ренессанс, скажем так, нашей архитектуры. Не только новые здания говорят об этом. Посмотрите, с какой любовью в Симферополе новые хозяева, обретшие право собственности на здания старой постройки, восстанавливают и возрождают их фасады, как тщательно благоустраивают прилегающие участки — тротуары выкладываются плиткой, имеющиеся газоны засеваются элитной травой. Какие кованые ограды появились в городе. Начинает работать частный капитал. Причем, применительно к нашему делу, этот капитал приобретает общественный характер. То есть все, что он делает, идет на пользу обществу, городу, всем нам. Это — общепринятая тенденция: капитал «всуе» — мертв, запущенный в дело (а для этого он в принципе и накапливается) — оживает и играет уже созидательную роль. Чем богаче частный инвестор, чем он умнее и кругозор его шире — тем больше пользы для общества, для государства. Слава Богу, что безвременье коммунистических утопий и «всеобщего равенства» закончилось, но старое ой как живуче. Некоторые из моих коллег преклонного, скажем, возраста без искреннего негодования не смогут читать эти мои «крамольные» строки. Пусть они простят меня, пусть поразмыслят и займутся, если разум еще позволяет, анали-

зом. Ведь это факт, что наша профессия выходит на передовые рубежи: все эти фирмы и фирмочки проектные, которые в последнее время начали плодиться (но сейчас этот процесс уже стабилизируется — «на плаву» остаются только самые успешные), держатся только за счет таланта архитекторов. Эпоха пресловутых «ГИПов» — хватких, но совершенно далеких от творчества, уходит в прошлое, хотя по инерции еще и существует.

Будет так: архитектор — глава и руководитель проектного производства, автор и непосредственный исполнитель предпроектных (эскизных) проработок. С ним в теснейшем содружестве — два — три архитектора-разработчика и столько же квалифицированных инженеров-конструкторов, способных воплотить его идеи в жизнь. Все остальные смежники (сантехники, электрики, сметчики, технологи и др.) — по необходимости. Такой ударный кулак должна иметь каждая проектная фирма, которая желает завоевать строительный рынок.

Если иметь в виду то проектное наследие, которое нам досталось от прежних времен, для такой коренной ломки нужна революция. Но она, я уже вижу, началась. И происходит благодаря приходу в строительное производство частного капитала, частного инвестора. Процесс этот теперь необратим, хотя слишком тяжелы последствия 80-летнего господства утопической идеологии. Времена «ничейной» собственности на «орудия и средства производства» (термин классиков марксизма-ленинизма) безвозвратно в прошлом. Не знаю, что было бы с нашими городами и инфраструктурой,

продлись это «господство» еще десяток — второй лет. Я не говорю уже о Симферополе. В Ленинграде, в Риге, Одессе, Львове, других старых городах произошла массовая гибель зданий старой постройки, лица и гордости их истории, всего, что было накоплено предыдущими поколениями (кстати, за счет того же частного капитала). Денег на их восстановление не было и не предвиделось в будущем.

При текущем «марафете» безжалостно уничтожался архитектурный декор, все это срубалось и замазывалось вручную. Принцип «общенародного достояния» работал на полную мощность, тысячи памятников архитектуры утеряны безвозвратно.

Жалкие крохи, буквально выдираемые из тощих бюджетов под вопли и стенания деятелей различных обществ и организаций, призванных охранять старину, доставались немногим памятникам архитектуры, узаконенным официально (у нас — постановлениями Кабинета Министров). А как остальной бесценный фонд тех городов, хотя бы, архитектура которых вошла во все учебники и энциклопедии как мировое достояние?

Ну, опять же, а новое строительство? Какими сооружениями, осуществленными в прежние годы, может гордиться наш Симферополь? Мне даже не хочется называть те здания, которые были в свое время отмечены официально. Стоит только упомянуть о единственном объекте, получившем высшую награду в области архитектуры — Шевченковскую премию. Речь идет о здании Крымского украинского музыкального театра, прозванного аборигенами города

«элеватором». Его «ценность» может быть сравнима разве с такой же «бесценностью» памятника В. И. Ленину, сооруженному напротив и полученному со складов ленинградского художественного фонда, где он лежал за ненадобностью, так как был забракован художественным советом Ленинграда. Кстати, Симферополю его отдали бесплатно. Когда мои коллеги, опять таки преклонных лет, на юбилеях показывают фотографии или просто вспоминают свое творческое прошлое, мне становится их жаль. Как жалею, в этой связи, и себя. На что были потрачены годы, творческие муки, талант, наконец (он присутствует «подспудно» у каждого, создай только условия для его реализации)? На разработку на основе типовых проектов безликих жилых кварталов и микрорайонов? На «привязку» опять же типовых проектов бесчисленных школ, больниц, детсадов? На проектирование, если повезет, гостиницы или кинотеатра опять же с «типовым нутром», на которых «милостиво» разрешили поупражняться в «изменении» фасадов? Бывая на юбилеях здравствующих, вспоминая об ушедших от нас далеко не бездарных коллегах-архитекторах, мы называем их имена и их постройки. Но были ли эти сооружения вершиной их творчества и возможностей? Риторический вопрос.

В крымском филиале Гипроград я проработал полтора года. Моя мастерская занималась объемным проектированием. Директором филиала Гипроград, как я уже сказал, был П. И. Сафонов. Человек он был общительный, добросердечный, умел находить контакт с самыми различными людьми, не лишен был определенных административных спо-

способностей. В коллективе его любили, не обделен был и женским вниманием. До Гипрограда П. И. был главным архитектором Симферополя. Как и все архитекторы старой выучки, владел рисунком, акварелью. Он стал со временем моим личным другом. Забегая вперед, скажу, что уже в 80-е годы, когда я работал главным архитектором Укржилремпроекта, с согласия его директора И. Е. Коломийцева, мы оформили Петра Ивановича на полставки архитектора в мастерскую. Работая дома, П. И. приносил предпроектные проработки тех объектов, которые были в плане мастерской. Не без удовольствия я смотрел на акварельные фасады, любовно раскрашенные генпланы - творения истинного архитектора, которому тогда уже было за 70. Скончался П. И. Сафонов в возрасте 75 лет, и мы, его друзья, с горечью проводили его в последний путь.

Главным инженером филиала был Л. В. Плахов. Имея только среднее архитектурное образование, Лев Васильевич, между тем, был успешным практическим архитектором. Из его построек назову, хотя бы, трехэтажный жилой дом по Набережной с аркой, ведущей на ул. Дыбенко. Хорошо прорисованные карниз, сандрики, балюстрада балконов, рустовка — все солидно и достойно уважения. Спокойный в общении с людьми, рассудительный, компромиссный, он был хорошим соратником П. И. Сафопова в руководстве филиалом. Сшитый на заказ костюм с неизменным уголком платочка в кармашке пиджака сидел на нем безукоризненно. Помню его попытку, не знаю, что его побудило к этому, вступить в партию. Ему было отказано. Как член партбюро

я присутствовал при решении этого вопроса и пытался даже как-то помочь. Но Артемий Львович Данилов (работал в дорожном секторе у Трунина), секретарь партбюро на тот момент, объяснил причину: Плахов находился в оккупированном Севастополе и работал, даже страшно подумать, в какой-то коммунальной конторе. Как, что — никто толком не знал, но «пятно» есть, подозрения остались, и райком партии ему отказал. Я представляю, как переживал эту ситуацию сам Лев Васильевич. Его подавленность, растерянность бросались в глаза всем, кто был посвящен в эту историю. Л. В. даже несколько дней не выходил на работу.

Вот такая была система.

Миллионы людей, волею судьбы попавших в оккупацию, окружение (военнослужащие) или, не дай Бог, в плен, поплатились если не заключением (как большинство бывших в плену), то подверглись бесчисленным проверкам и подозрениям в неблагонадежности. На всю оставшуюся жизнь они остались «под колпаком» у органов, и при случае им каждый раз это вспоминалось.

Будучи руководителем комплексной проектной мастерской № 2, я делил свой служебный кабинет с начальником КПМ-1 Ю. А. Постниковым. Бонвиван и донжуан, вальяжный и представительный, Юрий Александрович был старожилом Гипрограда и по-своему вводил в новый для меня коллектив. Будучи дружен с Константином Яковлевичем Блюменкранцем — начальником планово-производственного отдела филиала, человеком не последним в производстве, так как через него шли все поступающие заказы на

проектные работы, Ю. А. при формировании очередного производственного плана мастерских сумел «скинуть» мне несколько «висяков» (работ, брошенных из-за бесперспективности, отсутствия финансирования, задержки с получением исходных данных или технических условий и др., при этом, по некоторым из них были уже запроцентованы объемы без практического их выполнения). Я потом еще долго расхлебывал это доброхотство моего коллеги, всячески расхваливавшего переданные мне объекты, пока я в них еще сам не разобрался. Я и мои новые приятели в коллективе не были аскетами и позволяли себе иногда расслабиться, что происходило, естественно, в нерабочее время. Проще это выходил у Ю. А., так как семья его была бездетной, и возможностей потратить «лишние» деньги было больше. Я же, имея двух дочерей-школьниц, был несколько стеснен в средствах. Обычно, где-то к концу рабочего дня, Ю. А. произносил: «Ну что, пойдет по кофе?». На общепонятном языке и учитывая нашу ментальность, это обращение могло быть воспринято и как приглашение на угощение за счет пригласившего. Однако если я в ответ произносил о своих финансовых затруднениях, Ю. А. отвечал: «Ничего, пошли. Я тебе займу, а ты потом отдашь». Иногда, после получения премий, наши походы были более естественными, круг расширялся за счет того же К. Я. Блюменкранца, Л. В. Плахова, П. И. Сафонова, З. А. Серапионова (архитектора — руководителя планировочной бригады, вскоре сменившего Сафонова на посту директора филиала). У Петра Ивановича было пристанище по ул. К. Либкнехта, где жила его

пассия, вскоре ставшая его гражданской женой. Надежда Кузьминична работала буфетчицей в аэропорту «Центральный», и в ее доме, как в Греции, было все и в любое время суток. Чтобы не возвращаться к этой истории, скажу, что этот гражданский брак к концу жизни П. И. не принес ему особой радости. Да, он был всегда ухожен, накормлен, но у Надежды Кузьминичны была своя дочь, затем появилась внучка. Страсти утихли, заботы стали другими, П. И. уходил постепенно на второй план. Его законная жена, тоже архитектор, уехавшая в Алушту и работавшая там одно время главным архитектором города, прервала, естественно, всякие отношения со своим мужем. Это сделали и два взрослых сына. И когда мы провожали П. И. Сафонова в последний путь, из этой его прежней семьи приехал только один из сыновей и то не на похороны, а на поминки.

Так вот, в доме Н. К. было пианино. Завен Амбарцумович Серапионов обычно садился за инструмент (он довольно прилично играл), и это придавало нашим банальным посиделкам несколько романтический характер.

Вместе со мной в мастерской трудились архитекторы Галина Харлампиевна Парак, Людмила Николаевна Малинко, Михаил Алексеевич Бродецкий, Ариадна Николаевна Евтушевская. Главным инженером мастерской была Анна Васильевна Боронина. Женщина крупная, властная, она забавно приседала на одну ногу, стараясь, в разговоре с мужчинами, не очень казаться выше их. Пора стремления к модельному имиджу — худоба и высокий рост еще не наступила. А. В. строго блюла нравственность среди подчиненных

ей женщин. Помню роман Гали Парак с молодым привлекательным завхозом филиала. До этого она была женой одного из наших ведущих архитекторов Павлова. Что-то у них не заладилось, Павлов уехал в Москву. Ничего особо предосудительного в поведении Парак не было: влюбленные не очень скрывали своим взаимоотношения. Но Анна Васильевна (она была членом месткома) всегда с дрожью в голосе жаловалась мне: «Опять Парак побежала к своему в подвал!» (Там у завхоза была служебная резиденция). Я старался успокоить А. В., но она обычно еще долго кипела, как не выключенный вовремя чайник. Вскоре Галя Парак родила прелестного мальчика (с Павловым у них детей не было), и всякие пересуды на этом прекратились.

В филиале было нормой: если начальник мастерской архитектор, то главным инженером назначался конструктор, и наоборот. Это создавало необходимый рабочий альянс, поэтому служебных разногласий с А. В. у нас не было. Подружились мы и семьями (у А. В. был прекрасный муж — отставной подполковник, и мы с моей Тоней бывали у них в гостях).

Особо выдающихся объектов мастерская в мою бытность не разрабатывала. Да их и не могло быть, учитывая строительную природу тогдашнего бытия. Привязывали типовые жилые дома первых («хрущевских») серий в Гагаринском массиве Симферополя, который в то время интенсивно застраивался. Помню ходившую в то время байку в отношении планировки этих проектов: Хрущев, дескать, соединил уборную с ванной, но не успел соединить пол с по-

толком. Разрабатывалась документация на 6-ю городскую больницу, первым главврачом которой стала А. С. Титенко, работавшая до этого заведующей облздравотделом (я с ней познакомился по службе еще находясь в Керчи). Были и другие объекты, о которых теперь и не вспомнить.

В октябре 1963 года меня пригласил в обком партии зав. отделом строительства А. А. Ростовцев. С Анатолием Антоновичем я имел возможность познакомиться еще в Керчи, случайно встретившись с ним в Камыш-Буруне на стройке 5-го квартала. Помню, как просверлив, буквально, меня одним глазом (второй был протезирован), А. А. спросил, кто я таков что я здесь делаю. Разговор получился малопочтительным, так как я не знал, с кем имею честь, а, узнав, не проявил должного трепета, но знакомство все же состоялось. Позже слышал разговоры, что А. А. служил во время войны где-то в контрразведке Смерш, отличался твердым, даже жестким нравом и был грозой строителей и к ним причастных. А уж если по делу приходилось попасть в проект постановления бюро обкома партии, то без выговора, как минимум, редко обходилось.

В своей дальнейшей работе я неоднократно и довольно плотно общался со строительным отделом обкома КПУ. А. А. Ростовцев бывал, конечно, разным. Приходилось участвовать вместе с ним и в дружеских компаниях, которые часто создавались спонтанно (по воле хозяев) после иногородних планерок. Он бывал и весел, и общителен, и симпатичен, но дистанцию держал крепко. Во время дружеской беседы вдруг замирал, пристально вглядываясь в

тебя этим своим глазом, и ты тоже замолкал под действием исходивших от него флюидов. Вот таков был человек. В обкоме партии А. А. проработал десятка три, видимо, лет. Ушел на пенсию под 70, мы с ним встречались то на улице, то — чаще — в больнице им. Куйбышева («для начальства», как говорилось в народе). Разговаривали, но что-то в душе у меня осталось от прежних настороженных взаимоотношений. Он был неординарным человеком, поэтому так прочно и остался в памяти.

Так вот, в октябре 1963 года А. А. Ростовцев предложил мне занять должность директора Крымского филиала института Укрнигипросельхоз. Я долго не раздумывал. В Гипроград попал благодаря «волонтаристской», как потом говорилось, политике Н. С. Хрущева, поэтому новое предложение меня увлекло. Полтора года работы в Гипрограде мне многое дали, дополнили практический и теоретический багаж, дали возможность познать технологию крупного, как для Крыма, института. Я практически был готов принять это предложение, эту должность.

КФ Укрнигипросельхоз размещался во дворе кинотеатра им. Шевченко по ул. Горького. Помещения были страшно запущены: грязные стены, затоптанные паркетные, как потом обнаружилось, полы, немывые окна. Люди трудились в этих условиях и не замечали, казалось, этой вопиющей неустроенности.

Я первым делом взялся за ремонт. Помогли старые строительные связи. Деятельное участие принял Евгений Демьянович Кротенко — инструктор стройотдела обкома

партии, который вместе с запредом облисполкома С. В. Сосницким представлял меня коллективу, как нового директора. Удалось приобрести новую мебель, даже пианино (по безналичному расчету), что категорически воспрещалось в то время. Кое в чем помог головной институт.

Особо преобразился проектный зал — громадное помещение, где сидели все архитектурно-строительные бригады. И когда мы все ступили на блестящий, отциклеванный и вскрытый лаком паркетный пол, оглянулись на чистейшие, окрашенные в приятные сероватые тона, стены, увидели новые мощные люминесцентные светильники, прозрачные тончайшие шторы на окнах — это был праздник.

Но на этом останавливаться было нельзя. Филиал превращался в мощную проектную организацию, имеющую отделы в городах Крыма. По заданию министерства сельского хозяйства мы разработали проекты холодильников для винограда и фруктов вместимостью 500, 1000 и 1500 тонн. Эти проекты являлись новинкой для советского сельхозпроизводства, были востребованы для других южных областей Украины, Молдавии, Кубани, даже Грузии. К нам приезжали, мы помогали исходными материалами, основными чертежами, технологией. Внедрение в садоводство и виноградарство наших холодильников помогло сохранять выращенный урожай и реализовывать его практически до созревания нового, то есть в течение всего года.

Также в филиале был разработан проект откормочного комплекса на 20 тыс. голов бычков в совхозе «Молодая гвардия» Джанкойского района Крыма. В хозяйствах Со-

ветского Союза самые крупные до этого комплексы были на 10 тыс. голов. В серию он, однако, не пошел. А то, как содержался молодняк скота (железобетонные — холодные и зимой, и летом, влажные помещения), было не здорово.

В это же время филиал начал разработку проектов застройки двух образцово-показательных сел Красногвардейского района — колхозов «Дружба народов» и «Россия». С председателями этих колхозов, Героями Социалистического труда Егудиным и Переверзовым у меня сложились теснейшие деловые связи, что помогло в дальнейшем не только запроектировать, но и построить эти села. Для сел этих колхозов Петровка («Дружба народов») и Восход («Россия») нами была разработана серия новых жилых домов: четыре этажа, высота помещений — 3 м, увеличенные размеры кухонь, подсобных помещений с кладовыми, гостиных. В Петровке построен крупнейший для советского села административно-культурно-торговый центр. Я съездил в Москву, в институт Гипротеатр. Договорился о субподряде — с согласия заказчика И. А. Егудина, на проектирование этого центра. Привез в Крым главного архитектора этого института В. А. Красильникова. Появились эскизы сооружения: правление колхоза, торговый центр, театральный комплекс со зрительным залом на 1000 мест (И. А. Егудин хотел 1500, но мы его отговорили), спортивный блок с несколькими залами для разных видов спорта. Все это в едином ансамбле. С заслуженным архитектором России Красильниковым мы провели не один час за чертежной доской. Все, что рождалось в эскизах в Москве и у нас, дорабатыва-

лось потом до стадии рабочих чертежей в мастерской филиала.

Впоследствии проект застройки села Петровка и само строительство его как образцово-показательного были отмечены премией Совета Министров СССР. Но на тот период я уже не работал в филиале, а претендентов, коих должно быть ограниченное число, среди проектантов и строителей было много, и обо мне «забыли».

Но вернемся к филиалу. В имеющихся помещениях, несмотря на ремонт и другие блага, работать было тесно и трудно. Я создал бригаду, которую вместе со мной возглавил архитектор Александр Соломонович Бабицкий. В горисполкоме при помощи его председателя Федора Владимировича Мазурца, с кем я завязал теснейшие взаимоотношения еще будучи начальником УКСа облисполкома, получил решение на участок, примыкающий к площади им. Куйбышева, где ранее предполагалось разместить какое-то бытовое предприятие. В кратчайшие сроки — днем и по вечерам, мы разработали проект строительства нового пятиэтажного здания филиала, который благополучно утвердили в Киеве. Не имея еще финансирования, за свой счет (оформили нарядами по проектно-изыскательскому отделу) наняли экскаватор и в декабре 1965 года вырыли котлован. Финансирование этой стройки мне удалось оформить только в 1966 году, но начать работы по самому зданию, строить его пришлось уже Валентину Ивановичу Сахарову — главному инженеру филиала, которому я передал директорство. А я опять вернулся в облисполком на прежнюю должность на-

чальника управления капитального строительства, что произошло по инициативе тогдашнего заместителя председателя облисполкома А. П. Деркача и того же А. А. Ростовцева в апреле 1966 года.

Итак, очередные шесть лет моей трудовой жизни прошли опять в сфере практической строительной деятельности. Отрасль капитального строительства не была успешной в системе советской экономики. Хотя победные реляции об очередных достижениях на этом фронте, о завершении великих строек и не менее великих начинаниях и будоражили наши умы, дела шли неважно. Хроническая нехватка основных строительных материалов, металлопроката, кабельной продукции, технологического оборудования порождала, как я уже говорил, бесконечные запреты и ограничения. О том, чтобы купить в свободной продаже, примером, цемент, кирпич, пиломатериалы, электропровода и десятки других наименований стройматериалов и мечтать не приходилось. Отсюда пошел, по существу, и запрет на индивидуальное жилищное строительство в городах: строить можно было только за счет ворованного на стройках.

Качество строительства было отвратительным. Всем памятны трагические последствия землетрясения в Армении. Сотни зданий, построенных, казалось бы, с соблюдением требований сейсмостойкости, разрушились мгновенно: изготовленный железобетон наполовину состоял из песка вместо цемента, который разворовывался, как и повсюду. Многие из нас живут в домах, построенных в ту пору. У меня в квартире столярка так и осталась перекошенной, так как была из-

готовлена из недостаточно просушенной древесины.

Госприемка в строительстве работала под страшным прессом. Все объекты, которые мы вместе с инспекциями Госархстройконтроля принимали в эксплуатацию, имели многочисленные недоделки. На некоторые из них приходилось просто закрывать глаза. Все подгонялось под даты: то конец квартала, то 7 ноября, то съезд партии, то конец года. В горисполкомах, горкомах компартии перед этими датами рассматривались сводки выполнения планов, решали где, что и как сдать в эксплуатацию, как это сделать без законченных, по существу, общестроительных работ, без готовности инженерного обеспечения. Все это вспоминается как бред, настолько все было абсурдно! Я старался на госприемки не ездить, поручал это главному инженеру УКСа А. С. Черданцеву, у него все выходило проще. Да и, к тому же, вся эта рутинная работа проводилась по массовому строительству в наших территориальных УКСах и ОКСах. Однако в обкоме компартии тоже велся контроль, и на обкомовских совещаниях отчитываться приходилось мне.

В целом, УКС работал в те годы нормально. У меня сложились деловые уважительные отношения в председателем облисполкома Т. Н. Чемодуровым. По его представлению в 1972 году я был награжден орденом «Знак почета». Анатолия Петровича Деркача, уехавшего в Киев на должность заместителя министра, на посту заместителя председателя облисполкома сменил Ю. А. Хлынов. Сменился и стиль руководства отраслью. А. П. Деркач давал свободу действий, не дергал понапрасну. Юрий Александрович же,



получивший закалку в аппарате обкома партии, где до этого работал, любил все делать сам. Совещания шли чередой по два — три в день. Толку от них было мало, время тратилось понапрасну, работать по звонку, вызову было неприятно.

У меня постепенно накапливалась усталость — моральная и физическая. К тому же, у нас тяжело заболела старшая дочь, да так, что, не успев поработать после окончания института, получила первую группу инвалидности. Ее болезнь имела впоследствии трагический финал.

В это время освободилось место главного архитектора Симферополя. Л. П. Фруслов, который много лет служил главным архитектором, по неизвестным мне причинам был освобожден. С председателем Симферопольского горисполкома М. А. Лозовым, еще в бытность его управляющим стройбанком, у нас сложились крепкие деловые и дружеские отношения. А с первым секретарем городского комитета компартии М. В. Ревкиным мы работали вместе в Керчи. Получив от Михаила Афанасьевича и Михаила Васильевича согласие и поддержку своих действий, я в начале 1972 года написал заявление об освобождении от занимаемой должности. Ю. А. Хлынов завизировал мое заявление сразу. Председатель облисполкома Т. Н. Чемодуров, переговорив со мной, положил его в сейф. Несколько месяцев должность главного архитектора Симферополя ждала меня, и только в июне Трофим Николаевич наконец согласился с моей просьбой.

Здесь я хочу сказать, что я никогда не был карьеристом и не стремился занять выгодное или престижное место.

Карьеризм — это искусство, я этим достоинством не обладал. Моя карьерная лестница складывалась сама по себе, без моего понуждения. Так было в Керчи, куда я приехал после окончания института, так осуществился мой перевод в Симферополь. Меня приглашали — я соглашался. С точки зрения карьеры я шел теперь на понижение — из областного начальника превращался в чиновника рангом ниже. По табели о рангах, принятому в Российской империи, в облисполкоме я был в чине действительного статского советника или генерал-майора. Но это все же была относительная творческая должность, ближе к моей основной профессии, поэтому я не колебался. Более десяти лет в общей сложности я возглавлял важнейшее и труднейшее управление Крымского облисполкома. Было всякое — и хорошее, и плохое.

Но всему приходит конец. Я чувствовал, что уже выработался на этой должности, эта работа не приносила мне радости и удовлетворения, а без этого чувства работать нельзя. Утверждение в новой должности прошло согласно установленному порядку. Как ни странно, по этому порядку гл. архитекторы областных городов Украины согласовывались в ЦК КПУ, и я ездил туда на «смотрины». В имевшемся свободном избирательном округе я вскоре был избран депутатом Симферопольского городского Совета.

Мне сравнительно быстро удалось войти в курс дела. Город мне, в общем-то, был знаком. Я и до этого был членом областного градостроительного Совета, где часто рассматривались и симферопольские вопросы. Многие, а за счет бюджетных капвложений — все, стройки города были в ведении

УКСа облисполкома.

Моих ближайших помощников мне довелось знать ранее. Ксения Федоровна Литвинова — заместитель главного архитектора, одно время работала со мной в комиссии обкома по проверке строек Севастополя. Евсей Моисеевич Пинчук — начальник городской инспекции Госархстройконтроля, тоже мой заместитель, много лет до этого трудился в должности начальника УКСа Симферопольского горисполкома, то есть был моим непосредственным коллегой и подчиненным. Я поставил себе задачей в сжатые сроки изучить досконально генеральный план города, другие планировочные документы и чертежи, с ними связанные.

Все, что касалось генплана, я тщательно конспектировал: так лучше запоминалось, да и краткий справочный материал всегда был под руками. Параллельно начал работать в библиотеке «Таврика», а затем — и в областном архиве. Меня увлекло и очень интересовало прошлое города. Я изучал старые книги и документы, погружался в ту ушедшую жизнь и испытывал истинное наслаждение. Я и сейчас с интересом просматриваю свои тетради, где я вел записи, связанные с далекими теперь делами и деяниями наших предшественников.

Служебное время тратить на это я не мог, моими были вечера и субботы.

Рабочим документом была одобренная в 1971 г. Госстроем СССР схема размещения жилищно-гражданского строительства на 1971 — 1975 гг., разработанная Крымнипроектом.

В городе сложилась на то время очень неудачная в градостроительном отношении и трудно поддающаяся исправлению структура жилого фонда: удельный вес одноэтажной застройки составлял более 50%, что привело к очень высоким показателям по расходу городской территории и низким по плотности застройки. Реконструкция центральной части города практически не велась. Создался парадокс: малоэтажный центр и многоэтажные окраины. Это состояние, кстати, и до сих пор не преодолено, хотя прошло более 30 лет. Одну из главных, к примеру, улиц города — Карла Маркса, соединяющую железнодорожный вокзал с центром города, можно назвать таковой чисто условно, настолько она неприглядна и неустроена. Уже в те, семидесятые годы, возникла проблема хранения индивидуальных (слово «частных» еще трудно входило в оборот) автомобилей. Начали строиться кооперативные гаражи. Одновременно, велась жесткая борьба с самовольным их строительством во дворах, мало, кстати, успешная, как и борьба с остеклением лоджий и балконов.

В эти годы заканчивалось строительство здания украинского музыкально-драматического театра и одновременно велось благоустройство площади им. Ленина. Осуществлялись работы по реконструкции Советской и Кубышевской площадей. Строились здания облпотребсоюза и сельхозтрестов на площади Куйбышева, и крытого рынка. У центрального рынка — дом ДОСААФ и объекты военного училища. Осуществлялись реконструкция и новое строительство университета, мединститута, филиала приборостроительного

института (теперь — Академия природоохранного и курортного строительства). В работе были областная больница им. Куйбышева, железнодорожная и инфекционная больницы, три школы, объекты торговли и т. д. В общем, жизнь шла, забот хватало.

Управление главного архитектора города получило новое помещение — была закончена пристройка к старому зданию горисполкома на пл. Советской. Нам дали несколько кабинетов, помещения для спецчасти с геодезическим архивом, оборудовали мы небольшой зал для заседаний градсовета, где разместили чертежи генплана и макеты застройки города. Институтом Крымниипроект была начата корректировка генерального плана города, утвержденного в 1966 году. Многие основные положения его по разным причинам устарели. Решались вопросы численности населения, этажности застройки, транспорта, инженерного оборудования. В работе над генпланом принимали участие ведущие архитекторы института Б. Д. Ябчаник, М. И. Мелик-Парсаданова, Л. П. Фруслов, А. А. Полегенький.

Начаты были восстановительные работы в замечательном уголке Симферополя — парке Салгирка. Он воссоздавался как образцово-показательный ландшафтный парк.

Важнейшей задачей была реконструкция реки Салгир и благоустройство ее набережной.

К 30-летию Победы в парке им. Гагарина был зажжен Вечный огонь, в оборудование которого я вложил много труда.

Начато было формирование большой промышленной

зоны в районе Николаевского шоссе. Ряд предприятий города получили возможность освободить площади, занимаемые в селитебной территории.

Я даю фрагментами круг вопросов, которые были основными в работе главного архитектора города. Много я не упомянул. Была рутинная работа по размещению объектов строительства, споры и недовольства как своими решениями, так и невозможностью по объективным причинам и обстоятельствам достичь того или иного желаемого результата. Служба главного архитектора города и тяжела, и часто неблагоприятна.

В городе в этот же период началась чехарда с городской властью. Уехал в Киев на должность заместителя управляющего украинской конторой стройбанка М. А. Лозовой. Я это воспринял тяжело, далеко не безразлично то, с кем работаешь. На его место приехал из Евпатории Л. Д. Мысов — кандидат наук, не помню каких. И году не прошло — его освободили. На должность председателя горисполкома был избран В. М. Максимов, до этого работавший заместителем. Сменилось руководство и в горкоме партии: М. В. Ревкина, назначенного возглавлять крымский туризм, сменил Э. К. Покровский.

Все это не могло меня обрадовать. Моя жизненная школа была такова, что мне трудно было приспособливаться под привычки и желания новых людей. Сыграло отрицательную роль в этом и мое предыдущее служебное положение. В свое время я был не ниже по должности этих людей, обладал большей властью, большим влиянием. В бытностью

мою в облисполкоме мэры городов старались держать со мной уважительные отношения. Правильно говорят, что власть портит человека. Это, очевидно, относилось и ко мне. Случился конфликт с самим собой: мне все труднее становилось выслушивать и адекватно воспринимать все указания и поручения, мне даваемые. Особенно, если это касалось моей профессии, моего должностного удела, моей епархии. Росло внутреннее противоречие. Я не мог терпеть попыток мною командовать, мною понукать и заставлять принимать решения, часто противоречащие моему понятию о служебном долге. Я знаю, что это удел многих главных архитекторов городов. Некоторые смиряются, ищут компромиссы, находят их и успокаиваются. Кто этого не делает, становится неприятен, плохо терпим, неуютен, наконец. Я чувствовал, у меня это назревает. Никто мне ничего не говорил, ни на что не намекал. Но взаимоотношения становились суше, исчезли доброжелательность и сердечность. А происходит все банально просто.

Вот житейские примеры. Приходит к тебе на прием дама весьма приятной наружности. Ты ее знаешь, она работает в очень влиятельной организации. Дама просит согласовать ее брату установку во дворе многоэтажного дома металлического гаража. Ты начинаешь выяснять что, где, как. Оказывается, во дворе уже стоят два или три гаража. Но брат — не инвалид, протезированный автомобилем, и ты вежливо отказываешь. Дама тебе объясняет, что пришла по направлению и называет имя и отчество того, кто послал. Оно странным образом совпадает с именем и отчеством твоего

шефа. Ты делаешь вид, что не знаешь, о ком идет речь, и решение не меняешь. Дама, поджав недовольно губы, уходит.

Или звонит, а затем приезжает к тебе директор уважаемого в городе предприятия. Просит определенный, указывается адрес, участок под застройку жилым домом для работников предприятия. Ты объясняешь, что этот участок зарезервирован для строительства за счет бюджетных капиталовложений по линии местных советов, так как не имеет сноса, обеспечен коммуникациями и т. д. Предлагаешь другой, третий, но со сносом старого фонда. Директор настаивает, ты стоишь на своем. Расстаетесь если не врагами, то очень и очень прохладно. Задним числом ты узнаешь, что этот директор дружен с твоим шефом, и не только по работе.

В обоих случаях твой шеф стоит как бы в стороне. Он тебе ничего не говорил, ничего не просил. И, если нужно сделать какие-то нарушения, то делаешь их ты вроде по своей воле, так как ты понятливый человек, знаешь что к чему. Это в подчиненных ценится. А не хочешь — Бог тебе судья, тебя тоже вроде никто напрямую не осуждает.

Вот так бывает в жизни. Как быть, как поступать в этих ситуациях?

Ты продолжаешь работать, но остаешься как бы без иммунитета.

В марте 1975 года прошли выборы в местные Советы. Я не был выдвинут кандидатом в депутаты, хотя главный архитектор города всегда был депутатом городского Совета. Все стало на свои места, сомнений в моем отрица-

тельном реноме в определенных руководящих кругах города не было. В июне 1975 г. в трудовой книжке появилась запись: «Освобожден от должности главного архитектора города Симферополя в связи с переходом на проектную работу».

Я вернулся в свой институт, где девять лет тому назад был директором. В том здании, которое родилось благодаря и моим усилиям и было построено с моей помощью, я занял кабинет руководителя проектной мастерской. Я получил возможность опять окунуться в свою профессию. Ведь архитекторы — единственная из строительных специальностей, которые изначально готовятся именно для проектной деятельности, т. е. работы в проектных организациях. Строительный объект (я не имею в виду рутинные, массовые стройки) рождается и формируется как творческое детище архитектора. Все остальные специалисты — конструкторы, технологи и др., могут включаться в проектный процесс только после оформления идеи, облачения ее в эскизные, предпроектные проработки, которые выполняет архитектор.

Я не хочу принизить роль всех остальных участников этого действия. Все они имеют свой вклад в это общее дело, их квалификация, профессионализм имеют огромное влияние на выход доброкачественного продукта. В процессе работы — с их подачи — архитектор может и должен, если нужно, менять свои первоначальные решения, но общий замысел, общий образ будущего строительного объекта, его качество и сила воздействия, как произведения искусства, — во власти архитектора, мера его способностей и таланта.

В мастерской, куда я пришел, был только один архитектор. Александр Соломонович Бабицкий был ведущим архитектором филиала, имеющим большой опыт, знающим специалистом. И — работал за доской. Я об этом говорю потому, что система советского проектного дела, когда твоя зарплата зависела не от твоих способностей, таланта, наконец, а от должности, которую ты занимал, привела к тому, что многие из архитекторов, двигаясь вверх по проектной иерархии, отрывались от «доски». Причиной тому было и засилье типовых проектов.

Что было творить? Осуществлялось общее руководство, а сама «привязка» типового детища могла делаться если не техниками, то, обычно, молодежью, только пришедшей со студенческой скамьи и познававшей азы профессии. Так вот, ситуация в мастерской заставила меня самого сесть за доску: вторая архитектурно-строительная бригада не имела архитектора. Нужно было выполнять срочную работу: 4-е главное управление Минздрава СССР заказало теплично-парниковый комбинат. Для высшего руководства — клиентов госдач на Южном берегу, нужно было круглогодично поставлять свежие овощи, причем не только огурцы, томаты, редис, зелень, но и молодой картофель. Разместили объект вдоль въезда в аэропорт «Центральный». Я включил в работу технологов, которые произвели необходимые расчеты. Были подобраны имеющиеся типовые проекты, на остальные сооружения можно было применить индивидуальные разработки. Я сел за генеральный план, сделал несколько вариантов, решил максимальную блокировку, разработал фа-

сады и развертки. Эскизные проработки согласовал у областного архитектора В. П. Мелик-Парсаданова, и работа закипела.

Столь значительный заказчик имел возможность обходить многие установленные порядки с утверждением документации. Поэтому стройка шла параллельно с разработкой рабочих чертежей: был составлен график, и чертежи выдавались по мере готовности.

Наряду с этим, мною овладевали организационные заботы. В. П. Уманец, бывший руководитель КПМ-1, оставил мне незавидное наследство. Я знал его еще по Гипрограду, где он занимал должность главного инженера. Инвалид войны (потерял на фронте руку) Валентин Прокопович, вследствие этого и по складу характера, был человек импульсивный, непостоянный, часто вздорный. Мог вспылить, перейти на крик, наговорить лишнего, что, естественно, не привлекало к нему людей. Благодаря своей неуживчивости, покинул Гипроград. Однако и у нас дело не ладилось. Мастерская хронически не выполняла план, часть работ была перепроцентована, люди рассорились между собой — конфликты часто порождал сам руководитель. Уволить инвалида Отечественной войны было непросто, не это, хотя и со скандалом, произошло. Когда я приступал к работе, В. П. Уманца уже не было, так что передавать мастерскую мне было некому.

А в самом филиале в это время кипели другие страсти. Я уже упоминал, что директорство в филиале Укрнигипросельхоз принял В. И. Сахаров. На должность главного инженера была утверждена С. П. Варнакова, которую я в

свое время взял по рекомендации на должность начальника технического отдела. Инженер-строитель по образованию, Софья Петровна с проектным производством до этого не имела дела, но в техотделе работали квалифицированные главные специалисты, которые и «тянули воз». Однако все оказалось не так просто. Валентин Иванович страдал известным «мужским» недугом, который так и не смог преодолеть. Человек непростой судьбы, попавший в плен в первые дни войны (служил кадровую на западной границе), прошедший Маутхаузен, бесчисленные проверки в наших органах, сумел все же сохраниться и чудом не попал в тюрьму. Позже написал книгу «В застенках Маутхаузена», имевшую успех. Вступил в партию, что дало ему возможность занимать руководящие должности. Кстати, его сводный брат по отцу Юрий Иванович Сахаров долгие годы работал секретером Крымского облисполкома, и я с ним, естественно, тесно общался по службе. Однако недуг брал свое, В. И. часто бывал «не в форме», а периодически по 7 — 10 дней вообще не выходил на работу.

Софья Петровна по-своему использовала эту ситуацию. Филиал обслуживал работами сельскохозяйственное производство, разрабатывал проекты застройки сельских населенных пунктов, проектировал весь соцкультбыт для села. Неизбежны были всяческие планерки, совещания в партийных и советских органах, иное представительство. В. И. вынужден был по понятным причинам посылать периодически на эти действия главного инженера. С. П. это нравилось, женщина она была видная, не лишена привлекательно-

сти. С ней с удовольствием общались, и постепенно все привыкли, что Укрнигипросельхоз - это С. П. Варнакова. Я в свое время, уже работая в УКСе и бывая на тех же совещаниях, где вместо Сахарова присутствовала Варнакова, заметил эту тенденцию и предупреждал В. И. о плачевных последствиях. Но, оказалось, бесполезно. Наступил момент, когда «симпатии» главного инженера, а они были и в обкоме партии, решили эту проблему: С. П. Варнакова была назначена директором, В. И. Сахаров переведен в техотдел на должность главного конструктора. Так получилось, что последние годы жизни мы с В. И. Сахаровым проработали рядом. Он был неплохим инженером-конструктором, по мере своих сил выполнял возложенные на него обязанности. Но болезнь прогрессировала, и в 1981 году на 62 году жизни (он родился в декабре 1919 г.) Валентин Иванович закончил свой путь.

Еще одна маленькая деталь. С. П. никак не могла понять, зачем и по какой причине я вернулся в филиал. Ее борьба за директорское кресло была на завершающей стадии, она боялась какого-либо подвоха с моей стороны, а когда директорство уже состоялось, даже предложила мне место главного инженера. Но я ее успокоил, поблагодарил за доверие и сказал при этом, что в мои планы это не входит. Чисто административные должности меня уже не прельщали, я уже по горло был сыт своими прежними должностями.

Но, вернусь к мастерской. Нужны были архитекторы. По моей просьбе был послан запрос в Госстрой УССР, и уже через год мастерская получила двух архитекторов —

выпускников того года. Один из них, как ни странно, вскоре по комсомольскому набору, который тогда проходил, завербовался в органы МВД и уехал в милицейскую школу в Краснодар. Второй — Володя Мишуров прижился у нас, был способным перспективным архитектором и стал моим ближайшим помощником. Через некоторое время из другой мастерской к нам перешел архитектор Миша Оробинский, тоже молодой специалист. Михаила Николаевича Оробинского я и сейчас изредка вижу. Он у нас женился, родил двух девочек (столько лет прошло, они сами уже мамы) и тоже вырос в делового, квалифицированного специалиста. Я с большим удовольствием дал ему рекомендацию в Союз архитекторов.

Володя Мишуров задал мне хлопот и далеко не служебного характера. Он сошелся с какой-то женщиной, старше себя по возрасту, что страшно беспокоило его родителей. Жил он, как и все молодые специалисты, в общежитии строителей. Затем переехал к этой женщине куда-то в Марьино. Его папа — Мишуров Иван Дмитриевич (его адрес днепропетровский и телефон до сих пор сохранились в моей записной книжке) начал мне звонить домой, просить посодействовать. Я ездил к ним в Марьино, но ничего, естественно, не добился. В общем, превратился во второго «папу», вел посему воспитательные беседы с Володей. Чем закончилась эта история, я так и не знаю, так как Володя Мишуров, в конце концов, уехал в Днепропетровск.

С Мишуровым мы выполнили проект административно-лабораторного корпуса Ялтинского горно-лесного запо-

ведника. Было получено разрешение Госстроя на разработку индивидуального проекта, так как типовых не было. Здание получилось необычной архитектуры, с высокими скатными кровлями типа швейцарских шале, построено было быстро.

За разработку проекта и строительство детского сада в винсовхозе «Коктебель» в 1979 г. я получил премию Госстроя УССР за лучшее выстроенное здание.

В мастерской также разрабатывались проекты клубов для центральных усадеб ряда хозяйств Крыма. Привязывались типовые проекты, но со значительной переработкой в связи с местными условиями и по требованию заказчиков. Мы шли на некоторые нарушения «табу» по этому вопросу, но, так как не было случая, чтобы банки тормозили финансирование строительства, то все сходило. А. С. Бабицкий набил в этом руку, он был неплохим продюсером, как теперь говорят. По его проекту, кстати, в те же годы был построен клуб областного управления МВД в Симферополе.

Много забот и работы требовало строительство показательного села Петровка колхоза «Дружба народов», о котором я уже упоминал. Мастерская выполняла работы по объектам жилья. Я ездил на планерки, связанные со строительством общественного центра, о проектировании которого тоже шла речь. Тогда я еще ближе познакомился с И. А. Егудиным — председателем колхоза «Дружба народов». Ветеран колхозного производства, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета, Илья Абрамович принадлежал к той когорте «маяков» социализма, которым раз-

решалось почти все. Не лишенный предпринимательской жилки, он умело пользовался своей известностью и своим авторитетом, наладил с нашей помощью переработку сельхозпродукции, торговал ею по всему Союзу (мы ему проектировали птицефабрику с цехом переработки, крольчатники, холодильники для фруктов). В новые дома, однако, не переехал, жил в доме с усадьбой. Я как-то спросил, почему не берет жилье «со всеми удобствами»? Иронически улыбаясь, И. А. отвечал: «У жены ноги больные, тяжело ходить по этажам». В числе именитых гостей, которых хозяин считал нужным принимать дома, а не в отдельном зале в колхозной столовой, я бывал у него. Ничего особенного, неказистый домик повоенной постройки. Правда, импортная мебель, ковры, хрусталь — набор советского функционера — присутствовали. Еще не пришло время советским корейкам блистать фешенебельными особняками.

Что собой должна была представлять застройка села Петровка в соответствии с разработанным нам проектом? Это, по существу, микрорайон городского типа, застроенный четырехэтажными жилыми домами. Разместили мы его на южной окраине села. Существующая усадебная застройка вся была сохранена, Егудин не дал ее разрушить. Для нужд многоквартирных домов за пределами села были предусмотрены земли для подсобного хозяйства (огородов) и строительства сараев для скота. Т. е. такой непонятный симбиоз: ты, вроде, живешь в городе, но можешь держать и корову, и поросенка, кур, гусей, но — там, за километр от своего жилища. Там же тебе разрешили выращивать овощи, фрукты и



другое, принятое на сельских огородах, в том числе петрушку, укроп, сельдерей, необходимые к столу каждый день. Нужно борщ, к примеру, заправить — бежишь туда. Сорвав пучок — бежишь обратно. Но ведь можно, вы скажете, заготовить впрок? Но если «впрок», то зачем жить в селе?

Я отрицательно относился к этой затее, одобренной и узаконенной на самом высоком уровне — постановлением ЦК партии. Возражать было бессмысленно. Правда, когда и в других хозяйствах Крыма начали строить одиночные многоэтажные жилые дома, на одном из областных градостроительных Советов я попытался убедить присутствующих о преждевременности распространения этой новации в жизнь. Но поддержки не получил, в том числе и от областного архитектора В. П. Мелик-Парсаданова. Виктор Павлович, уроженец Баку, потомственный городской житель, считал, что и крестьяне должны иметь все городские блага. Но зачем им давать эти «блага» в виде квартиры на четвертом этаже?

Теперь, по прошествии многих лет, я могу сказать, что эта идея была вредной. Вредной, в первую очередь, для самого сельскохозяйственного производства. Мы говорим о крестьянине, как о хозяине на земле, на которой он работает. Но ведь «укоренить» этого хозяина на этой земле можно только, поселив его на ней, в просторном усадебного типа доме, со всеми элементами благоустройства, инженерного обеспечения. Дать селу всю необходимую инфраструктуру. Будет ли при доме огород или только сад, или, еще проще, только газон — селянин решит сам. Во всем мире люди, разбогатев, в первую очередь стараются приобрести жилой

дом — на природе, у речки или озера, если это можно — вдали от городской суеты. У нас теперь — тоже.

Я понимаю идеологию этого действия, предпринятого партией в те годы. Коммунистическому бытию не нужны были хозяева земли. Партия давно отлучила крестьян от этой собственности, превратив их в наемных работников, или другими словами, государственных батраков. А батраков удобнее селить в сотах, как пчел: так дешевле, меньше расход земли, и легче выгонять на работу. Проще было изымать и продукт их труда.

Не нужно напоминать все то, что последовало за этим. Люди старшего поколения помнят хронические нехватки основных продуктов питания и очереди за той же колбасой по 2,20, которую до последних дней советской власти можно было только так и купить. А если и были периоды «благоденствия» с продуктами, то они и связаны с очередным недосмотром власти, когда стихийным образом люди начинали «капитализироваться», заводя на подворьях живность сверх установленных норм (как это было сразу после войны).

Чтобы этого не допустить, в 50-е годы вышло постановление ЦК об изъятии крупного рогатого скота из личного пользования колхозников и передаче его в общественное стадо. Так сельских жителей отлучили и от молока.

Я, может быть, ушел в сторону, вторгся в чужую епархию. Но меня пугает то, что наши дети и внуки, выросшие в селе, не видевшие ничего, кроме тяжелого, рабского, по своему существу, труда своих родителей и дедов в колхозах — за

гроши, на чужой земле, бегут в города. Трудиться на земле стало непрестижно, даже унизительно. «Так — он же из деревни!» — такая характеристика давалась человеку, если хотели его болезненно оскорбить и унижить. Вы спросите, но какая все же связь между многоэтажным жильем в селе и этими эмоциональными рассуждениями? А — прямая. Отрыв сельского жителя от земли и переселение его в многоэтажный дом в том же селе — это лишение исконных нитей, корешков, которые связывают его с землей.

В сельском доме с усадьбой человек рождается, делает первые шаги в особом окружении, где и травка, по которой он ступает, и курочка-петушок, и живность другого порядка, и мама со старшей сестричкой, которые что-то делают на этом подворье или в огороде. Здесь и лопата, и грабли, и папа строгают, стучит молотком, чинит и ремонтирует — учеба с пеленок. Ребенок непосредственно связан с этим сельским бытом, аура земли, ее запахи, обволакивает его с самого рождения и до сознательного становления, как человекау, как гражданина. Так и только так можно вырастить хозяина земли, который будет с радостью на ней трудиться и гордиться своим трудом.

И другой пример. Почему старые люди, живущие в селе, не хотят переселяться в квартиры своих ставших городскими детей, противятся этому? В городском быту, где связь с внешним миром только черед балкон, они погибают в считанные месяцы. Если не физически, то морально. Это два совершенно разных понятия — город и село. Поэтому, городу — городское, а селу — сельское, ему присущее и освящен-

ное веками.

Я этим летом гостил у внука в Германии. Из Мюнхена он повез меня к подножию Альп, в Гармиш-Партенкирхен. Добрую сотню километров мы ехали по так называемой сельской местности. Да, сел в нашем понятии нет. Стоят добротные одно-двухэтажные жилые дома, такие же крепкие и массивные дворовые постройки, традиционная красная черепица, церковь, асфальтированные дороги. Встречались обособленные скотные дворы-фермы, окруженные полями с кормовыми посевами. Но нигде я не видел многоэтажных или просто многоквартирных домов. Их — нет! Немцы считают невозможным, проживая в селе, таким образом делить свой кров с кем-то чужим. Только — свой дом.

Сейчас у нас земля перешла в частную собственность тех, кто на ней работал. Создаются абсолютно другие взаимоотношения между крестьянином и основой его труда — землей. Утверждается новый общественный уклад.

«Агрогородам» в наших селах и, тем более, отдельным многоэтажкам придется доживать. Их сносить никто не будет. Эксперимент на этом закончился. Но люди еще долго будут в них мучиться. То нет воды, то не подают тепло, а канализация, а ремонт, а трубы — наружные и внутренние, которые «рвет». И колхозов уже нет, ЖЭКов в селе тоже. Подъезды неухожены, входные двери в лестничные клетки разбиты. Сколько мороки все это задает жителям городов, где хоть какая-то эксплуатация жилья имеется, а в селе?..

Работа мастерской постепенно налаживалась, я считался с долгами к плану, пошли даже премии.

Между тем, в нашей с Тоней семье назревала трагедия. Старшая дочь Ирина страдала острой почечной недостаточностью. Одна почка практически не работала. Мы предпринимали все возможные меры, чтобы спасти девочку. При помощи второго секретаря обкома партии А. Н. Макухина я смог поместить дочку в московский институт трансплантации органов (так он, кажется, назывался). Тогда там была единственная на весь Союз палата, где вместе с ней ожидали донорской почки еще три девушки. Почти четыре месяца Тоня жила в Москве, девочкам этим операции по пересадке почки были выполнены ранее, но все они закончились печально. И так, как Ира все-таки как-то держалась, мы решили забрать ее домой. Но в начале 1978 года наступило резкое ухудшение, требовались систематические подключения к аппарату искусственной почки. В марте санавиацией с сопровождающим врачом Иру переправили в Киев, в институт подобного профиля. Спасти ее уже не смогли. 21 марта 1978 года в возрасте 32 лет (день рождения у нее был 20 марта) дочка скончалась.

Мы с Тоней тяжело пережили эту утрату. Действительно, нет ничего страшнее, когда родители хоронят своих детей. Это я теперь думаю, какое счастье, что у нас есть вторая дочь. Наша Асенька, моя Детуля, как я ее называю, еще при жизни Ирочки вместе с зятем Сережей родили нам внука (Ира его очень любила — возилась с ним, забирала к себе домой, он отвечал ей взаимностью). А внук — двух правнуков — Артура и Давида. Но отметины остались. Даром для здоровья это не проходит.

В январе 1981 года я перенес инфаркт миокарда. Месяц пробыл в 6-й горбольнице, затем — реабилитация в Ливадии. Там мне стало только хуже: пересеченная местность (к столовой нужно было спускаться, но затем, обратно в корпус, уже идти в гору) не помогла мне, а наоборот. До окончания срока вынужден был уехать, и попал обратно. Теперь уже в кардиологию.

В мае того года мне исполнилось 60 лет, и я решил выходить на пенсию. Получил персональную пенсию, дававшую к тому же большие льготы (ежегодная бесплатная путевка в санатории 4-го Главуправления Минздрава плюс льготная путевка жене, бесплатный проезд по Союзу, бесплатные лекарства, ежегодное денежное пособие и др.). С июня по октябрь 1981 года я пребывал в непривычном для себя состоянии. И, хотя получил 2-ю группу инвалидности, постепенно набирался сил. Вначале донимала стенокардия, трудно было ходить. Постепенно «расходился», а утренняя зарядка и ранее была для меня — святое. И когда в октябре того года И. Е. Коломийцев — директор Крымского филиала Укржилремпроекта в очередной раз пригласил меня на должность главного архитектора, я решился. И, нужно сказать, сделал правильно. Иван Ефимович — душевный и умный человек, которого я знал еще по его работе в горкоме партии, создал мне все условия. Рабочий день был установлен продолжительностью в 6 часов, что давало возможность построить режим. На работу я выходил пораньше, шел только пешком, по набережной Салгира — в любую погоду, а это — ежедневный незаменимый ничем моцион. Я был свобо-

ден в своих действиях, рабочий день строил сам. В филиале было 12 «подопечных» архитекторов. Я старался контролировать все работы — с начальной их стадии.

Ежедневный обход мастерских и консультации стали системой. Наладил техническую учебу. Кроме архитекторов, была группа Мадины Сидоренко, занятая на разработке генпланов и вертикальной планировки. Особое внимание уделил изучению классических архитектурных форм: мы работали со зданиями дореволюционной постройки, решенных именно в этом стиле. Познания же в классике были удручающе слабы.

Я имел также возможность много работать за доской. Это всегда приносило мне истинное удовольствие, даже радость. Радость творчества — ни с чем не сравнимое состояние!

Дело в том, что случались просьбы, поручения директивных партийных и советских органов, срочные, вне плана и титульных списков. К 200-летию основания города Симферополя было принято решение реконструировать под шахматно-шашечный клуб здание по ул. Набережной, 29, где размещалось общежитие рабочих-строителей. В плане филиала объекта, естественно, не было. Я произвел обмеры, поручил сделать обследование конструкций. Выполнил перепланировку помещений, разработал дворовый и торцевые фасады. Это было связано с тем, что остатки архитектурного декора имел только главный фасад. Торцевые фасады его не имели, а дворовой, где была сделана более поздняя пристройка, не был даже оштукатурен. В ходе строитель-

ства тесно контактировал с отделочниками, лепщиками, которых нашел подрядчик. Пришлось также делать шаблоны тяг и карнизов. Разработал чертежи флюгера на башне здания, изготовление которого выполнял электромашиностроительный завод. В проектировании интерьеров помощь мне оказали архитекторы Крымниипроекта - я уже не успевал все сделать сам. Здание было сдано в эксплуатацию к сроку, а наградой мне был пропуск на проезд на своем автомобиле по всем закрытым улицам города, врученный лично председателем горисполкома В. Ф. Лавриненко. Я был этому рад (каждый автомобилист меня поймет — в то время центр города был закрыт для проезда автотранспорта).

В тот период мне довелось разработать серию индивидуальных проектов домов для садовых участков. Было увлечение дачным делом, государство решилось дать горожанам, наконец, землю для садово-огородных кооперативов. И хотя ограничения по домикам были драконовскими — «ни выше, ни шире, ни больше», я попытался создать несколько вариантов. Проекты мои не имели официального статуса, так как существовали утвержденные типовые, но имели привязку к местным материалам и условиям и пользовались спросом.

Разработал также блок оздоровительного комплекса с сауной, который имел применение в нескольких санаториях Евпатории и на ЮБК. Такой же блок, но в виде отдельно стоящего сооружения на берегу пруда — для одного из совхозов Черноморского района. Было много других проектных работ, я не сидел без дела, перечислять все долго.

В Укржилремпроекте я проработал 10 лет и отметил там 50-летие трудовой и творческой деятельности и 70-летие со дня рождения. Должен сказать, что я сохранил самые добрые воспоминания об этом коллективе. Помню всех, с кем трудился или тесно общался, ежегодно бываю гостем, когда традиционно в кругу ветеранов производства отмечается День Победы — 9 мая.

Новый директор Крымпроектреконструкции (так называется теперь Укржилремпроект) С. А. Бершадский строго блюдет эту традицию. Мало того, большинство проектов, выполненных мною уже после ухода из института, я разработал совместно с архитекторами Валерием Тихоновым, Ольгой Макеевой и Татьяной Лементой, а также инженерами Людмилой Руленко, Мадinou Сидоренко, Галиной Голубинской, Галиной Матвеевой, Мариной Кройт. Главным инженером проектов был Станислав Барбаховский, к которому я питаю искреннее уважение за его организаторские способности, контактность и добрый человеческий характер.

В начале 90-х годов, поначалу робко, стали появляться частные проектные бюро. В одном из этих бюро, еще работая в институте, я начал сотрудничать. Ю. Н. Безуглый, работавший до этого в Крымниипроекте, организовал малое научно-производственное предприятие «Альт», с которым я связал свою судьбу на последующие 10 лет (с 1991 г. по октябрь 2000 г.).

Юрий Николаевич (ныне главный архитектор города Симферополя) — доброжелательный, спокойный по натуре, тактичный во взаимоотношениях и очень обязательный че-

ловек мне очень импонировал, что создавало хорошие условия для сотрудничества. Работал я дома. Это было удобно, я не выбивался из того жизненного ритма, который установился. Объекты были разные, но для меня это, в принципе, не имело значения: я не делил их на значимые и незначимые, интересные и проходные. Каждая работа меня увлекала — рождался продукт твоего творчества. Опыт был, более мелкие по объему объекты я разрабатывал сам, т. е. архитектурно-строительную часть давал в рабочих чертежах. Это позволяло корректировать свой замысел в процессе работы. Есть архитекторы, не любящие и всячески избегающие стадии рабочего проектирования. Я не могу объяснить причину этого. Не царское это дело? На ум приходят творения художников-«примитивистов». Мне кажется, что они рисуют так потому, что иначе просто не могут, не получается — нет таланта, нет способностей.

Может быть и архитекторы потому? Хотя, скажете вы, какой особый талант иметь нужно, чтобы разложить, предположим, панели перекрытия. Между тем, разместить их так, чтобы получить максимальный эффект по площади помещений, которые они перекрывают, создать тот объем, который тебе нужен, тоже искусство и тоже — творчество, и поручать его техникам или конструкторам — негоже. Больше того, проводя техучебу и проверяя работы в мастерских, я убедился, что некоторые вообще не понимали жестких взаимосвязей осей здания и стандартных размеров элементов сборного железобетона. На вопрос о том, как разбивать оси здания, нет однозначного ответа, - для каждого твоего творения это

будет по-разному. На крупных объектах моим коллегой бывала, в частности, Людмила Александровна Руленко — опытный конструктор и просто милая женщина. Работы проработки элементов генпланов я обычно поручал Мадине Сидоренко, которую до сих пор называю «дочкой» (она одного года рождения с нашей Ирочкой). Мадина владеет четкой и привлекательной графикой.

В 1992 г. я разработал проект застройки усадебными жилыми домами квартала по ул. Бархотовой в Симферополе. Предназначался он для депортированных крымских татар. Работа потребовала создания индивидуальных проектов жилых домов, которые учитывали бы запросы многодетных семей. В течение двух лет квартал был полностью построен. Я рад был хоть каким-то образом отблагодарить этот народ за проявление симпатий к Украине и скрасить те страдания, которые он перенес в свое время. Они были сопоставимы с мучениями десятков тысяч украинцев, не только «западенцев», как с неприязнью произносят многие из нас, которых тоже депортировали за любовь к собственному народу, за желание жить в свободной независимой Украине. Крымские татары вызывают мое искреннее уважение своей стойкостью, сплоченностью. Не любят их, в первую очередь те, кто не любит (а часто и — ненавидит) Украину. Для них они, как кость в горле. Быть «хозяевами» в Крыму, а они не сомневаются в своем праве на это, мешают крымские татары. Отсюда всякие выдумки и страшилки как из уст руководителей различных русских обществ, так и «вождя» крымских коммунистов. Причем, одна нелепее другой, не хочу их

повторять. Мы с Тоней на нашем Куйбышевском рынке старались покупать овощи и фрукты и, особенно, молочные продукты только у татар. Тоня моя даже подружилась с этими достойными женщинами-молочницами, покупка творога или сметаны порой превращалась в душевную беседу. У меня до сих пор стоят перед глазами их печальные лица и невыдуманное, не лицемерное сочувствие, когда они узнали, что моей Тони не стало.

В Марьино, по ул. ген. Родионова размещается известный в городе ресторан «Людмила». До этого здесь располагалось небольшое помещение приемного пункта стеклотары. Проектирование на этом участке в 1993 г. вначале кафе-бара, а затем ресторана «Людмила», положило начало моего сотрудничества с бизнесменом Г. Ф. Канахиным. Очень настойчивый, трудолюбивый, энергичный Геннадий Федорович сам трудился на своем объекте. Таскал камни, месил раствор — помогал нанятым рабочим. Здание несколько раз перестраивалось, увеличивалось в размерах. Даже горело (конкуренция?). Этим своим объектом я не вполне удовлетворен. Насколько он привлекателен в интерьере, настолько непригляден внешне. Заказчик допустил много вольностей в отделке фасадов, отделочников нанял с опытом «деревенских» построек, и таков результат. К ресторану предполагается пристройка, расширяющая обеденный зал, что дает возможность попутно довести до ума и фасады. Рядом я спроектировал ему же магазин стройматериалов. Вместе со мной над объектом трудилась архитектор Лементы.

С Таней Лементой я сотрудничаю много лет. Она

отличается живой реакцией, быстро схватывает идею, быстро работает. Имея большой опыт, способна осилить любой объект. Жизнерадостность и доброжелательность привлекают к ней людей. Она сработалась с Г. Ф. Канахиным, и теперь уже без меня выполняет его заказы.

По заказу Канахина мною в «Альте» были выполнены предпроектные предложения гостиницы, кафе-бара и магазинов по ул. Мира, 1 «А» в Симферополе. Это — одна из моих последних работ. На участке разрушенного бывшего кинотеатра «Маяк» разместил 4-этажное здание гостиницы на 65 номеров повышенной комфортности с полноценными блоком обслуживания на 1 этаже, кафе-бар на 100 пос. мест и магазины продовольственный и «все для дома».

Территория комплекса (0,84 га) предусматривалась режимной, охраняемой, с автостоянками на 45 машиномест, теннисным кортом. Жаль, что эта работа не пошла дальше. Хотя Канахин выкупил участок вместе с остатками кинотеатра на городском аукционе и получил все необходимые документы, появились другие, более мощные претенденты. По их поручениям уже велись переговоры о начале проектных работ на этом же участке. Это обнаружилось позже, и на градостроительном Совете, где рассматривались мои проектные предложения, все «всплыло». Двое моих уважаемых коллег имели виды на этот участок (один из них — тогдашний руководитель «Альта», что было совершенно удивительным) и вынуждены были «засветиться». Вопрос повис в воздухе. Позже я узнал, что этот участок, якобы отдан Таврическому университету. Между тем, по настоянию главного

архитектора города Ю. Н. Безутлого я разработал схему планировки всего квартала, где разместил и свой объект, и возможные будущие объекты того же университета. Весь этот материал фигурировал на этом злополучном совете. Замечу также, что Г. Ф. Канахин с супругой и семьей дочери живет в Марьино в двухквартирном доме, который я ему спроектировал в эти же годы. Это здание — двухбашенное — заметно выделяется в окружающей застройке.

В 1994 г. я разработал проект реконструкции зданий по ул. Крылова, 107 под учебный корпус университета менеджмента и коммерции. Работа не принесла мне удовлетворения, так как участок оказался мал, затеснен, без перспективы увеличения, что ограничило мои возможности. Хотя само здание было быстро построено и эксплуатируется.

Крупная работа была выполнена в 1995 г. совместно с ГИПом С. В. Барбаховским по реконструкции здания РОВД по ул. Тургенева, 26. Ныне здесь размещается юридический институт МВД — филиал Харьковской юридической академии.

В том же 1995 году совместно с архитектором В. А. Тихоновым и конструктором Л. А. Руленко была выполнена реконструкция жилого дома по пр. Кирова, 74. Ныне здесь находится офис фирмы «Лукойл». Я и до этого занимался реконструкцией зданий дореволюционной постройки. Обычно мы делали надстройку (полную или в виде аттика), с повторением архитектурного декора, т. е. полностью под «старину». Здесь же, кроме, естественно, полной внутренней перепланировки этого старинного особняка, надстроен вто-

рой этаж в виде мансарды. В Симферополе это был первый опыт подобного решения, перешедший уже теперь «в серию».

С Валерием Тихоновым я сотрудничал по многим работам. Мне нравится этот открытый парень, своенравный, самолюбивый, рано проявивший свою профессиональную достаточность и способность решать сложные задачи. Строптивость его поведения часто была связана с его неумением держать себя в определенных ситуациях, которые носят характер насилия над личностью. «Опять твой Тихонов?» - обычно выговаривал меня директор института И. Е. Коломийцев. «Что опять, Иван Ефимович?» - недоуменно спрашивал я. «Что, что, - кипел Иван Ефимович. — Уже 10 часов, а он только изволит являться на работу». «Так установите ему свободный рабочий день, свои восемь часов он всегда отработает. К вашему сведению: вчера он ушел с работы уже в девятом часу вечера».

К обоюдному согласию этот вопрос быстро решился, и Валерий смог работать по своему графику. Я привел этот пример потому, что по настоящему творческого человека нельзя держать в рамках «от и до». Если «процесс идет» (знаю это по себе), то когда «очнешься» и посмотришь на часы — удивлению нет конца. Валерий является именно творческим человеком. Я бывал у него в мастерской ежедневно, были споры — тоже творческие. Он мог обидеться на меня, если замечания мои казались несправедливыми. Но я знал, что эту тактику нужно продолжать, я ею подпитывал — это было очевидно - наполнял знаниями норм и правил, опытом: зерна

падали на благодатную почву. Ему можно было дать идею, что часто бывало в наших общих работах, а в том, что он ее обогатит, трансформирует, если нужно, и доведет до ума — можно было не сомневаться.

Мы с Валерием Тихоновым дружим до сих пор, если можно назвать дружбой взаимоотношения таких разных по возрасту людей. Ему симпатизировала моя Тоня, с которой он уважительно и трогательно общался, когда бывал у нас дома. Сейчас Валерий работает как свободный художник и — очень успешно. Да, еще одно маленькое совпадение. Женат он на племяннице В. И. Сахарова, о котором я здесь пишу — Людмиле Сахаровой. Двое мальчиков уже выросли, мужаают. Дай Бог этой семье всех благ.

Хочу вернуться к проектированию торгового центра фирм «Фуршет» и «Фокстрот» - широко известных и авторитетных по всей Украине торговых монстров, под размещение которых мы приспособили полуразрушенное здание бывшего арматурного цеха по ул. Маяковского. Теперь это — современнейший супермаркет, пользующийся большим спросом у горожан. Я бы не сказал, что место для такого предприятия — удачное: очень сложный и напряженный по транспорту узел городских улиц, затесненность самого участка.

Но привязка к существующему сооружению, выкупленному заказчиком, лишала нас поиска вариантов. Мы разработали полный проект, включая технологию (помогали специалисты, присланные из Киева), все инженерное оборудование и сметы. ГИПом по этой работе был С. Барбахов-



ский, группу конструкторов возглавила Марина Кройт, генплан и проект организации транспортного движения выполнила Мадина Сидоренко. Архитектурно-строительная часть разрабатывалась Олей Макеевой, которая, получив мои эскизные проработки общего решения облика здания, выполнила огромный объем всех последующих частей проекта (планы этажей, разрезы, фасады и др.). Мы тесно контактировали, и я считаю, что в целом получили хороший результат.

Об Оле Макеевой хочу сказать особо. Редкий архитектор обладает такой самоотдачей и трудолюбием. В каждой работе она ищет свое, делая множество вариантов. С ней приятно общаться и помогать найти желаемое. Теперь она — зрелый, опытный, самодостаточный, уважаемый специалист. У нее растет смена — ее сын Саша, который уже вместе с ней работает и успешно, совмещая это с учебой в Академии природоохранного и курортного строительства.

Я листаю свою справочную книгу, где у меня расписаны сметы 90-х годов, и выбираю наиболее интересные заказы. Здесь нахожу реконструкцию с надстройкой здания по ул. Ленина, 21 — под стоматологию; реконструкцию цеха №1 завода Симферопольсельмаш по ул. Пушкина, 25 под крытый рынок; дом торговли с гастрономом, магазинами и кафе по ул. Беспалова в Симферополе (не осуществлен — заказчик Г. Ф. Канахин); реконструкцию здания Дома политпросвещения под Верховный Суд Крыма; реконструкцию зданий под офис фирмы «Паулимакс» по ул. Горького, 6 (не осуществлена); реконструкцию здания ДЮСШ-2 с

пристройкой административных помещений.

Работал я много, и, повторяю, с удовольствием. Несмотря на возраст, а было уже под 80.

Делал и индивидуальные жилые дома (особняки, как теперь говорят). В с. Песчаное по заказу фирмы «Прайс-Крым» мною спроектирована вилла (так назвать захотел заказчик) с сауной в подвале, спортзалом и бассейном, - типа мини-пансионата. Эту виллу я решил из двух симметричных двухэтажных блоков с вставкой между ними, где находятся бассейн и спортзал. Каждый блок имеет на 1 этаже просторную (54,5 м<sup>2</sup>), гостиную, кухню с барной стойкой, в цоколе — гараж на 2 автомобиля, наверху — спальные комнаты.

Эксплуатация этой виллы имеет различные комбинации, начиная с заселения двумя семьями. Площадь прилегающего участка — 1200 м<sup>2</sup>, где имеются площадки для отдыха взрослых и детей, декоративный бассейн, беседка. Я так подробно остановился на этом объекте, так как мы теперь только осваиваем технологию создания элитного отдыха.

Жаль, что время уходит так быстро. В этом году мне исполнилось 83 года (родился 29 мая 1921 года). Возраст по нашим меркам немалый. Никогда даже не мечтал дожить до этих лет. Помню, в свое время считал пределом 60. И очень огорчен, что все эти события революционного характера, прошедшие, на счастье, мирным путем, не произошли раньше лет на 20-30. А еще лучше, если бы не было той, кровавой революции, загнавшей наш народ на десятки лет в

не менее кровавый эксперимент. Тогда бы у меня был запас прочности, было жизненное время поработать по своей профессии, которую безумно люблю. Во всем мире профессия архитектора является престижной, высокооплачиваемой и — достойной уважения.

Та девальвация, которой подверглась наша профессия, печальна и ничем не может быть оправдана. Правда, в государстве, где царит принцип всеобщего равенства, по-другому и не могло быть. Я не сторонник радикальных высказываний и рассуждений на тему, могут ли быть в обществе все умные или есть и дураки. Но, что общество неоднородно, это — факт. Каждый занимает ту нишу в системе общественного труда, которая для него предназначена. Есть престижные работы, должности, а есть и тяжелый, не требующий особых интеллектуальных усилий, труд.

И нельзя утверждать, что люди, занятые этим «непрестижным» трудом, все поголовно неудачники, глупцы. Они нашли свою нишу, комфортно чувствуют себя в ней, зарабатывают, содержат семью, учат детей и — создают тот общественный продукт, который крайне необходим. Нельзя также утверждать, что профессия архитектора характеризует какую-то избранность ее обладателя или отмечает его какие-то исключительные способности. Да, прием на архитектурные факультеты несколько отличен по требованиям, чем это принято для других строительных специальностей. Да, здесь нужно иметь и определенные художественные способности, ведь в будущем нужно будет создавать произведения строительного искусства. Если у тебя этого нет, или мало, то

ты определенно не достигнешь высот в этой профессии. Так бывает в каждом ремесле, в каждой отрасли деятельности человека.

И, если я говорю о престижности профессии архитектора, то имею в виду труд и еще раз труд. Талант рождается тоже в труде. Будешь трудиться — будешь уважаем, успешен, достоин любых благ. Как и в каждой профессии. Еще раз повторяю это, чтобы меня не заподозрили в желании выделить или как-то возвеличить мою профессию.

В этой связи я вспомнил своего институтского учителя — профессора Молокина. Он — известнейший в Союзе архитектор, один из апологетов конструктивизма 20 — 30 гг. прошлого столетия, член правления Союза архитекторов СССР, был уже в почтенном возрасте, когда я в 1946 году вновь вернулся после войны в институт (я был призван в армию с первого курса в 1939 году).

В деканате посмотрели мой студенческий билет (мама, как ни удивительно, сохранила), и декан доцент Д. Р. Торубаров сказал, что будет ходатайствовать о восстановлении на 1 курсе, но после сдачи мною экзаменов за первый семестр. Был январь 1946, сессия вот-вот начиналась, но я ведь занятия не посещал (демобилизован был и приехал в Харьков только в декабре 1945г.). Я в растерянности стоял у дверей деканата, соображал, как поступить, когда ко мне подошел такой же, как и я, бывший фронтовик. Шинель, правда, солдатская, в отличие от моей офицерской, уже без хлястика, свободно висела на его крепком теле. Разговорились, познакомились — Борис Семененко стал моим другом на все пос-

ледующие годы учебы. Оптимист и весельчак, Боря сказал: «Нет проблем, идем сдавать первый экзамен, сегодня как раз профессор Молокин принимает».

Я был ошарашен: курс, который нужно было сдавать Александру Георгиевичу и который я не слушал, был связан с характеристиками и особенностями основных частей и конструкций зданий и сооружений (не помню точного его названия).

То, что я дальше поведаю, похоже на студенческую байку, которых эта среда рождала множество. Боря объяснил мне, что профессор глух, очень переживает по сему поводу и всячески скрывает свой недуг. «Ты берешь билет, читаешь вопрос вслух, что-то бормочешь, но не громко. Профессор будет согласно кивать головой, сам давать краткий ответ по теме, как бы подтверждая твои слова, которые он, конечно, хорошо слышит. Тогда уже ты киваешь головой, и дело в шляпе». Вы не поверите, но все так и было. Я сдуру пошел, взял билет, что-то говорил и — получил ... 5 (?!). Вышел оттуда весь мокрый, несмотря на январь месяц, и заклился на будущее — результат такой ценой меня не обрадовал. Правда, на остальные экзамены (были высшая математика, химия и физика) я подготовился и сдал нормально на «отлично», кроме химии, по которой я получил 4. К слову, это была единственная моя четверка за все годы учебы в институте. А химию я не любил еще в школе. Математику мне помогла подготовить мама — учитель математики, физику я знал в объеме средней школы, что оказалось достаточным.

Так вот, этот наш профессор Молокин жил в двух-

этажном особняке (пресловутый экзамен мы сдавали у него дома), построенном им до революции. Занимал он, правда, две или три комнаты, что оставили ему большевики, а остальные (всего было 14 или 15 комнат) использовала какая-то контора. Вот что давала профессия архитектора — успешного, так как трудолюбивого, в те годы в царской России, когда не было всеобщей уравниловки.

Ну, и что, скажут скептики. У нас сейчас, мол, строятся особняки почище твоего профессорского. Да, это правильно. Но строят пока не на деньги, заработанные трудом и не благодаря созидательной профессии, а на фанты, добытый, мягко говоря, в нечестной игре. В том числе и политики, хорошо известные у нас в Крыму — на свою зарплату госслужащего?

В 2005 году минет 5 лет со дня окончания института. Мы, бывшие сокурсники, стараемся собираться ежегодно. Ранее эти встречи организовывала Валя Пернач — моя еще школьная подруга (сидели за одной партой), затем эстафета перешла к Гале Соколовой. Теперь их уже нет, время безжалостно. Как нет и Бориса Семененко, Жени Харченко, Олега Михно, Бики Цимиданова, многих других. Старшин наших встреч стал полковник в отставке Юра Чуров — все хлопоты на нем. Удастся ли всем нам отметить этот юбилей? Хочется надеяться.

Очень хочу снова увидеть дорогих мне Вику Лившица, Марка Теплицкого, Нину Згурскую (Болотину), Лару Савенко, Нину Фурманову, Алину Глебову, Толю Нестеренко, Лару Соколовскую, Свету Гапанович.

В октябре 2000 года я оставил работу в «Альте». Постановлением комиссии при Кабинете Министров Украины «за особые заслуги перед Украиной» мне установили персональную надбавку к пенсии. Получать ее могли только неработающие пенсионеры. Да, и пора уже было. Отдельные работы я еще мог выполнять, но работать в темпе, что требовалось от постоянного работника «Альта», мне уже было тяжело.

Итак, работа в МНПП «Альт» стала последней записью в моей трудовой книжке. Помню и высоко ценю доброе отношение ко мне Юрия Ивановича Нейберга, Иры Подгорной, Веры Москвичевой, Вали Остапенко, Тани Дубовик. Все они присутствовали на моем 80-летнем юбилее. В. А. Москвичева от их имени разделила мое горе и выразила их скорбь по поводу моей утраты. Встречи наши стали реже, но симпатии остались: уж с очень хорошими людьми мне довелось трудиться. Были домашние праздники и дружеские отношения, но была и работа — «не за страх, а за совесть». Не было «конторы», а был творческий коллектив. Желаю «Альту» так держать.

А мае 1998 года Указом президента Украины мне присвоили звание заслуженного архитектора Украины. Вызвали в Киев (позвонили по этому поводу из Верховной Рады Крыма), поселили в «Президент-Паласе».

Диплом и знак вручал лично Президент Украины Л. Д. Кучма. Для меня все это было неожиданно и, естественно, приятно. Обычно, эти регалии присылают на места и вручение происходит, если брать Крым — в Совете Мини-

стров или Верховной Раде Крыма. Фотографии с Л. Д. Кучмой висят у меня в гостиной — их мне прислали из Киева.

В ноябре 2001 года мне была присуждена премия Совета Министров АРК «За многолетний труд по созданию архитектурного облика Крыма», как сказано в постановлении СМ АРК.

Более тридцати лет я являюсь членом областного (теперь республиканского) и Симферопольского городского градостроительных Советов. Это было для меня школой: рассмотрение работ и участие в их обсуждении всегда учеба. Теперь же это позволяет держать себя в тонусе и быть в курсе архитектурных дел в Крыму. Вообще, министр архитектуры и градостроительной политики Крыма В. Г. Кравченко и его заместитель В. И. Приступа очень доброжелательно относятся ко мне. Я ценю это внимание и рад, что еще чем-то, мне кажется, полезен.

Владимир Григорьевич, Владимир Иванович с сотрудниками министерства О. И. Сергеевой, В. А. Долгоносом, С. А. Лапычаком тепло поздравили меня с 80-летием, участвовали в чествовании, которое происходило в Доме архитектора. Были поздравления от институтов Крымниипроект, Крымпроектреконструкция, Академии курортного и природоохранного строительства, Национального Союза архитекторов Украины и др. Главный архитектор Симферополя Ю. Н. Безуглый вручил адрес от Симферопольского городского головы В. Ф. Ермака. Пришел поздравить бывший зам. председателя Крымского облисполкома Ю. А. Хлынов —

и он, и я даже прослезилась. После банкета мы с Тоней увезли машину цветов и подарков...

Тяжелейшим ударом для меня была потеря моей жены, которая скончалась в марте 2003 года.

Пятьдесят восемь лет мы прожили с Тоней одной семьей, родили двух дочек. Дождалась моя Рыбонька и первого правнука — Артура, второй родился уже позже. Прожить такую долгую совместную жизнь непросто. Свадьбу сыграли (громко сказано, но 7 апреля 1945 г. были и гости, и патефон) в Каргополе Архангельской области, где стояло наше Велико-Устюгское военное пехотное училище. Я закончил училище в апреле 1944 года по первому разряду и оставлен был в нем командиром взвода курсантов. Антонина Иосифовна Подлесная (она так и осталась на своей фамилии — переоформлять документы в армии в то время было сложно) приехала к нам в училище после окончания Архангельского мединститута и краткой работы на курсах младших лейтенантов.

Получила звание ст. лейтенанта медслужбы, была начальником санчасти военного училища, лечила меня после тяжелейшей по тем временам операции (прободение язвы желудка), и я навсегда и бесповоротно влюбился в мою женщину.

На день кончины (27 марта) Тоне исполнилось 83 года (родилась 3 марта 1920 года). Так я остался в этой квартире один. Слава Богу, Анечка имеет возможность часто приезжать ко мне (студенты-заочники в Севастополе). Звонит из Мюнхена Дима — внук, я знаю и чувствую, любит

меня, как и любил свою бабулю. Это скрашивает мое одиночество.

Очень много времени занимают бытовые дела: хозяйством я занимаюсь сам.

Освоил практически все премудрости приготовления пищи насущной, соблюдаю при этом диетические требования, связанные с моим, не ахти каким здоровьем. Та же уборка и пр. требуют много времени, но я все время занят, и это хорошо.

Как я уже упоминал, в июле этого года внук мой Дима (ему в августе исполнился 31 год) позвонил из Мюнхена и пригласил в гости. Я, по правде говоря, об этом и не мечтал. Паспорт, виза, деньги — куча сложных и порой, казалось, непреодолимых преград.

Однако в течение двух недель, включая поездку в Киев в германское консульство за визой, я, благодаря настойчивости, внуку и провидению, решил.

Итак, я в Мюнхене. Старейший город, столица баварских королей. Дима, его тесть Валерий (харьковчанин, химик) постарались мне показать все возможное и доступное. Ездили в загородную летнюю резиденцию баварских королей: все содержится в идеальном порядке (дворец, службы, парк), архитектура — ренессанс — гармоничность, спокойствие, красота, лебеди на водных зеркалах и тишина. Подобные сооружения, в этом же стиле, присутствуют и в центре Мюнхена. Изредка (что довольно странно, ведь — Германия) — готика, есть и романские церкви. Но немецкий прагматизм, даже аскетизм, поразили меня в массовой застройке.

И не только — в массовой. Я стоял перед новым корпусом Мюнхенского университета (еще строится): громадное здание — этажей за 10, четкий геометрический ритм окон — и все. Ни поясов, ни тяг, нет карниза — плоская стена. В этом же районе встретил два здания, решенных, вроде, в классике: карнизы, тяги, пилястры, сандрики. Но на самом деле этого (объемного) ничего нет — фасады нарисованы на плоской стене (метод «сграффито»).

Особняки — четкие параллелепипеды с высокой крышей, с мансардой, деревянные выносные карнизы, деревянные ставни. Если нет функционального окна, а на фасаде нужна симметрия — окно рисуется. Это — старые дома. А новые особняки — еще проще. Ничего перечисленного, но — лоджия-балкон (у нас такое совмещение не принято) с маркизой, если сторона солнечная. Ни «игры» объемов, ни выступающих-западающих частей здания — простая геометрия, без «излишеств» и лишней траты денег. Зато в интерьерах немцы не скупятся. Внук живет в четырехэтажном жилом доме (типа наших дореволюционных доходных домов), в послевоенном жилом массиве (Thurgaustrasse). Лестница («лежачая» — у нас в жилых домах типовой застройки такие не приняты) выполнена в мраморных ступенях, освещена витражом снизу доверху и украшена живыми цветами в вазонах, литографиями и эксклюзивными акварелями в рамках под стеклом — на стенах: светло, уютно и без наших лестничных «ароматов». А дом-то — типовой, если по-нашему. И еще: у каждого подъезда оборудованы гнезда, где круглосуточно хранятся (!) велосипеды, детские коляски и

на символических запорах типа веревочки с игрушечным замком. Правда, в трехкомнатной квартире — совмещенный санузел (я, как гость, чувствовал себя неудобно). В оправдание: санузлы оборудованы, кроме вентканалов, принудительной вентиляцией — пару минут, и все в порядке. Между домами, в разрывах — идеальные газоны с ухоженными деревьями и кустарниками (не наши заросли и индивидуальные «садики» под окнами первых этажей).

Мюнхенские музеи — особая статья. Мечтал ли я когда-либо увидеть подлинного Леонардо да Винчи? А Рафаэля, Рембрандта, Рубенса, Дюрера, Греко, Тициана, других великих? Все это было вне пределов досягаемости и, хотя и не охаивалось, но относилось к той — чуждой культуре.

Помню, мой институтский учитель профессор Черноморченко (с такой же былинной бородой) говаривал: «Не побываете в Греции, Италии — не будет из вас архитекторов». Мы, правда, поражались смелости нашего патрона: в сороковые годы эти речи были крамольными (говорят, сын его в чине полковника служил в НКВД — отсюда «смелость»? ). Может быть, архитектурная элита постарше нас и успела в 20-е — начале 30-х годов кое-где побывать, но потом двери захлопнулись для всех. «Тлетворный» Запад не должен был влиять на наше сознание. Ни мы никого не знали, ни нас не знали. И вот я побывал в Старой и Новой пинакотекках. Деталь для размышления: в Мюнхене в воскресенье все эти музеи принимают посетителей бесплатно. В Старой пинакотекке внук приобрел и подарил мне богато

иллюстрированный с великолепными репродукциями каталог на русском языке.

Смог я побродить по центру Мюнхена и один: сидел в метро, хотя и Дима, и его милая жена Алена боялись, что потеряюсь, давали мобильный телефон, настроенный на их номер. Но я так, один воспринимаю новый мир лучше.

Смогли мы с моим Мальчиком погулять и по Мюнхенским паркам. Дима приезжал с работы, ужинал, затем мы подъезжали к какому-то парку — их в Мюнхене множество, ухоженных и великолепных — ставили машину на стоянку. Это были изумительные прогулки. Вечера еще были длинные, солнце садилось не скоро. Я успел в этих прогулках «исповедаться» моему внуку, много рассказать о моей и бабушкиной жизни, чего в других условиях могло и не произойти. Рождалась еще большая близость, а у Димы — очень тонкая душа, все он воспринимает не только умом, но и сердцем, слушает внимательно и с интересом, что создает особенный душевный контакт.

Свозил меня внук и на Олимпийский стадион. Поднялись на телевизионную башню (за 300 метров) — на площадку, с которой весь Мюнхен, как на ладони.

И, все же, не это главное. А главное — вот что: когда я вошел к внуку в квартиру, подошел к кровати и увидел, наконец, своего младшего правнука (ему в те дни исполнилось четыре месяца), одарившего меня радостной улыбкой, взял на руки это теплое существо, еще бессловесное, но такое родное — я понял, что жизнь не закончилась. Сколько в ней

отведено мне, одному Богу известно. Но таков закон природы: смена поколений и дет непрерывно.

И счастлив тот человек, которому на склоне жизни повезет вот так прижать к своему сердцу сына своего внука и убедиться — да, жизнь продолжается!

7 октября — 6 ноября 2004 г.